

С (скирг)
Ш25

Салима Шарипова

БЕЛЫЕ ЛЕБЕДИ
В ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

САЛИМА ШАРИПОВА

**БЕЛЫЕ ЛЕБЕДИ
В ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ**

Чок *кайратов*
Улу *Сыдык*
Тракторщик *Мурзаев*
образов *болуп!*
Автор *Селларин*
г. Б. 04. 2007 г. *м. Б.*

Говорят, что Гении рождаются один раз в сто лет. Само время, накапливая все самое лучшее, активное, нужное именно в этот момент, реализует его в Личности, которая способна воздействовать на течение времени—либо замедляя, либо ускоряя его. К числу таких людей, выполняющих волю высших сил, можно с полным правом отнести Султана Ибраимова. Будущее начинается в Прошлом. Если мы сможем чего-то добиться, то в этом будет немалая заслуга таких деятелей, как Султан Ибраимов, заложивших основание для прекрасного здания нашего Будущего...

САЛИМА
ШАРИПОВА

БЕЛЫЕ ЛЕБЕДИ В ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

(Художественно-публицистическое эссе)

БИШКЕК
«КЫРГЫЗСТАН»
1996

ББК 84 Ки 7—4
Ш—25

Шарипова С.К.

Ш—25 Белые лебеди в черный день: Художественно-публицистическое эссе/Художник С.Жамгырчиев. — Б.: Кыргызстан, 1996. — 208 с.: ил.

LSBN 5—655—01120—4

Писательница и журналистка Салима Шарипова выслушала и записала мнение около ста человек из разных концов республики, изучила массу архивных документов. На этом огромном фактическом материале создана книга, повествующая о прекрасном Человеке и политическом Дятеле, намного предвосхитившем свое время. Публикуется впервые.

Ш 4702300400—076
М 451(11)—96

ББК 84 Ки 7—4

LSBN 5—655—01120—4

© С. К. Шарипова, 1996

ОТ АВТОРА

Замысел написания этой книги родился у меня 20 апреля 1988 года, когда я ждала приема в ЦК КПСС.

Таким образом я лечила оскорбленную душу, прекрасно зная исход моего вопроса, но не хотелось терять надежду...

Время шло—среди украденных бумаг ушли лучшие мои записки о том времени, но чудом сохранились краткие записи слов Султана Ибраимова, которые я обобщила в «Высказывания»...

Я ценила каждый эпизод, услышанный или прочитанный, ибо это был дополняющий штрих к образу.

Желающих сказать о Султани Ибраимовиче становилось все больше и больше, и по мере записей во мне все более утверждалось желание через каждого человека передать в деталях особенности того времени, тесную взаимосвязь большого числа людей и фактов, бытовые и жизненные казусы...

Имела ли я право писать о нем? Это право дало горе, пережитое нашей семьей, тем более оно было предсказано им...

Я не знаю, как воспримут мои читатели, но прошу их принять мою работу как мольбу о прощении, ибо я смела оскорбить его предвидение...

Человек как бы подспудно готовится пережить то, что ему суждено пережить и боится этого...

Султан Ибраимович боялся быть беспомощным перед женой и детьми и лежал, сраженный пулей, перед ними...

Я боялась потери близкого человека и необоснованного позора—это я пережила одновременно...

Моя знакомая всю жизнь боялась воды, но жизнь сделала так, что она утопилась...

Бог все знает Сам...

Я благодарю всех, кто сказал свое мнение об отрывках, опубликованных в газетах. ...

Августовский вечер не спеша опускался на кроны деревьев этого некогда избранного парка, окружавшего избранную дачу избранных мира сего.

На границе дня и ночи в сумерках густо вырисовывался закат вполнеба, а на противоположном краю редкими кусками были разбросаны сине-фиолетовые облака.

Из изысканно отделанного двухэтажного здания слышалась музыка.

На первом этаже молодые нувориши играли и бильярд, а мы, поднявшись на второй этаж, оценивали достоинства этих некогда труднодоступных апартаментов; рассматривали мебель, посуду, шторы; ступали по ворсистым коврам; стояли на балконе, вслушиваясь в шум Ак-Бууры.

Мы ждали иностранных бизнесменов...

Вели разговоры о сегодняшнем житье-бытье и о былом — слишком в мрачных тонах. В душе я была не согласна со многим, хотя уж кому-кому, а нам наших семейных обид на то время хватает... И есть ли у кого право низвергать его совсем?!

Кыргызстан — страна сплошной грамотности, страна новых направлений науки и культуры. И только страшно обозленные люди, не могущие простить, что те, кто намного ниже по социальному происхождению — по их меркам — имели намного большую власть, тогда как они вынуждены были скрывать и подделывать свою родословную, — сегодня, выпячивая ее, пытаются зачеркнуть все, что дала Октябрьская революция и, как ни странно, — эти 73 года партийно-советского периода.

Было бы уместно всю эту браваду высказывать нам — потомкам жертв того времени, но почему-то, боясь исторической раскладки позитивов и негативов по истечении определенного времени, решили забежать вперед те, которые досыта напользовались благами и льготами партийной номенклатуры, вырастили детей на ее хлебе, катали жен и любовниц на дармовом транспорте, скармливая им дармовые дефициты и деликатесы. И именно те, которые облачились и в политиков и в демократов, принимали все меры, чтобы вовремя убрать могущих стать им соперниками... Как бы эта серость ни прикидывалась всемогущей, природная ограниченность и чванливое высокомерие мешали им вовремя разглядеть настоящие таланты. За это надо их поблагодарить — иначе мир не получил бы ни Раззакова ни Ибраимова...

Впрочем, о нашем споре с молодежью — по порядку. Много было бесед на разные темы, я просила:

Первое — не ошибетесь никогда, если будете считать, что ваш взгляд — не всегда истина в конечной инстанции.

Второе — признание в любви к собственному народу, боль за него должны быть достоверными именно своей скрытостью.

Третье — мужчина никогда не должен никакую женщину публично ставить в один ряд с Каныкей, Курманжан даткой, тем более женщину — авантюристку, карьеристку, которая не отличается чистотой биографии и, пользуясь землячеством, вхожа в высшие дома.

Четвертое — мы должны быть достойны былой мощи предков тем, что ныне своей мощью сможем выйти из экономического тупика. Никто из инородцев не опровергает то, что Наше — Великое и Могучее. Напротив, Чокан Валиханов интересовался «Манасом» на научном уровне. Ряд русских и европейских исследователей и путешественников оставили нам свои труды. Лет двадцать назад появились в ташкентском журнале «Гулистан» отрывки из романа о Курманжан датке узбекского писателя Тохтасина Жалолова. К сожалению, он его не успел закончить. Ошский поэт Усман Тимур показал величие великой женщины в 1974 году в ташкентском журнале «Гунча». В тридцатые годы на славу кыргызской экономики работали ошане-узбеки: Каримжан Юлдашев — министр сельского хозяйства (репрессирован); Назирхан Камалов — заведующий агитпропом ЦК Компартии; Хажалхон Атабаева — начальник управления шелководства, председатель женсовета республики. А многие кыргызы работали в Узбекистане, Таджикистане. И только крикливая серость пытается говорить о том, что ей нравится, что ею «удобоваримо». Как ни странно, именно серость богата арсеналом бичующих «аргументов».

Кому придет в голову мысль, что Чингиз Айтматов своим выступлением унижил кыргызов, заставил взять на себя вину за кровопролитие 90-го года? А то, что Ош не стал Нагорным Карабахом, — не его ли заслуга?! Каждый видит то, что хочет видеть, и каждый слышит то, что хочет слышать. Сотни людей видели и слышали боль и страдания маститых личностей, которые в мгновение ока переродились от содеянного их потомками. Ведь нет единой меры измерения человеческих потерь и страданий. Нет системы СИ, которая определила бы размеры горя в людской трагедии. Здесь каждая потеря в счет. Но если заняться подсчетом, что будет за этим?! Айтматов возвращал нас к Истокам, к отрезвляющим Началам, но не унижал, тем более не обвинял.

И не кощунственный ли абсурд, что застреленный Ибраимов виноват в том, что кыргызы поголовно были обезоружены и не смогли дать отпор?! Между этими трагедиями — 10 лет.

Почему сохранились кыргызы? Выжили и выстояли, не ассимилировавшись среди других?! Ведь эта незавидная участь постигла не менее легендарные народы. Наверно, это — воздаяние Бога за истинно кыргызский дух — терпеливый, всеобъемлющий, открытый и пророческий. И особая щедрость Бога к нам в том, что по особой благосклонности окружающих миров явился Манас. Спустя века кыргызов спас Шабданхан, потом — Алымбек датка и Курманжан датка.

Личностями-самородками, гении которых не подвластны никаким изменчивым временам, богаты кыргызы. Такие люди, как Исхак Раззаков, Султан Ибраимов, сконцентрировали в себе лучшие черты своего народа.

В 1959 году, еще ребенком, у нас дома я видела Исхака Раззакова. Два момента по сей день живы в моей памяти: его огромные, лучистые глаза, белое лицо, выющиеся волосы и слова: «Языки надо знать хорошо и чем больше языков, тем лучше. Скажи, как по-кыргызски «ручка»? Я ответила: «ручка». «Калемсап», — сказал Раззаков и произнес: «Нет, изучение кыргызского надо ускорить».

Потом, долгие годы спустя, я поняла, почему после его отъезда сразу начали преподавать кыргызский, почему он быстро сошел с арены. Он начал смело растить кыргызские кадры в культуре и науке, и сами кыргызы донесли в Москву, что Раззаков-де сеет национализм. Ничего о противоестественного в его радикальных мерах не было. До войны во всех школах изучали кыргызский, пришло время, и он возобновил закономерное требование государственности. Над Раззаковым устроили судилище, обвиняя в том, чего не было даже в мыслях: он вырос в детском доме в Таджикистане, десять лет проработал в Узбекистане, от всей души признавал великую роль великого русского языка в создании непреходящих культурных и научных ценностей. Поощряя его знание этих языков, возбранили его законное желание воспроизвести кыргызский в положенный ранг в собственной республике. И почему спокойно спят те, которые не дали возможности заявить нашей нации о себе на уровне прибалтов, в конечном итоге даже лишив Раззакова возможности быть похороненным в своей земле?! Его лишили Родины, а Ибраимова лишили жизни. Дела их остались. И пока жива память о них — время осудить это нравственное преступление.

Говоря так моим молодым современникам, я явно нервничала. Потом мы договорились провести обстоятельный разговор, ибо сейчас надо вести речь о результате наших встреч с иностранцами, о пользе их визита для города и области...

Возвратившись поздно вечером домой, я долго глядела на своих спящих детей и думала о их будущем.

Засилье идей имеет две стороны, вызывая пафос душевных устремлений: намерение обратить в осязаемое воспринятое и осознанное или же разрушение истин волонтаристским подходом. Но идея — не всегда идеология, тем более не всегда фанатизм.

Жизнь сегодня — это отрезок в настоящем между прошлым и будущим, краткая прямая между предшествующим и последующим витком. И если искусственным засильем довлеть над прошлым, нарушится расположение точек настоящего, их сопротивление, а по обломкам до будущего не дойти.

В каждом конкретном случае вынесенное из жизни — Память. В память переплавляются боль утрат, слезы, страдания, минуты счастья и надежд. В Память, которая обладает одной особенностью: складываясь из мгновений озарения, она безошибочно отыскивает в кладовых сознания конкретные взаимосвязанные моменты. И так в отношении каждого человека или каждого события. Но самая большая Память во мне, где нераздельны Личное и Общественное, — от образа Султана Ибраимова. Зачастую я веду отсчет времени назад, и факты встают перед глазами, дополняясь мелкими деталями и подробностями.

1990-й — я уверена: не было бы братоубийственной войны. Он не игнорировал бы информацию, независимо от того, откуда она исходит.

1988-й — произошла наша семейная трагедия, которую Султан Ибраимов предсказал за десять лет вперед. До этого дня я не подозревала о возможности существования чувства растоптанности, которое пришло после всего пережитого...

Я испугалась осязаемого, зримого чувства беспомощности и бессилия перед очевидным злом, хамством и безнравственностью, которые встали стеной над всеми моими точками опоры, заслонив все просветы надежды и жгучей веры в справедливость...

Султан Ибраимов этого бы не допустил.

1987-й. После известного февральского республиканского актива по интернационализму, возмущенная политической близорукостью случайных незрелых людей в аппарате ЦК Компартии Киргизии, я написала письмо М.С. Горбачеву. Я писала о том, что для некоторых посланцев Москвы почему-то не авторитет даже личность Айтматова, тогда как он говорит о вопросах, которые надо решать. И безотлагательно. Писала о том, что перестройка нужна, она вызволяет из кабалы личность. Весьма в дипломатичной форме писала, что дали русские нашей семье, о своей жизни и друзьях в Москве, но ведь щедрость и доброта перестают быть таковыми, если ими начинают попрекать совершенно иные люди, не имевшие к ним никакого отношения. И еще написала, что, если не отказаться от диктата и

инструктивных действий, авторитет партии будет падать, страна захлебнется в крови. 14 апреля приехала целая делегация — наблюдать за выборами в местные Советы и заодно познакомиться со мной — автором «неравнодушного» письма. Приехали из Москвы В. И. Иваненко, из Фрунзе — А. Масалиев, из Оша — Б. Сыдыков, от города присутствовали первый секретарь горкома партии В. П. Рыжков и председатель горисполкома Р. Сабыров. Со мной была наш парторг Л. И. Большакова. Ей задали вопрос, почему она не знает о письме. Хотя Иваненко и пытался со мной разговаривать вежливо и уважительно, разочарованные огоньки светились в его глазах.

После этого случая я официально написала письмо в горком партии о том, что в партии принимают женщину легкого поведения, которая в любое время суток отнимает покой обилием ухажеров, бесцеремонно включающих сирены и орущих под окнами, что муж ее сестры из Оша уже упросил всех соответствующих лиц принять ее в партию. Только для чего ей понадобилась партия? Конечно, для карьеры, ибо она в это время заканчивала заочно университет, ей было 32 года — как раз можно успеть сделать рывок, к которому она стремилась в Жалал-Абаде — на периферии. Ее, оказывается, буквально выжили из Фрунзе. В квартире, где она жила, она давно не смела появляться, вынужденно обменяла. Нынешние проститутки не скрывают своего лица, а тогдашние еще пытались предстать целомудренными овечками, обиженными людьми и судьбой, хотя и гордящимися тем, что обычные жены им завидуют. С этой психологией они проживают до 35—40 лет, а потом удачно выходят замуж. Так получилось и с этой. А тогда, летом 1987 года, горком направил некую комиссию к нам в дом, и они спрашивали у играющих детей, не пьянствуют ли на третьем этаже и не дерутся ли там дяденьки... Конеч грязной истории таков, что соседи, прослышав о том, что по версии комиссии горкома я обидела несчастную сироту, написали прокурору, состоялось что-то наподобие собрания, и она бежала из Жалал-Абада.

Потом вышла замуж за таласского парня, родила и успокоилась. А партбилет, небось, выкинула в унитаз одна из первых.

Султан Ибраимов понял бы все и не делал бы из меня бытовой сплетницы и писаки, как это восприняли многие недалекие чинуши тогдашнего горкома партии. Я боролась за чистоту рядов и, признаюсь, в этом была фанатична. Но я восставала против явных взяточников (в 1974 году, работая в облисполкоме, я голосовала против кандидатуры одного типа, который сейчас занимает солидную должность), против явно аморальных типов и лицемеров.

1980-й. В начале мая мы допоздна простояли у обкома партии, стараясь увидеть ведущих мужей обкома партии Давыдова или Макаренко. (Это с высоты сегодняшнего дня тот день и вопрос кажутся

нелепостью.) Но нас отвратительно и гадко погнал чавкающий милиционер-блудолиз. Конечно, сестра попала к кому ей было необходимо, но дух этажей повыше властвует и у входа.

Разве мог себе позволить такое милиционер при Ибраимове?! Тогда мы видели подтянутого офицера милиции — помощника посетителей, но не рычащего пса с испитой мордой... Из каких только тайников он откопал те кыргызские слова, от которых по сей день вянут уши?!

1978-й. Весной С. Ибраимов дал беспощадную оценку моего будущего.

1977-й. С осени стало много шуму вокруг моей фамилии. Прошли годы. Время не лечит лишь одного: всепрощенчества и неразборчивого адвокатства, особенно со стороны совершенно незнакомых обывателей в пользу преступников... Спасая невинного мастера, я помогла вызвать московскую комиссию. С начальником управления молочной промышленности союзного министерства мне довелось немного поработать в Москве. И письмо не носило клеветнический характер... Что было в министерстве, что было в горкоме?! И только мой визит в Ош, а потом в министерство заставил дать мне должность. А так — обвинили меня в халатности и бесконтрольности, сняли с работы (это за результаты моей месячной работы!). Ровно через месяц после начала моей работы заведующей производством молочного комбината вылезла недостача — пять тонн молочного жира, — то есть около двадцати тысяч рублей тогдашних денег.

Комиссия выявила, что бестоварная прием-передача шла с марта — это за полгода до прихода нашего директора и за семь месяцев до моего прихода. Несуществующие сливки из месяца в месяц «пухли» как снежный ком. Многоаппетитные дяди и тети ждали удобный момент — и как к стати новый директор, новая заведующая производством. Много пришлось тогда пережить.

И все годы рядом, понимая мои обиды, мою принципиальность, прощая мою категоричность, была Лариса Ивановна Большакова — наш комиссар в добром смысле слова. Все тринадцать лет наша небольшая парторганизация, и по сей день запомнившаяся зрелой, пыталась работать так, чтобы поменьше было неурядиц в коллективе, чтобы ковры, машины, квартиры попадали тем, кому они положены. (Сейчас это странно — тогда жизнь была такой.) Через третьих лиц за «Жигули», «Волгу — ГАЗ-24» пытались о чем-то намекать, но все восемь лет, возглавляя профком, я не подчинялась, а советовалась с Ларисой Ивановной; все оставалось между нами.

Она жертвовала и нормальным отношением вышестоящих лиц, и здоровьем, защищая меня! И имеет ли право о таком коммунистах кто-либо говорить подло и грязно! Она не запрещала высказываться, писать и ездить.

1973-й. Мой отец, ссепившись с одним из крепких боссов республики, «полетел» с должности и из всех номенклатур, осложнив не только свою судьбу (ему было всего 44 года), но и нашу. Султану Ибраимову нужно было иметь огромное мужество, чтобы защитить честь и достоинство отца в тот момент, а потом и прекратить гонения на него, как на сына «врага народа», чем он самолично упокоил прах моего деда, великого народного целителя, убитого в 1937 году в возрасте 65 лет. А официально дед реабилитирован в январе 1989 года; возможность публичных поминок мы получили 52 года спустя. Может ли наша семья хоть миг не помнить о Султани Ибраимове, пока «включена» память на такой долгий обратный отсчет времени?!

Я достаю все публикации о Султани Ибраимове, которые у меня есть, книгу Токторбая Урмамбетова и думаю, хватит ли у меня слов выразить ему благодарность, смогу ли в пору смешения истинных и мнимых ценностей не оскорбить его память? Как сделать это без обилия архивных данных, без документальных аргументов?..

...Я никогда не пожалею о годах, которые после учебы в Москве проработала в комсомоле и в Советах. По роду деятельности я встречала по-настоящему интеллигентных, образованных, компетентных и смелых людей. К сожалению, у многих из них впоследствии на какое-то время сложилась судьба драматически, потом о них вновь стало слышно, но о некоторых так ничего и не известно.

Встреча с Султаном Ибраимовым произошла неожиданно.

— Ты — дочь Каната? — спросил Султан Ибраимович на ленинском субботнике в 1975 году (мы окапывали яблоневый сад в совхозе «Кенеш»). Он умело, даже с некоторой жадностью работал лопатой. Пот катился градом. Чуть поодаль работал в колпаке и сапогах Барпы Рыспаев, рядом Жумгалбек Аманбаев. А мы — облисполкомовские — под началом Камасбека Жангабылова и Тамары Хакимовой.

Султан Ибраимов облокотился на лопату. Исключительная доброта и простота светились в прищуренных глазах. С внутренним стесненным напряжением я кивнула. Ничего зазорного и ущербного я не вижу в своем воспитании — в этот момент я не могла себя вести иначе. Нет, во мне говорило не чинопоклонение, а моя азиатская натура уважительного и почтительного отношения к аксакалу.

— Хорошо работай, дочь хорошего отца, — сказал он.

В нашей семье о нем говорили часто. Да и вообще, семейным правилом было: больше говорить о добре и ничего — о причиненном зле. По негласному сговору мы считали, что слишком много чести, чтобы в нашем доме звучали нежелательные имена.

Я знала, что именно при Султани Ибраимове стали расти ошские кадры. Именно при нем начались грандиозные стройки — дороги, мосты, водохранилища, социальные объекты. Именно при нем был

поставлен заслон бессовестному выдвигению любовниц. И, конечно, в мои 24 года вся эта информация делала его личность легендарной в моих глазах.

...Помню летнюю сессию после выборов в местные Советы в том же 1975 году.

Секретарь обкома Виктор Кондратьевич Кандаков на кыргызском языке вел сессию. А когда среди выступающих, обозначенных в списке, не оказалось двоих, Виктор Кондратьевич сделал резкое сравнение областной сессии и некой сельской собираловки. Тонкий, щепетильный председатель облисполкома Темирбек Худайбергенович Кошоев сжал губы и острым цепким взглядом уставился на целый ряд своих ответработников, сидящих впереди, и почему-то на меня тоже, хотя к оргоделу я не относилась.

Начал выступать чабан из Советского района (Кара-Кульджинского) — Тополон Каниетов. В конце Султан Ибраимович спросил, улыбаясь и подбадривая, сколько у него ягнят добавится в этом году. Каниетов замялся и добавил только одного к предыдущему количеству.

— Что ж, одного, но живого, — громко засмеялся первый секретарь обкома.

Ближе к концу сессии, взяв слово, Султан Ибраимович начал спокойно, без бумажки, критично, без тени самоуспокоенности говорить о делах области. Даже не было намека на низкий уровень сессии из-за отсутствующих (будто и не было этого факта). Сенокос, уборка зерновых, полив хлопчатника, строительство медпунктов, школ на селе, поощрение культработников — и все наизусть: по айлам, районам, городам — он, наверно, спал и видел во сне эту работу. Его речь лилась завораживающее, поднимая дух человека и веру в то, что все это необходимо и надо работать. А в самом конце сказал об аварии, где погибли дети, находящиеся в кузове... И все из-за легкомысленной молодухи, севшей в кабину. Попало и руководителю хозяйства и ГАИ района, области.

— Это же — дети, поймите, — Ибраимов шумно вздохнул. — И пусть это будет последний случай в области.

До сих пор мне слышится его голос...

**ВЫСКАЗЫВАНИЯ
С.И.ИБРАИМОВА
В 1975—1976 ГОДАХ**

**(Мои «стенографические»
записи тех лет)**

— Возможно, через лет десять-пятнадцать станет необходимостью разделение Ошской и Жалал-Абадской областей, и не только областей, но и районов, и даже сельсоветов. Не потому, что область становится трудноуправляемой в административном смысле, а приходит время потребности в деловой самостоятельности. А поскольку народное хозяйство здесь настолько многолико, что, отличаясь от других, оно и потребует наибольшей концентрации прогрессивной мысли, профессиональной энергии и трудового подъема населения.

— Сегодня нам не разрешили строить в Оше крытый рынок, сказав, что такового нет и во Фрунзе. Создавая значительную долю национального дохода республике, область могла бы и позволить себе такую «роскошь».

— Нас наказывают за увеличение внепланового строительства. Нас контролируют и предупреждают за переотваривание фондов. Но ведь все это — для людей, которые создают их.

— Мы бесправны что-то посоветовать даже в отношении пастбищ и поголовья. Исходя из фактического положения вещей, диктат долго не может продолжаться. Травы и горы должны сохраниться для будущих поколений. Мы отучиваем людей думать и работать. Они не захотят скоро хорошо жить. Нам нравятся бездельники и пьяницы.

— Самое страшное в жизни кыргызов — это дать повод родо-племенному делению. Это будет неуправляемо. Это будет кто — кого?! Мы не пережили стадию капитализма, мы перешагнули вечность, — это сказывается в крови.

— Партия создана, чтобы всегда без усталы и упрёка бороться за счастье людей.

— Огромная мечта — обратить в сады пустующие земли, дать воду, где только это можно.

Кто он — уроженец села Алчалуу Чуйского района — Султан Ибраимов?

Провидец? Мечтатель? Кыргыз, до мельчайшей частицы преданный своим кыргызам и неподдельно любящий всех людей...

Тишина архива будто в изумлении отступает от шороха перелистываемых страниц и вновь ложится между строк вкупе с холодом долго не отапливаемого помещения... Перечни, описи, дела... Пленумы, активы, бюро, секретариат, письма и жалобы...

Ищу. Ищу только Ибраимовское.

Те — принятые тогда — выступления, те мерки эпилогов проходят мимо моего внимания.

Замёрзшие пальцы почти не гнутся, но продолжают работать. Потому что нахожу то, что ищу. Во всех вопросах — будь то освоение земель, проведение газопровода, приобретение техники, заготовка мяса, охрана окружающей среды (1978 год!), выдвижение женских кадров, — для Султана Ибраимова нет второстепенности. Во всем — анализ и последовательность, всесторонняя компетентность и заинтересованность, критичность и деловые предложения...

Выписываю для себя массу цифр и множество фамилий. Но, когда я познакомилась с делом 1969 года на 275 листах (около 200 листов занимает лишь разбор трех писем!) я уже документально убедилась, что для Ибраимова истинно дорог Человек... К чести тогдашних членов комиссий по проверке писем и заявлений — они докладывали объективно, не оглядываясь на первых секретарей или их фаворитов.

На мой взгляд, Ибраимов слишком хорошо различал правду и ложь. Знакомясь с письмами и жалобами, он работал с четырьмя основными цветами. Видимо, то, что он принимал и верил, он подчеркивал зеленым цветом; то, что вызывало озабоченность, тревогу — красным; то, что возмущало — синим, а то, что он разоблачал как заведомую

ложь или софистической домысел, — простым карандашом. А двойные линии, видимо, — сомнения...

Письма Х. Сабирова из Фрунзенского района, Э. Сапаркулова из Ляйлякского района, Т. Сатарова из Сузакского района буквально исследованы, настолько тщательно и скрупулезно со всеми дополняющими бумагами и повторными проверками, что результатами корреспонденты наверняка удовлетворены. Что мне еще особенно бросилось в глаза — это пометка на полях письма Х. Сабирова на уровне строк о Пазылове, передавшем Ферганскому району три тонны хлопка-сырца: «Что особенного? Дал взаимобразно и уже вернул... Подтвердили гг. Эсенжанова, Таранов». Это в 1969-том-то году?!

Невольню я вспомнила случай пятилетней давности.

Погрешили бартером — 550 килограммов сливочного масла взаимобразно поменяли на краски, лес... Так мне целый год грозили «дядей прокурором»...

А вот хряка коллеги мне поминают до сих пор.

Выполняя постановление вышестоящих организаций, наш коллектив завел подход. Соответствующих земель под кормовые угодья нам никто не дал. Фондов на комбикорма — капля, вот и ходили с протянутой рукой, меняя фляги и сахар на корм. Надоело рисковать. Помогать мне никто не хотел, ибо фонды и подход были отнесены к моей компетенции — зам. директора молочного комбината. Учитывая, что наш подведомственный Базар-Курганский маслозавод находился в несколько более престижном положении, мы договорились передать свиней. К сожалению и к несчастью, начался карантин. Животных из Жалал-Абада в Базар-Курган никто бы не пропустил. И я самолично решила их продать. Хряка решили недели две подкормить и, продав, деньги передать в Фонд мира. А 1000 рублей за исхудавших свиней внесли в кассу Базар-Курганского маслозавода. Но нашелся неизвестный доносчик, совершенно переиначивший факты, и появился испитой ревизор, опопивший все наши благие намерения. Я — к министру, а он присылает еще более грозного эмиссара из КРУ. И вердикт: никаких фондов, деньги в кассу. Вот и спрашивают меня по сей день, каков вкус хряка...

О СУЛТАНЕ ИБРАИМОВЕ ГОВОРЯТ ЕГО СОРАТНИКИ И СОВРЕМЕННОКИ

(в той последовательности,
в какой мы встречались и беседовали)

АКМАТБЕК САГЫНОВИЧ
ЖАМАНБАЕВ —

профессор, доктор технических наук

С профессором я познакомилась в феврале 1991 года, когда решила заняться наукой, оставив производство.

Акматбек Сагынвич чересчур внимательно ознакомился с моей характеристикой и спросил: не много ли общественных нагрузок я несла и не устала ли я от незаменимости в коллективе. Я ответила, что в жизни каждый человек незаменим, ибо человек неповторим... А потом — надо поменьше спать и можно очень многое успеть, причем на положенном качественном уровне...

— А обед кто готовит и детей кто растит?

Я удивилась:

— Так это же женские обязанности, что из них делать проблемы...

Проработала я в лаборатории экономической социологии всего три месяца и ушла заведовать Ошским отделением института информации. Одновременно я завершала работу над книжкой об ошских ученых, из-за чего мне часто приходилось встречаться с А. С. Жаманбаевым. Разговор о Султане Ибраимове начался с того, что я систематизирую записи и готовлюсь писать об этом великом человеке.

— Вот как! Это — потребность души или дань моде — хвалить после гибели?

— Долго говорить и излагать причины, а вкратце, Султан Ибраимов хотел превратить Ошскую область в сад, он прекрасно знал историю нашего края, искренне ею восхищался и отмечал, что самые решительные политические действия благотворно воспринимаются на этой земле. А еще потому, что меньше всего Ибраимов думал о числе контейнеров, которые он увезет с щедрой ошской земли...

— Я с вами согласен и, если вам интересно, я могу сказать несколько слов.

Я никак не ожидала такого поворота и с удовольствием стала записывать слова Акматбека Сагынвича.

— Да, Султан был гениальным и простым одновременно. Его жена Рева — моя одноклассница.

Иногда подшучиваю: «Султан, ну зачем она тебе? Найди себе другую жену... Молодую, загадочную». А он обнимает ее за плечи: «Что ты? Это же — моя мать, моя сестра, моя жена и самый верный друг...»

Вот каков он был дома.

Если я приезжал на хлопок со студентами, то точно знал, что в гостиницу явится пешком. Не было в нем помпезности и эдакой важности тоже. Когда работал в ЦК, возьмет меня с собой в Аламединский район. Никогда не афишировал свой выезд... Каждое поле знал он сам. И здесь, смотрю — едет в Ленинский или Токтогульский район — опять старается никого не озадачивать фактом своего приезда. Я часто говорил ему, что не умеет он поцарствовать, а он в ответ лишь мягко засмеется.

Был такой деятель — Усумаматов. Как-то выразился непристойно о южанах, ... я таким гневным Султана никогда не видел... Весь покраснел и категорически запретил оскорблять кыргызов такой низостью. Перед его огромными познаниями, преданностью долгу, земле и людям, перед его человечностью надо шапку снимать.

Мало кто знает, а он был моим самым дорогим другом.

Акматбек Сагынвич дал мне телефон Ревы эже Телтаевой-Ибраимовой, но я до сих пор не собралась с духом, чтобы поговорить с вдовой великого человека.

Я делаю эти записи год спустя. Нет уже в живых профессора Жаманбаева. Он болел и худел на наших глазах, но очень оптимистично, решительно взялся за новую работу первого заместителя министра народного образования, где суждено было проработать ему всего лишь полгода. Друг Ибраимова и сам был ему подстать.

А то, что он сделал для науки Ошской области, — это значительно: академический НИИ комплексного использования природных ресурсов, колледж, лицей, школа менеджеров — во всем есть его весомый вклад.

Без благодарности добру, поклонения истинной отдаче труду не может быть настоящего человека, настоящих людей, настоящего поколения.

Нынешнее поколение хорошо запомнило первого доктора технических наук в нашей республике, кыргыза с большим складом ума — профессора А.С.Жаманбаева

КАДЫРКУЛ АБДРАЗАКОВ —

ветеран войны и труда

Впервые о Кадыркуле Абдразакове я прочитала в книге Николая Коханова «Отуз-Адыр», которую автор подарил

моему отцу. Будучи членом облсовпрофа, я на пленумах стала встречаться с председателем облсовпрофа Кадыркулом Абдражаковым. Человек огромного трудового и жизненного опыта, он был уважаем. Он был из таких, кто заставляли себя уважать, а в то время (начало восьмидесятых) профсоюзы были под партийной пятой и с ними мало считались. Явно проступала в нем фронтовая хватка: четко очерчивать линию наступления и твердая конспирация месторасположения тыла. В его бытность на пленумах облсовпрофа обязательно присутствовал один из секретарей обкома и ни в коем случае не завотделом. Как правило, неожиданно следовал вопрос в адрес представителя обкома, который вынужден был немедленно отвечать. А когда его не было — вели замы, и было нормой для любого сосунка, завотделом обкома, бестактно оборвать непонравившегося оратора или еще хуже — поиздеваться: «Что, все эти ваши болячки должен устранять облсовпроф?!»

Поистине, не место красит человека, а человек красит место.

— Султан рано осиротел. Начиная трудовую деятельность трактористом. После учебы в Ташкенте стал гидромелиоратором. С 1961 года — министр мелиорации и водного хозяйства, потом работал в ЦК, а в начале 1968 года пришел к нам: на пленуме был избран первым секретарем обкома.

Его всегда отличала человечность. С каждым говорил просто и доходчиво. Был заботливым, слушал не спеша. У него было своего рода притяжение, располагал так, что люди раскрывали свои самые глубокие тайны.

Жалобы, обиды, принципиальная неуступчивость — все старался понять и помочь; решал сразу или через 2—3 дня. Никогда не обещал впустую, слово свое держал всегда. Никогда не обманывал и не забывал обещаний. А когда требовалось — настаивал на своем решении.

Партийный, общественный, государственный деятель, он был чрезмерно занят. Его не охраняли, как нынешних; до 3-х часов ночи он мог принимать посетителей из дальних районов с наиболее острыми проблемами. Прежде всего — чувствовал высочайшую ответственность своей должности. Судя по тем нечеловеческим нагрузкам, которыми были заполнены все его дни, мне кажется, Султан хотел оправдать доверие народа и те небольшие привилегии, которые он свел до минимума. Если бы было возможно, отказался бы и от машины, но тогда нерешенными остались бы даже срочные вопросы...

Зима 1969 года была невиданно тяжелой. Выехали на зимовки Узгенского района. Пришлось отбить телеграммы Брежневу, Усубалиеву. Подошли танки, бронетранспортеры, расчищали снежные завалы, с вертолетов в двойных мешках сбрасывали животноводам продукты питания.

Точность Султана проявлялась везде, даже в такой вот момент. «Нас вызывает Турдакун Усубалиев», — говорит он. Вылетели вместе. Втроем с Чубаровым зашли к первому секретарю ЦК. «Люди требуют вас вернуть в Кара-Суйский район», — сказал первый. Так мы начали работать с Ибраимовым. Подумал: не без его участия вернули меня в этот район.

В его бытность завершено строительство ДСК, асфальтобитумного завода, ОПХБО — крупного хлопчатобумажного объединения, Аравано-Акбуринского и Южного каналов; проведена реконструкция шелкового комбината. Проложены трассы к высокогорью (на высоте 3000—4000 метров над уровнем моря).

За экономические достижения в области девять лет удерживали Союзное знамя. Как бы там сейчас ни толковали, а Союзное знамя просто так не давали.

Или, к примеру, кадры. В их подборе участвовали все 11 членов и кандидатов в члены бюро. По любой должности в номенклатуре вносили предложения. В орготдел на одну должность вносили кандидатуры 7—8 человек. В ЦК — уже 1—2 человека. Решали коллегиально, не торопились с отзывами. Изучение было тщательным. Иногда Султан спрашивал: нет ли у нас еще кандидатур. Так что здесь диктата не было.

Султан очень много советовался, потому мало ошибался...

— Кадыркул аба, разрешите втиснуться в Ваш рассказ. А чья ошибка — случай в Наукатском районе? Я понимаю и принимаю, что есть огромное, неповторимое чувство — любовь. Но ведь есть и понятие повыше — ответственность перед детьми, семьей. А народ района? Как могли первый секретарь Исаева и второй секретарь Хоменко забыть обо всем этом? Вынуждены были даже покинуть республику. И возраст их был не юный. Конечно, я знаю, что вытворяли «скромницы» в белых кофточках с застежкой под горлышко и черных юбках, но ведь Исаева была первой при Ибраимове. Вот что больно. Он же очистил стены обкома от женщин-фавориток. По крайней мере, я это слышала от многих аксакалов...

— Это было нашей общей ошибкой. Султан страдал самым настоящим образом. И страдая, он не давал измываться над теми, в кого верил. Сей факт он считал их горькой судьбой. Очень горькой. Тут уж ничего не поделаешь...

— Вы работали в ЦК, в облисполкоме, были парторгом ЦК Ошского колхозно-совхозного территориально-производственного управления, 16 лет являлись первым секретарем райкома партии. Вы всегда поддерживали реформы? И было ли ощущение, что хотели подчеркнуть важность конкретной хозяйственной работы, но в то же время решающей надстройкой сохранить партию?

— Зачеркивание прошлого нелепыми обобщающими фразами не делает чести говорящим это. Мы двигались вперед — да еще какими темпами. Просто возьмите старые фотографии и кинокадры, сравните с сегодняшними и те же кадры сравните с сегодняшними кадрами ближнего к нам Афганистана и других стран. Разницы не обнаружите... Мы двигались вперед, поэтому о нас и говорят как о просвещенном народе. Все реформы оправдывали себя.

Сегодня я уверен: мы сможем противостоять любым силам. Мир стал другим. Тогда бы не смогли, если бы не было железной дисциплины. И в том, что сегодня мы на соответствующем уровне требуем внимания мира к себе, есть заслуга того времени и Султана Ибраимова тоже. Однако надо помнить, что извне проявляют интерес к нам в том качественном составе, в котором мы пришли к этому дню.

Взять ту же Турцию или арабские государства, Европу или Америку — мы их сразу оттолкнем от себя, если будем излишне подчеркивать интересы мононации... В соседних братских республиках как работали машины и тракторы, так и работают, а мы с рационализаторским оптимизмом по телевидению распространяем «опыт» пароконных бричек, скоро придем к деревянному плугу и сохе... Большого ума не надо, чтобы стать чужим среди своих. Мы ведь и вымоленные деньги не сможем использовать как надо. До сих пор мы представляли интерес тем, что публично на весь мир охаивали свое прошлое, но от этого уже устают. И первые симптомы уже проявляются. А наши все продолжают болтать, тогда как разумные соседи представляют для заграничных партнеров все больший интерес своей деловитостью, своими материальными и природными богатствами...

Величие народа не в том, что он может пересказать свою

героическую историю в прошлом, а в том, что он сможет достойно выйти из трудного положение в настоящем. Вот о чем болит душа...

МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ
АЛЫШЕВ —

старший корреспондент областной газеты «Эхо Оша», в 1971—1973 годах заведующий отделом организационно-партийной работы Ошского обкома партии

За время нашей работы над предновогодней публикацией полосы о Султане Ибраимове в газете «Эхо Оша» я понял, насколько был предан Михаил Семенович памяти этого человека. Слушал очень внимательно и мне даже на миг показалось, что рядом — глаза Ибраимова. Наверно, Михаил Семенович стал неразлучен с этим взглядом за долгие вечера доверительных, неповторимых бесед...

— Впервые встретился с Султаном Ибраимовым на хлопковом поле третьего отделения совхоза «Пахтачи» в 1968 году. Моросил нудный осенний дождь. Чувствовал себя неудобно перед ним в стареньком плаще и кирзовых сапогах. А он будто и не замечал всего этого. Подробно расспрашивал, где живут и как питаются кызылкийцы, вовремя проводятся ли банные дни. В последнюю очередь — каковы успехи на сборе хлопка, ответами, видимо, был удовлетворен. Шутил, по-доброму улыбался. И, заметил, внимательно присматривался. Сдерживал резкие критические замечания Петра Михайловича Ходоса, переводя их в шутку.

Около года разбирались жалобы одной работницы горкома партии.

Приехал Султан Ибраимович, зашел в кабинет. Такое, без предварительного многократного предупреждения из обкома, было мне в новинку. Потребовал дело, а затем — кратких объяснений. В полчаса уяснил суть. Сказал: тянуть дальше — партийной казне дороже. Попросил пригласить ее. Коротко объяснил, что хотя она и не права, идем ей навстречу, выполняем ее требования, а она должна немедленно уйти на пенсию, время давно пришло. Та согласилась с благодарностью, хотя прежде на компромисс не шла, конфликт был улажен за час.

Заметил: вновь пристально присматривается (в дальнейшем понял, что он обращает такой пытливый взгляд на тех, кто вскоре пойдет на выдвижение) ко мне, во многих встречах, разговорах по телефону, и так — около двух лет. А затем вдруг вызвал из отпуска и предложил работу в обкоме. Да такую, с которой престижным считалось уйти даже на второго секретаря горкома, а я им уже шесть лет проработал. Другому бы отказал, ему не смог. А он, как минимум, на год вперед заглядывал. Не дал засидеться, выдвинул на ответственную должность.

Сейчас много говорится об альтернативе. Но и раньше ей придавали не меньшее значение. Помню, как в один из отдаленных в области районов подбирали заместителя председателя райсполкома. Исходные данные: кыргызка, гуманитарное образование, до 30 лет. Поиски были тщетными. Тогда Султан Ибраимович предложил пригласить к нему всех, кто значился в кандидатах, — 33 женщины. Беседа длилась более трех часов. Выбор был удачным.

А сколько кандидатур приходилось ему представлять на одно депутатское место. Конечно, не все, как он, могли понимать и выполнять волю народа, в том-то и была ошибка того времени. Он ее выполнял, на мой взгляд, достойно.

Ничто человеческое ему не было чуждо. Работал много и плодотворно. Уставал безмерно, нередко разные таблетки на работе глотал. Но и для отдыха выбирал интересное хобби. В частности, мне предложил еженедельные вечерние задушевные беседы (так он их называл) по полтора-два часа. На них он часто вспоминал курьезные случаи, много и охотно смеялся, шутил. Но все-таки постоянно сбивался на рабочие вопросы: просил высказать мнение о том или ином работнике, анализировал тот или иной успех или провал в деле. Условие было такое: говори прямо, открыто, это для памяти,

в служебное время об этом речь идти не будет. Но однажды забываясь, выдал-таки «задушевную беседу» за служебную. После этого я остался у него. Увидев мой «кислый» вид, он задумался, вспомнил и извинился. Ну как тут будешь плохо работать?!

В конце заседания бюро обкома рассматривали персональные дела. Заходит чабан из Чаткальского района для снятия строгого выговора с занесением в учетную карточку. «Дорогой, как ты пробился в долину через двухметровый слой снега», — участливо спрашивает Султан Ибраимович. А затем: «Товарищи члены бюро, да ведь он совершил героический поступок, давайте снимем взыскание без вопросов к нему». И сняли. Проголосовали единогласно.

Подготовка и проведение облпартконференции, а затем выборов в Советы вконец измучили, оказался на грани нервного срыва. Вызывает Султан Ибраимович и говорит: «Все свои бумаги убери в сейф, ничего срочного нет. Все выехали проверять ночной полив посевов. Неудобно, если ты тоже не выведешь».

На подъезде к Ала-Буке вижу на пригорке утонувший по раму трактор. Гремит гром, низко нависли дождевые тучи. Звоню Султану Ибраимовичу, объясняю обстановку, а он в ответ: «Посмотришь хозяйства района, передай трубку Абди-вашту Таджибаевичу». Словом, отдых мне внеочередной устроил на три дня. Так и сам я стал поступать по отношению к инструкторам отдела. Да разве после такого отношения станет человек плохо работать?!

В 1971 году наводнением залило ночью партийный архив (в старом здании). Всю ночь, в резиновых сапогах, самым активным спасателем документов был Султан Ибраимович.

Однажды возмущенно докладывал о неправильных действиях одного из заведующих отделом обкома. Гневно прищурились глаза Султана Ибраимовича: «А при нем, при всех заведующих отделами, секретарях, членах бюро повторись, что сказал?» Ответил утвердительно. Тут же их пригласил. А после, улыбаясь, объяснил: «Не люблю наушников, подхалимов, а рядятся-то они в разные формы, можно и не разглядеть». После этого ни о ком за глаза ему не говорил.

Был он прост, но панибратства не любил. Память у него была изумительная, особенно на людей. Злопамятным не был, но зла не прощал: по долгу службы наказывал многих, порой очень серьезно, но, уверен, наказанные за дело люди зла на него не держали и не держат.

Требователен был прежде всего к себе, а окружающие его подчиненные, видя добрый пример, старались выполнять

порученное дело на совесть. Много и придирчиво работал лично над своими выступлениями и докладами.

Самый похвальный отзыв о человеке у Султана Ибраимовича был: «партийный человек», что означало: обязательный, добросовестный, исполнительный, компетентный, работоспособный, много и других положительных качеств включал он в это понятие.

Позже довелось мне общаться с женой Султана Ибраимовича Ревой Касымовной — очень простой и душевной женщиной. Правда, у нас с ней, как говорится, власть переменилась. Она была директором областной женской кыргызской школы имени Уркуи Салиевой, а я заведовал в горкоме партии отделом, курирующим школы. Довольно часто она ко мне приходила с завучем Марией Андреевной Кандаковой, женой Виктора Кондратьевича. (Когда семья Кандаковых жила в Баткене, их сын Сергей учился в кыргызской школе, был прекрасным, способным учеником, по переезде в Ош он в русской школе скатился до двоек, о чем он рассказывал у нас дома, в Жалал-Абаде, причем с таким юмором и с прекрасным выговором кыргызских слов. — С.Ш.)

Были одно-двухчасовые беседы о школе и просто — «за жизнь». Были и просьбы, которые по мере возможности выполнял. Но однажды Рева Касымовна задала мне такую задачу, что у меня невольно вырвалось: скажите об этом Султану Ибраимовичу и лишь одно его слово... Замахала в ужасе руками: мы о делах дома не говорим, а на прием к нему идти... Если беретесь помочь, еще одно условие — без ссылок на просьбу жены Султана Ибраимовича. Пришлось изрядно попотеть. После этого наши взаимоотношения, как мне кажется, стали намного теплее...

ШЕРМАМАТ АБДУЛЛАЕВ —

ветеран труда, бывший председатель колхоза имени Ленина Кара-Суйского района

Я застала его только после третьего своего визита, уже зная, что он потерял жену. Трижды побывав в его доме, я восторженно восприняла его обстановку: внешняя красота членов семьи, опрятность и чистота двора, истинно узбекское радушие — даже сквозь боль — буквально пленили меня.

В третий раз самый младший внук встретил нас словами, что дедушка ждет и никуда не ушел. Нас встретил высокий, хорошо сложенный человек. Мы выразили соболезнование, почитали куран. Шермамат ака попытался сдерживать рыдания, но не смог. Встав у окна, он плакал. Плакал человек, чьи ноги вдоль и поперек исходили родную землю, чьи руки посадили не один сад, чьи сердце и душа согрели не одну душу и сердце.

— Вы знаете, есть два страшных проклятия мужчине: первое, чтоб лошадь твоя сдохла на середине пути; и второе, чтоб жена твоя умерла, когда тебе за шестьдесят...

Мне так хотелось, чтобы стало ему легче. Опустив головы, мы молчали, пока не зашел сын с кувшином и с полотенцем. Шермамат ака немного успокоился. Когда расстелили дасторкон, принесли чай, я извинилась и сказала, что лучше приду в другой раз, когда время уменьшит боль утраты.

— Нет-нет, дочка, все правильно. Вы тут ни причем, — успокоил он меня.

Пока пили чай, Шермамат ака говорил о кротком нраве своей жены, о ее постоянной боязни за его здоровье (у него сахарный диабет), о том, как они мыкались по чужим дворам. Вот теперь бы пожить счастливо и спокойно. Но,

судьба распорядилась иначе. О Султানে Ибраимове заговорил не торопясь...

— По мусульманским законам, если человек растаптывает известное или освященное имя или просто не оправдывает его, то необходимо повторить обряд имянаречения и взять более сильное имя. Ибраимов был Султаном во всех отношениях: по глубине разума, высоте поступков и чистоте души. Он был настолько свой, что мы даже не успели отвыкнуть от него, пока возглавлял Совмин.

Однажды он приехал к нам в область. Была назначена встреча. Когда я подъехал, они уже стояли у края хлопкового поля, беседовали: Кадыркул Абдразаков, Темирбек Кошоев, Султан Ибраимов. Султан поздоровался со мной и с моим водителем, стал расспрашивать о моем диабете... Будто и не уезжал никуда. Я забылся и тут же выложил массу просьб, в том числе и по стройматериалам. Он, видимо, не хотел подменять Темирбека Худайбергеновича и обещал к моей просьбе вернуться после завершения строительства столичной филармонии....

Я ведь тоже один, как Султан. Тяжелое детство, нищета, семь с лишним лет в армии, возвращался и не знал, куда, к кому пойти. Может, потому у многих из нас не было страсти к наживе, желания обустроиться самому. За 28 лет председательствования ни разу не ловил себя на том, что за бессонные ночи и беспокойные дни мне положено больше льгот, чем другим. Единственный родной человек — жена Закия, которая все годы делила со мной бездомные скитания, невезения, разочарования, не требуя ничего. Может, потому и потеряли ее так неожиданно, что она так долго молча несла в себе непомерный груз моих забот, боясь, что кто-то оскорбит меня грубостью, унижит бестактностью. Я всем делился только с ней.

Строили школы, дороги; из 13 колхозов сколотили наш колхоз, провели воду, электричество. Теперь уже мечтали увидеть, как похорошеют люди, их дома, как расцветут сады на бывших пустырях...

О садах и о хлебе любил говорить и Султан. Он же — водитель. Его простота была безгранична. Ценил людей, заботился о них. Бывало, рядового журналиста сам подвезет (тогда проблем с транспортом и горючим не было). А меня однажды буквально выгнал на отдых в Чехословакию. Таких председателей, как я, в области было много, и всех он помнил по именам и не только их, но и водителей, бригадиров, поливальщиков.

Такое может лишь человек с большим сердцем. Десять лет он проработал здесь и оставил добрую память о себе.

Скажу честно: болит моя душа. Что творится с людьми сегодня?! Заводов или собственного производства нет, а перепродажа процветает. Единицы богатеют там, где государство и закон летят в пропасть. Надо остановить этот беспредел беззакония. И потом, сейчас нам не нужны те, которые к месту и не к месту хотят подчеркнуть свой важный чин или пост. Нам нужны те, которые хотят и могут быть отцами, у которых хватит ума и сердца вовремя спросить, не голодны ли мы, есть ли что одеть и обуть в стужу, есть ли чем лечиться нам и детям в случае болезни. Султан даже в то щедрое время был таким.

Не только от электрокамина, но и от теплоты души большого труженика, сейчас израненного утратой, нам стало жарко. Интересный собеседник, с ясным взглядом и ясной мыслью, говорил о важности чистоты в семейных отношениях — с женой и детьми, подкрепляя словами из песен Камилжана Атаниязова и Тавакала Кадырова. И говорил о моральной чистоте Султана Ибраимова.

Человек большой нелегкой судьбы, достойно прошедший все отпущенные ему тернистые пути, Шермамат ака Абдуллаев для меня приоткрыл новую грань в восприятии образа Ибраимова.

Где-то в глубине души робко натянута была предательская струнка, что даже если бы была у него другая женщина, просто женщина — это оправдалось бы, ибо личное никогда не мешало и не влияло на исход служебных дел. Но как я молила Бога, чтобы я, и завершив свою работу, преклонялась бы перед ним не только как перед уникальной общественно-политической Личностью, но и как перед Человеком — Мужчиной, который любит один раз и навсегда.

Я тепло попрощалась с семьей Абдуллаевых и пошла к главной улице, к автобусу. Неподалеку — аэропорт. Для прилетающих область начинается с этой дороги. В небесах над здешними полями расходятся в огромный Мир воздушные пути. Главная улица города встречает и провожает эскорты важных государственных, культурных деятелей, сотни тысяч рядовых людей. Эта дорога была обновлена и расширена, в соответствии с требованиями современной цивилизации, Султаном Ибраимовым и Шермаматом Абдуллаевым. И дай Бог, чтобы она всегда служила добру и созиданию...

ИМОМИДИН ИСАКОВ —

ветеран войны и труда, редактор таджикской газеты «Исфайрам Мовкий», с. Уч-Коргон Кадамжайского района

С аксакалом я познакомилась на презентации таджикского культурного центра в этом селе.

Воистину был пир на весь мир. Имомидин ака — с орденскими планками, с «буденовскими» усами, высокий, подтянутый, с озорным блеском таджикских глаз — приглашал танцевать.

Слышу, говорит одному мужчине лет сорока: «Ну что ты сидишь? Пригласи женщину танцевать. Мне бы твои годы. Я, действительно, был парень. Ты и одну уговорить не можешь, а я ... нет, не скажу...» Все смеялись от души. Ближе к концу Имомидин ака сказал, что их село одно время называлось Орозбековым. Говорил, что, накапчивая материал об Орозбекове, наконец, понял, почему их село так называлось. В то время таджики строили очень высокие дувалы, чтобы кыргызы на лошадях не заглядывались на их дочерей. И что? Ничего не помогло. Столько смешанных семей.

Все опять рассмеялись...

— А что если книгу об Орозбекове я напишу на узбекском, а вы переведете, — предложил он мне.

— Идет. — Мы обменялись рукопожатием, и я тихонько поделилась, что пишу об Ибраимове.

— О, я помню один момент, — начал Имомидин ака, и я тут же достала свою тетрадь и ручку.

— У такого нетерпеливого человека, как я, характер Султана Ибраимова вызывал только восхищение. Но — немного отступления...

Наше село претерпело много изменений. Оно находится на границе Кыргызстана и Узбекистана и с 27-го года стало кыргызским. Орозбеков уже с 28-го года стал приглашать специалистов из Самарканда, открыл таджикскую школу; начали тиражировать таджикскую газету. В знак благодарности Уч-Коргон с 32 по 37-й год называли «Орозбековым». Я уже вам сказал, что у меня много материалов о жизни, деятельности и гибели этого великого человека. Таджикский народ умеет быть благодарным. Благодарны мы и Султану Ибраимову. При нем был совершен настоящий рывок в культурном строительстве. Это была революция в сознании и умах людей. Может, оттого я и ушел на пенсию в 77-м году в возрасте 55 лет; я слишком устал, будучи долгое время председателем Уч-Коргонского сельсовета. Да и пять лет войны, десять ранений дали о себе знать.

В начале семидесятых годов началась настоящая битва с высокими глинобитными заборами-дувалами и домами-развалюшками, беспорядочными улочками, чему предшествовал многочисленный областной семинар, посвященный культуре села. Там были вывешаны сотни фотоснимков, показывающих безобразный вид сел и ашлов. Нашего в том числе. После этого секретарь обкома партии по идеологии Барны Рыспаев целый месяц дневал и ночевал у нас здесь, глядел, как трактор сносит дувалы.

Потом все обустроили по архитектурным нормам. Сотню домов и улицу Исфайрам выстроило, можно сказать, государство. Видели, как выглядят наши улицы? Правда, современно?! Архитектура — это лицо и уровень народа. Сейчас это все поняли, а тогда... И крыли меня на чем свет стоит, и в драку лезли. Вместе с убогостью жилища, закрытой от мирского глаза, выявился и истинный уровень многих. Всякое было. Прокурор и милиция день и ночь были на ногах. Но село выстроили. А сейчас попробуй сарай построить...

На праздник возрожденного села приехали гости со всей области. Ох, и плясал я. Все обиды забыл. А Султан Ибраимович смеялся: «Пляшите, вы заслужили»...

Он старался выказать внимание и робкому молчуну, пытающемуся за спинами товарищей притаиться, и стеснительному молодому человеку, обращаясь: «Как вы думаете?», «Правильно ли я говорю?», «А что же вы не подключаетесь к общему веселью?» и т.д.

Неважно сколько — 5 или 15 человек, но, чувствуя его искренность, к концу праздника уже все распрощались с напряжением.

Султан Ибраимович был мудр, оттого он никого не считал ниже себя. И знал, что ради будущего сегодня надо идти на жертвы. В нашем случае это были насильный снос хибар и постройка добротных домов. Бескультурье в сознании — признак бескультурья в образе жизни. А для торжества изначально народного, национального надо обновлять и совершенствовать образ жизни. Султан Ибраимович был последователен во всем, и его никто никогда не обвинит, что он посягал на что-то национальное. Ощущение Родины, потребность в родной речи, уважение к себе и чувство благодарности за добро от других могут жить только в культурных людях. Снос дувалов впоследствии умножил необходимость общины, развил чувство самокритичности в быту, обострил все возрастающее стремление к более высокому уровню социальной жизни, образования, науки.

Мы ничем не обделены, даже сегодня живем неплохо, вот организовали таджикский культурный центр, скоро будет зарегистрирована наша газета — мы вступили на новый этап культурного роста. И это все благодаря тому, что живем среди прекрасных людей. Сегодняшнее наше село — большой памятник Ибраимову и его последователям.

АСАНКУЛ КАНАТОВ —

бывший глава Токтогульской
госадминистрации
Жалал-Абадской области

Будучи в некотором роде коллегами (когда я работала на Жалал-Абадском молочном комбинате, Асанкул Канато-

вич работал заместителем начальника областного управления сельского хозяйства и на совещаниях и собраниях рекомендовал себя знающим специалистом, свободным от бюрократизма; с ним можно было решать профессиональные вопросы), я заинтересованно наблюдала за ним с того момента, как он ушел в новое Жалал-Абадское управление сельского хозяйства. Но буквально через несколько месяцев приехала целая делегация земляков из Токтогула, в основном депутаты райсовета, которая явилась с целью «вернуть» «закружившегося» сына в родные места председателем районного Совета. Избрать — избрали, а митингов не предусмотрели. Нашлись «копушки», обнаружившие вдруг, что отец Асанкула Канатова сидел в тюрьме. Еще что? А то, что о родине он вспомнил, когда должность предложили. Но ведь тогда все жили и работали там, куда партия посылала. Что еще? Просто он не нашего рода-племени, у нас свой есть...

Попав к сестре в Токтогул, я никак не могла уехать, не повидавшись с Канатовым. Мы говорили о многом. Хорошие слова он сказал о Султানে Ибраимове, рекомендовал мне побеседовать с ветераном Каргабаем Дадиевым, который был некоторое время связан с Ибраимовым. Я сделала записи, на том и расстались... Два дня я наведывалась к К. Дадиеву, но его так и не застала, после чего попросила зятя встретиться с ветераном и передать мою просьбу. Горе постигло Асанкула Канатова — погибли жена и сын; потом — землетрясение... Так жутко и агрессивно прошла черная полоса по его жизни... «Боже, я не прошу тебя в горе и страданиях обойти меня стороной, я прошу у тебя силы, чтобы все превозмочь...»

— В 1976 году я работал директором совхоза «Озгоруш» Ляйлякского района. Действительно, Султан Ибраимович любил и не боялся помечтать вслух. Как гидромелиоратор, он мечтал о садах на здеиних безводных массивах. Однажды он верхом на лошади перевалил гору, спустился к озеру. Чабаны диву давались — даже они предпочитали этого не делать. Сколько раз я потом слышал, что он, не осознавая степени риска, предпринимал довольно рискованные шаги. Говорили даже, что его охраняет параллельный мир, а иначе как можно так бесстрашно спуститься к озеру по первозданной земле, богатой дикими сюрпризами. Потом он десятки километров прошел пешком вдоль лотковых каналов. И сказал, что надо прорубить двухкилометровый тоннель сквозь гору — тогда, действительно, здесь зашумят сады.

Я слышал, что, даже сейчас, в наше тяжелое время, в Баткене и Ляйляке собираются это сделать. Если бы его тогда не забрали во Фрунзе, он бы сам осуществил свою идею.

Султан Ибраимович бы очень прост и доступен.

Судьба его предала так нелепо и подло, что слов от боли не найти...

АНДРЕЙ КИРИЛЛОВИЧ
ОЗЕРЕД —

ветеран труда

Его необычную фамилию я слышала с детских лет; в начале пятидесятых он работал с моим отцом в Ачинском районе, впоследствии разделенном и включенном в состав Базар-Курганского и Сузакского районов. Прибывший на юг Киргизии по разнарядке Наркомзема СССР в августе 1934 года, после окончания Черкасского ветеринарного техникума (Украинская ССР), на срок отработки, необходимый для получения диплома (пять лет), он так и остался у нас. Даже после армии и войны (1937—1948 годы) Андрей Кириллович вернулся к нам. Правда, уже с женой. Он считает, что всюду очень много хороших людей, только все зависит от того, каков ты сам.

—В период работы Султана Ибраимова в Ошской области в качестве первого секретаря обкома партии мне нередко приходилось обсуждать с ним многие вопросы животноводства (я тогда был главным зоотехником управления

сельского хозяйства, а позже — начальником отдела животноводства этого управления).

Любое мероприятие Султан Ибраимович начинал точно в назначенное время. Если же случалась задержка, он извинялся перед присутствующими от имени обкома партии, но никогда публично не ругал виновных или опоздавших. Народная поговорка «Ласковое слово — ключ к сердцу» ни к кому так не подходит, как к Султану Ибраимовичу, даже если взять любого из числа тех руководителей области, которые работали до него и после него.

После его слов убедительных, искренних, без ишаргалки, хотелось выполнить порученное тебе задание самым наилучшим образом. В ту пору стало правилом, что, прибыв на место, изучение состояния дел начинали с быта животноводов, уровня обеспеченности их продуктами питания, одеждой, топливом, освещением, медицинским обслуживанием, состоянием жилья, наличием газет, радиоприемников, посещением бани. А потом только переходили к выяснению профессиональной организации дела. По неписанным правилам мы отчитывались не констатацией обнаруженных недостатков, а мерами, принятыми на уровне хозяйств или района. Все годы работы Ибраимова область неизменно выполняла план роста поголовья животных и продажи государству животноводческой продукции, увеличивала выход и сохранность молодняка. Чтобы не было мнимого благополучия, Султан Ибраимович создавал обстановку открытости, гласности, о падеже или вынужденном забое нужно было говорить честно.

Эту благожелательную обстановку использовали далеко не все, поэтому мы вынуждены были пойти на пересчет стада (общественного поголовья) и дозабирковать немеченных.

В Джанги-Джольском районе случился курьез — не допускает первый секретарь к пересчету, и все тут. Не помню его фамилию, помню только, что был он кандидатом наук. Как-то дозвонился до Султана Ибраимовича, он приехал в тот же день. Закрывшись в кабинете, они несколько часов обсуждали проблему. Потом я получил разрешение на пересчет, но когда я приехал в Ош через неделю, закончив работу, то узнал, что первый секретарь Джанги-Джольского райкома партии с работы снят решением пленума за попытку тайком в такое время уехать на курорт. Дознался-таки Султан Ибраимович, почему ему — тому первому секретарю — я помешал, приехав в неудобное для него время. Потом его назначили главным экономистом совхоза в другом районе нашей области. Но и

там он долго не проработал, будучи бездарным человеком, хотя и обладал солидными дипломами.

Другой неприятный случай, запомнившийся мне огромной обидой за очень высококвалифицированного специалиста и смелого руководителя Камасбека Абдыласовича Джангабылова — первого заместителя председателя облисполкома. «Горел» очень сложный животноводческий вопрос, срочных предложений по которому ждали в столице республики. Джангабылов должен был возглавить работу этой ответственной комиссии. Ждут день, два, три — его нет.

Поехали к нему на квартиру. А он, оказывается, там в состоянии тяжелейшего опьянения. Конечно, личная судьба его была незавидна, но ведь должен же он был подумать и о высоком уровне своей служебной ответственности... Жаль, что Ибраимову пришлось искать взамен него другого человека.

А был еще случай, но уж, как говорится, из «другой оперы». На Ошском ипподроме, находившемся тогда в Западном городке, собралось огромное число горожан, чтобы посмотреть конно-спортивные игры, посвященные Дню Победы. Приехали представители из всех районов. Среди них известные мастера бега, улакчи, борцы, парни и девушки, аксакалы с соколами и лисами, охотники-волчатники... Вскоре после начала игр почувствовалась какая-то неслаженность в действиях спортсменов. Послышался ропот некоторых наиболее эмоциональных из публики, адресованный организаторам зрелища. В это время Султан Ибраимович, мгновенно оценив обстановку, попросил рядом сидевшего Барпы Рыспаева возглавить продолжение игр; и игры буквально «закипели», как будто в их участников влили новые силы.

Будучи прекрасным наездником сам, Султан Ибраимов в данной ситуации пальму первенства отдал Рыспаеву, ибо очень хорошо знал, что последний в юности работал чабаном в поднебесных горах Чаткала, Чандалаша, Кара-Буры, Кумбеля, неоднократно вступая в схватки с волками, защищая отары колхозных овец. И эта струнка в нем жила всегда. По аналогии с этим днем мне вспоминается новый ипподром, построенный среди холмов, где весной расцветают яркие маки, напоминая нам о вечном стремлении людей к прекрасному.

Наш соотечественник Султан Ибраимов был образцом служения народу, вся его огромная плодотворная деятельность была направлена на то, чтобы жизнь каждого человека сделать более совершенной.

САЙТКАСЫМ АХМЕДОВ —

ветеран УКНБ по Ошской области,
друг моего отца

Никогда не оставлял отца, всегда помнит наши дни рождения. Разлучилась с ним только на время выполнения им задания в Афганистане.

— В 1973 году мы получили задание из центра, где говорилось, что в связи с обострением отношений с соседним государством (КНР) необходимо в кратчайший срок выселить с территории пограничного сельсовета Алайку (ныне Кара-Кульджинский район) двух «нежелательных» лиц, которые в свое время за связь с гоминдановцами были осуждены, после отбытия срока наказания возвратились и проживали по месту рождения в Алайку. В директиве было указано: выселить этих людей и доложить первому секретарю обкома.

После подготовки материалов по указанию руководства УКНБ приехал в Ош и вместе с начальником управления зашли к тов. С.И.Ибраимову. Я подробно доложил ему суть дела. Он внимательно выслушал информацию, после чего начал задавать вопросы: о составе их семей, количестве и здоровье детей, сколько из них школьного возраста, их род занятий и есть ли специальности. Только после этого он пригласил председателя облисполкома Т.Х.Кошоева и, объяснив суть вопроса, спросил, в каких районах нужна рабочая сила. Темирбек Худайбергенович ответил, что недавно в Баткенском районе организован новый совхоз, там нужны рабочие. Султан Ибраимович сказал нам: если их так уж необходимо выселить, то высылайте в Баткенский район. И все же их дети должны

приезжать к родственникам, бывать на своей земле, и родственники могут их навещать в Баткене. Так и поступили, хотя Центр требовал выселить этих людей в более отдаленные места. Благодаря равнодушию и заботливости Ибраимова, эти две семьи какое-то время держали в пределах области, потом они вернулись в Алайку.

Чуть позже был другой случай. Из Узгена поступила информация, что кандидат в депутаты, бригадир совхоза «Узген» в свое время был осужден на 10 лет лишения свободы. Султан Ибраимов поручил проверку соответствующим органам, но, не удовлетворившись, вечером он позвонил мне лично и попросил ускорить проверку, чтобы предотвратить оскорбление честного труженика анонимщиком. Как он мог безошибочно угадать, что это измышления анонимщика? Ведь можно было просто дать указание найти другую кандидатуру. Проверка показала, что это письмо — просто донос не порядочного человека.

...1980-й, декабрь... Убит Султан Ибраимов. В области создана комиссия в составе группы оперативных работников УКГБ для розыска возможного убийцы С. Ибраимова, скрывающегося или проживающего в нашей области. Руководили группой представитель Москвы К.С.Дианов и я. Розыск вели среди лиц, снятых с должности, исключенных из КПСС в бытность работы Ибраимова на посту первого секретаря обкома партии. Одновременно вели работу среди некоторых женщин, возможно имевших интимный контакт с Ибраимовым. К его чести, таких женщин мы не выявили. Султан Ибраимов оказался не только честным, но и морально чистым человеком. Владея огромной властью, многие не могут устоять перед этим соблазном.

А чересчур красноречивым нынешним «ораторам» я бы сказал: не надо себя выпячивать. В жизни всегда будут моменты, чтобы показать, кто есть кто. Аморально всех подряд презрительно облачать в «партократы». Тем более, что десяток этих перебежчиков-демократов за всю свою жизнь не сделают того, что мог сделать Ибраимов за год.

**БАКЫТ ЖОЛЧУБЕКОВИЧ
БЕШИМОВ —**

ректор Ошского университета

Молодой ученый, молодой ректор, только что вернулся из поездки по США. Я с огромным интересом рассматриваю привезенные книги и журналы, пытаюсь кое-что прочитать на английском, а ректор на английском читает лекции.

Считает порочной практику охаивания бывших руководителей. Слишком примитивно. «Лучшие люди города» — стэнд из прошлого—это из арсенала пассива. Кто же тогда остальные? Поражается, что в одном штате Оризона 56 вузов. Там властвует истинный интернационализм, без лозунгов и призывов. Американский сервис основан на сплошном доверии. И меня приятно удивило, что, будучи дотошно избирательным в отношении газет и публикаций, он не пропустил мои публикации о Султане Ибраимове...

— Мой отец работал 30 лет в Ошском педагогическом институте. Не помню, чтобы хоть раз он сказал: «Ибраимов». Всегда говорил: «Султан Ибраимович!»

А то, что мой отец знал все здешние языки, и был как-то особенно щепетилен в обращении с людьми, для меня с детства подчеркивало: у нас, у южан, есть свой менталитет, своя психология.

Юг имел свою государственность (Кокандское ханство), подданные платили налоги и придерживались правила подчинения высшей власти.

Многие деятели-северяне, впервые попав на юг, из-за своей природной, тем более политической ограниченности никак не могли понять эту более совершенную ступеньку нашей

истории. Начерпав материального благополучия из щедрого южного мешка, они после своего отъезда не стеснялись подло и низко говорить о гостеприимно принявших их южанах. Красивым это, конечно, не назовешь.

В тот момент, когда специально для нагнетания конфликтов обостряется разделение и в чьих-то интересах утрируются незначительные факты, образ Султана Ибраимовича, который был выше сотни «голых» политиков, его авторитет могут скрепить многое.

Он всегда был надежным мостом между югом и севером; хорошо знал нашу историю. Его книга, написанная большей частью им самим, прекрасно раскрывает дух нашего края и нашего народа.

Сейчас я верю нашему министру, которая так решительно стремится исправить несправедливость по отношению к южанам в области образования.

Конечно, после Султана Ибраимовича мало кого интересовала степень образованности юга. Еще до революции в нашем краю жили пытливые политически прогрессивные люди, имевшие свои медресе, но в последние годы все это искусственно отбрасывалось назад. Наша столица не могла вместить всех способных людей, когда явное предпочтение отдавалось северу. И совсем ненормально то, что за всю историю был один академик с юга. Но об этом говорили довольно часто.

Я — южанин и, как все мы, знаю, кто и зачем сюда ехал. Тем не менее понимаю, что жизнь в черно-белом варианте не бывает. Она многоцветна и в политическом и в историческом плане. Но путь пройден и важен результат. Тот результат, когда Настоящее устроено и сделан хороший рывок в Будущее. Наступила пора взвешенных, деловых, прагматичных деятелей, решения с помощью амбиций и голой политики уже не воспринимаются.

Как политолог исследую регионализм в политике и считаю, что в период, когда Настоящее очень быстро становится Прошлым, а Будущее размыто, надо дорожить именно Прошлым. Несмотря ни на что, благодаря нашему народу у нас хорошее прошлое. Народ — трудолюбивый и открытый, с которым Султан Ибраимович делил хлеб и работал во имя него, вселившего в него веру, — выйдет из сегодняшнего критического положения. Он очень терпелив, но когда почувствует, что наступает время для действия, — заставит принимать необходимые, только необходимые меры. Народ прекрасно знает, что любовь к Родине, как любовь к женщине, — о ней

не кричат вслух где попало. И именно эти «побящие» обречены на недоверие.

К сожалению, не все такие, как Султан Ибраимович. Если бы он сегодня понял, что исчерпал себя, то спокойно, трезво и безболезненно стал бы заниматься каким-то иным, достойным трудом. Но есть и другая сторона. Во время перестройки были растеряны лучшие его кадры. Это случилось не только в нашем регионе. Взамен пришел некогда прислуживавший средний эшелон. Быстрая перестройка власти (Советы — акимматы) лишила их веры в завтра, поэтому срабатывает психология: ханнуть побольше. Отсутствие жесткости — хорошее тому подспорье.

Из всех нынешних политических деятелей я выделяю только Президента. Благодаря его умению понимать главные задачи и мировые проблемы, Кыргызстан стал узнаваем в цивилизованных странах. Но он хочет политику совместить с нравственностью, его идеи преждевременны и форсированны.

Да, Аскар Акаев — руководитель нового типа, предпочитающий открытый контакт с людьми, благодаря чему люди искренне готовы его поддержать и даже за него молятся. Но, если он, вопреки своему противоречивому нраву, не примет логику переходного периода с определенными точными, выверенными ходами, то и ему и людям будет очень трудно.

К его многомерному, научному видению жизни, современному мышлению — еще бы мудрую, твердую позицию и пророческий анализ Султана Ибраимовича...

САГЫНБЕК СУПАНАЛИЕВ —

хирург, главный врач горздрава

Человек бесстрашный и глубоко порядочный. Осенью 74 года я готовила отчетно-выборные комсомольские собрания по подразделениям здравоохранения. Собрания в учреждениях, где комсоргами были Ольга Лисицына (облроддом), Рахима Кашакбаева (облбольница), прошли на должном уровне. Кстати, сейчас они обе непревзойденные специалисты. Со всей области идут к гинекологу Ольге Ионовне Лисицыной женщины, страдающие бесплодием. Как-то я увидела беременную женщину, как бы несущую небольшой шар земной, — так в мир приходит человек. А когда уходит в землю, его могила — тоже шар земной диаметром в два метра. И получается, жизнь на шаре земном важна этими двумя шарами. Ее смысл, земля, стихии, сознание, цивилизация существуют потому, что есть преемственность этих шаров. Выходит, женщина — главный исток, а Ольга Ионовна и другие, подобные ей, — святые?! Благодарю Бога, что она у меня и у других есть!

К хирургу Рахиме Хайдаровне Кашакбаевой, которая никогда не изменяла своей политической и общественной активности, лихо водила свою машину, прекрасно заведует хирургическим отделением Ошской областной больницы (кстати, у главврача В. П. Сергеева, дважды спасшего мою мать от смерти, — особое чутье на специалистов), стремятся попасть все — настолько высок ее рейтинг. Я и сама из Жалал-Абада приезжала прямо к ней. Ее легкая рука в сочетании с неувеличиваемыми гипнотическими воздействиями творит

чудеса. Она не заелась, не изменилась и не предала своих скромных друзей. Так вот, тогда проведенные ими собрания не вызвали никаких нареканий.

А нынешний кандидат медицинских наук, заведующий ортопедическим отделением центра травматологии и ортопедии Жуманазар Маманазаров — тогда просто врач горбольницы и секретарь комсомольской организации — не понравился деятелю обкома комсомола Маразыкову (не помню, как его звали). Смешные обвинения и придирки, ограниченная твердолобость уже вывели из себя Сагынбека Супаналиева. Явка была, документы и проекты были готовы, чего он добивался — неизвестно.

Супаналиев связался с Насирдином Исановичем.

В то время бывало: инструкторишко, едва научившийся повязывать галстук, мог навязывать свою волю, создавать мнение. Да что там инструктор, секретарь в приемной и водитель могли создать определенное мнение. Правда, то, как долго это могло длиться, зависело от руководителя.

Насирдин Исанович — тогда первый секретарь обкома комсомола, человек наделенный ясным разумом, большим трудолюбием и знаменитой обезоруживающей улыбкой, — видно, смягчил настрой Сагынбека Супаналиевича.

Я посоветовала Жуманазару сбрить замысловатые усы (была уверена, что причина конфликта — в них), но он их носит до сих пор.

Собрание мы все-таки провели, а горе-инструктор вскоре исчез...

Вот такая история связала нас надолго. Болею я редко, но, если случается, я иду к ним — тем, которых перечислила выше... И спасают. Но больше всех «достается» Сагынбеку Супаналиевичу и его заму Мухтарали Азимовичу Кочонову — они через дорогу от моего офиса. И всегда в курсе моих дел. Потому и последовала нижеследующая запись.

— Однажды по приезде в Ош прямо ко мне в кабинет зашел Султан Ибраимович. У меня дыхание захватило. Спутать его с кем-то невозможно. Я — врач, передо мной, расспрашивая о доме, семье сидит первый секретарь обкома, а потом говорит: «Ты, знаешь, я у твоего отца, Супаналы-аксакала, когда он директорствовал в «Кегети», работал трактористом. Есть его заслуга в том, что я поехал учиться в техникум во Фрунзе, а потом в институт в Ташкенте. О таком я и думать не мог.

Султан Ибраимович дал телефон и просил заходить. Я бы, конечно, пошел, если бы не один случай.

В 1974 году, когда началась централизация бухгалтерий всех горбольниц, выявилась недостача в 3000 рублей. По тем временам, да и по более близким к нам — это огромная сумма. Проверка за проверкой. Что делать — хожу. И вдруг вызывает Султан Ибраимович. Стыдно идти, даже ноги тяжело ступают. Оправдываться я не люблю и не умею. Будь что будет.

Он встал из-за длинного стола, пошел навстречу, пожал руку, усадил меня, сам сел рядом и очень добро опустил руку на плечо. Вот здесь и покатились мои скупые, самих себя стыдящиеся слезы. Он переждал и сказал: «Я чувствую, что это — обида, а не раскаяние, но все-таки ответь: ты чист полностью от этих денег?» Я вытащил партбилет и спросил: «Чем еще поклясться? Разве только детьми...»

Он резко взмахнул рукой и встал: «Иди, работай. А с товарищами я сам поговорю».

Когда к тебе такое бережное отношение, то хочется соответственно проявить себя и доверие оправдать. Моя жизнь по сегодняшний день связана с той встречей...

ТУРСУНБАЙ КАБУЛОВ —

завотделением ЛОР Ошской
горбольницы

После поездки в Мургаб летом 92 года напомнило о себе старое заболевание уха. Уже четверть века я о нем не

помнила — так постарались московские врачи. М. А. Кочонов познакомил меня с Турсунбаем ака. Совершенно случайно зашел разговор о Султане Ибраимовиче...

— Я по сей день поражаюсь простоте этого человека. Другие работники обкома, подъезжая с включенной сиреной, чуть ли не на крыльцо въезжают, а он машину оставлял за воротами, шел пешком и ждал за дверью, пока не отпущу пациента. С нашей стороны чрезмерного внимания к себе не требовал.

Как-то раз вижу: идет с женой на базар, причем сумки у него в руках.

Один раз посадил в свою машину старуху с внучкой, живущую недалеко от них (оказывается, она пришла навестить в больнице сына), расспросил, как себя чувствует ее сын сейчас, все ли лекарства есть. А ныне изо дня в день растет число правителей, хотя отдачи от них не видно; если бы каждый уделял внимание десятку людей, живущих рядом, меньше было бы страданий.

Султан Ибраимович все делал от души: забота и внимание были его сутью, причем он не разделял нации, а нынешние — хотя бы загорелись модой на благотворительность...

Два раза я обращался к Султану Ибраимовичу Ибраимову за помощью. И то потому, что Аблесов очень бестактно обошелся со мной.

Вообще, Аблесов был случайный человек в нашем городе. Как он сюда попал?!

Поражаюсь памяти Султана Ибраимовича. В кабинете пошел навстречу, расспросил: «Как живете, Турсунбай ака?» Конечно, тут выложишь все свои горести. Помог он мне крепко. Лично помог, не вмешивая никого. И оба раза. Получил машину и участок. Как не обратиться — законные, а не дают. Пошел к Аблесову, так тот кучу слов нагородил, оскорбил. Но все-таки вынужден был сделать, ибо был под контролем Ибраимова.

**АНТОНИНА ИВАНОВНА
КОЛЕСНИКОВА —**

ветеран труда

В 1975—1976 годах я работала в облисполкоме под ее началом. Всякое бывало. Скрупулезная и придирчивая, она порой выводила меня из себя, но я ценю то, что наши разговоры не выходили из кабинета. Были у нас и длительные доверительные женские беседы... И все годы (а мы не встречались 14 лет) я помнила ее как очень трудолюбивую женщину. Замуж она не вышла, потому что из Ленинграда на отработку диплома ее послали в Кыргызстан, а жениха — в другое место. Вся ее молодость и жизнь были посвящены нашей республике...

Антонина Ивановна — образец уникального фанатизма в работе, она глубоко запрятала личные чувства, оставшись навсегда верна своей молодости... Это был человек весьма интересных, раскованных суждений. А о Султане Ибраимовиче она говорила стоя...

— С 1968 года мне довелось работать с Султаном Ибраимовичем в Ошском обкоме Компартии Киргизии. За год вперед я была направлена сюда ЦК Компартии заведующей отделом легкой и пищевой промышленности для освоения строящихся мощностей Ошского хлопчатобумажного комбината.

С первых дней работы Султан Ибраимович стал внимательно приглядываться к работникам партийного аппарата. Ему хотелось знать меру и особенность способностей, деловые и нравственные качества каждого из сотрудников. Без этого он не мыслил организации работы аппарата, его

деятельности с наивысшей отдачей. Он всегда подчеркивал: «Хорошо узнать человека — дело непростое»...

Не обошлось и без казусов. Так, однажды Султан Ибраимович дал задание обобщить материал обследования работы отраслей перерабатывающей промышленности по итогам 1968 года с полным анализом их хозяйственной деятельности. Это в первую очередь касалось хлопкоочистительных заводов, мясокомбинатов, молочных заводов, консервных комбинатов. Мы вдвоем с инструктором отдела Михаилом Петровичем Бадигиным внимательно изучили балансы предприятий, свернули статистические данные; и, только убедившись, что анализ достоверен, я лично должна была доложить сначала отраслевому секретарю А. Г. Ласовскому, а затем первому — С. И. Ибраимову, так как этот вопрос готовили на обсуждение в ЦК. Доложив отраслевому и получив «добро» (практически замечаний не было), я пошла к первому.

Султан Ибраимович, внимательно прочитав документ и подчеркнув несколько строк, положил его на стол и сказал: «Документ подготовлен посредственно и слабо».

Я возмутилась, взяла его, изорвала и услышала запоздалый вопрос: «Что вы делаете?»

Позднее документ пришлось склеивать и перепечатывать. Оказывается, Султан Ибраимович неплохой работе умышленно дал отрицательную оценку, чтобы посмотреть, как я буду защищать правильность выводов документа и хорошую отработанность материала. Но каково было мне? От мысли: где же ошибка? — мне было не по себе.

После этого случая Султан Ибраимович отказался от подобного метода проверки твердости позиций заведующих отделами. Нужно добавить, что резкость у Султана Ибраимовича никогда не была следствием дурного настроения, а вызывалась конкретной, сугубо деловой причиной. Кроме того, он был на редкость отходчив и не помнил зла. Он был хорошим товарищем по работе, но очень требовательным руководителем. Никогда не держал камня за пазухой; а если и случалось задеть чье-то самолюбие, то лишь по одной причине — большого человеческого беспокойства за дело, которому он себя посвящал.

Его требования вызывались деловой необходимостью и не превышали возможностей конкретных людей, к которым они предъявлялись.

Никогда не апеллировал к пустому формализму, требуя от отделов точности и обоснованности, понимал, что от обоснованных формулировок зависят судьбы людей и производ-

ства, дела. Достоверность, точность, краткость и объективность — вот его требования. Он большую часть своего времени проводил в поездках, выезжал в районы, города; для него не готовили собеседников. Он находил их сам и таких, которые высказывались, глядя ему в глаза, без оглядок на того, кто стоял за ним.

В его бытность стали развиваться отрасли, производящие товары народного потребления, и сферы бытовых услуг — их производство на душу населения на селе равнялось 0,60 рубля, в городе — 1,05 рубля. По тем временам это внушительно. Росла отрасль по ремонту бытовой техники, радиотелеаппаратуры.

Наш аппарат впервые по-настоящему окунулся в хозяйственную жизнь области, ощутил ее не через колонки цифр и скупые строки документов, а непосредственно, зримо, во всех тонкостях и многообразии.

В 1974 году были освоены мощности с учетом проекта Ошского хлопчатобумажного комбината — благодаря тому, что области удалось подготовить местные кадры на родственных предприятиях текстильной промышленности России, особенно в Ивановской области.

Проработав под его руководством семь лет, я чувствовала, что это — настоящий хозяин области. Без полной экспертизы и досконального анализа не начиналось строительство ни одного объекта — касалось ли это электростанций на Нарыне, предприятий в городах Оше, Жалал-Абаде, Кызыл-Кие или в других районах, многопрофильных больниц, театров, школ или дошкольных учреждений. Много уделял внимания объектам мелиорации и водного хозяйства, объектам агропромышленного комплекса.

В июне 1975 года я была избрана заместителем председателя облисполкома. До самого ухода из области Султан Ибраимович был членом исполкома и поддерживал инициативу исполкома во всех начинаниях.

1975 год был ЮНЕСКО объявлен Годом женщины. В области тоже был создан оргкомитет и председателем была назначена я. Вопросы материнства и детства, здравоохранения и образования именно в это время удалось высветить в новом свете. В районах многие богато выстроенные административные здания были переданы под детские сады или медицинские учреждения.

Я тоже помню один момент заседания исполкома. Как раз оргкомитет внес свою справку о дошкольном воспи-

тании в хозяйствах отдаленных районов. Председатель — Темирбек Худайбергенович Кошоев — сразу поднял несколько руководителей хозяйств и засыпал их твердо отчеканенными вопросами (что удивительно — грамотный человек, в совершенстве владеющий обоими языками, он никогда не смешивал слова): «Когда будет порядок? Почему нет внимания женщинам и детям? Удобно ли сидеть им в добротных кабинетах, когда работающая сельчанка оставляет неразумное дитя на Божью милость, без пригляду? До каких пор сельские дети будут обделены в культурном развитии — ведь они должны рисовать, танцевать, декламировать... Все это быстро воспринимается только в детстве». Они пытались что-то промямлить, но председатель неожиданно обратился к редакторам газет и сказал: «Среди них самый передовой — Саип Кокоев. У него дела идут неплохо. Вот и распространите его передовой опыт передачи новой конторы под детский сад. Прекрасный пример из Кара-Кульджи...» Не все сразу «врубились». А когда дошло, все грохнуло. Так и начали передавать конторы под детские сады и медпункты.

— В начале 1976 года впервые мы чествовали культработников. Много было вручено подарков, а самый большой — легковая автомашина — композитору Токопу Эштаеву...

Когда сдавали Киргизский драматический театр, я еще не соприкасалась с этой работой, но то, что Султан Ибраимович пригласил целую группу выпускников московского ГИТИСа (в 1971 году они начали работать в Жалал-Абаде, а в 1974 году уже работали в новом театре в Оше и получили квартиры в построенном специально для них доме), мы знали все. А строительство узбекского театра имени Кирова начиналось уже при мне. Султан Ибраимович не мог примириться с мыслью, что один из ведущих театров будет ютиться в старом помещении. Он многим рисковал, финансируя строительство театра как строительство школы.

Именно в эти годы были заново выстроены после землетрясений школы в Алайском и Советском районах, построены школы в Баткенском, Ляйлякском районах. Построены крупные многопрофильные больницы: областная и детская областная в Оше, Токтогуле, Базар-Кургане, Фрунзенском и Ленинском районах. Сдан в эксплуатацию троллейбусный парк.

Султану Ибраимовичу принадлежит идея разлива мине-

ральной воды «Кара-Шоро». Он подключил к этому вопросу один из союзных институтов.

У него было особое чутье разведчика на неосвоенные капиталовложения. Деятель союзного масштаба, он умело перекачивал неиспользованные средства из республиканского, а то и союзного бюджета. Так, были завершены в очень короткие сроки строительство Кара-Суйского мелькомбината, реконструкция маслоэкстракционного завода, строительство Ошских мясо- и молочного комбината, Узгенского завода сухого обезжиренного молока с монтажом чешского оборудования, Хайдарканский ртутный и Кадамжайский сурьмяной комбинаты, несколько профтехучилищ. Был расширен ассортимент производства безалкогольных напитков.

Октябрьский винсовхозкомбинат и совхоз «Джсида» (большая заслуга в становлении этого хозяйства принадлежит первому секретарю Сузакского района А.Ф. Кондратенко и Сайпидину Атабекову — председателю колхоза «Эркин», которые нашли карту и доказали Андижанскому обкому партии, что эти земли, на которых ныне расположен совхоз «Джсида», принадлежат Кыргызстану) работали на бюджет области. Разве можно охватить всю многолетнюю деятельность такого человека, как Султан Ибраимович, однодневным рассказом?! Находясь на посту Председателя Совета Министров, Ибраимов продолжал заботиться о развитии Ошской области: на нее приходилось 47 процентов объема народного хозяйства республики.

Казалось, дальнейший жизненный путь Султана Ибраимовича прост и ясен. Что могло быть привлекательнее для молодого государственного деятеля, раз и навсегда определившего для себя путь творческого поиска, направленного на процветание горного края со всеми его сложностями и многогранными проблемами, тесно связанными с жизнью народа...

САМАТ ИДРИСОВИЧ
ИБРАЕВ —

ветеран войны и труда,
бывший первый секретарь
Кок-Янгакского горкома партии

В 1976 году пришел в облыскомком уполномоченным по делам религии.

Мне запомнилось его возмущение на одном из аппаратных совещаний у Т.Х.Кошоева тем, что в таком внешне внушительном помещении внутри такая грязь. И посуда — немытая, и пиджаки за день лоснятся.

Сейчас, спустя 17 лет мы встретились во время орозо. Самат Идрисович отпустил бороду, соблюдая траур по потере сына. Держал пост. О Султане Ибраимовиче говорил с любовью.

— Я должен отметить, каким искренним интернационалистом был товарищ Ибраимов. Во время его работы представителей каких только национальностей не было в руководимом им аппарате. Первыми секретарями работали узбеки: М.Эргашев, М.Исакулов, М.Ахунов; я — казах; Х.Дадабаев — таджик; В.Талипов — татарин; А. Ш. Дагазиев — дунганин; Е. А. Донченко, А. М. Малов — русские. Я уж и не говорю о крупных предприятиях и стройках. Кадры он подбирал не по национальности, знакомству и землячеству. У него самого не было «мохнатой» руки, поэтому, видно, и старался обходить так их. Много помогал в работе, но и строго спрашивал за упущения.

Осенью 1970 года Кок-Янгакская шахта три месяца не выполняла план добычи угля в связи с отсутствием комбайна, который мы должны были получить с Украины, а в план уже заранее была включена комбайновая добыча. Я объяснил, что

Донецкий машзавод задерживает поставку комбайна, эти комбайны не отгружены также Кызыл-Кие и Таш-Кумыру. Султан Ибраимович связался с первым секретарем Донецкого обкома партии Украины, и комбайны поступили. Мы план добычи угля перевыполнили, сверхплановый уголь отдали сельчанам, в первую очередь — животноводам.

Имея беспрецедентный пример таких налаженных экономических связей, надо было их сохранить, даже разрушив другое. Другие государства веками идут к установлению таких связей, а у нас они были готовы, обкатаны. Эту простую истину, о которой твердит Назарбаев, умышленно не хотят воспринимать.

Султан Ибраимович высоко ценил человеческое достоинство, никогда не задевал самолюбия людей.

С вышестоящими был учтив и дипломатичен. Да и они знали, с кем имеют дело, знали его вес в обществе и то, что он чист.

Из-за природной доброжелательности, уважительности к личности, воспитанности и культуры он не лез через головы и умел так поправить в случае необходимости, что и догадаться не успеешь, как все станет на свои места.

Однажды произошел такой случай. Председатель Совмина республики А.С. Суюмбаев дал устное распоряжение Минстрою — подключить к строящемуся водопроводу Кугарт — Кок-Янгак несколько населенных пунктов Сузакского района. Узнав об этом, министр углепрома СССР Б.Ф. Братченко запретил ассигнование, мотивируя тем, что строится не сельводопровод, а промводопровод для шахтеров. Об этом я доложил Султану Ибраимовичу. Он посоветовал мне лично поговорить с А.С. Суюмбаевым, а на случай его несогласия обещал что-нибудь придумать.

Суюмбаев отмолчался. Мы воспользовались работой нашего Председателя Президиума Верховного Совета Турабая ака Кулатова в Москве (ведь все Председатели Президиумов были заместителями Председателя Верховного Совета СССР и определенный период работали в Москве), и я, не теряя времени, поехал к нему. Зашли к Б.Ф. Братченко и говорим, что рабочие работают, а зарплаты нет. Как быть?! Тогда это было настоящее ЧП!

Б. Ф. Братченко звонит А.С. Суюмбаеву и говорит: «Отмени своё распоряжение, если не отменишь, то я денег не дам, а строительство законсервирую. Приехал первый секретарь, просит продолжать работу по строительству водопровода — что делать будем?» Решение было отменено.

Сейчас этот водопровод работает, потом, после окончания строительства, попутные населенные пункты Дмитровка, Михайловка, Подгорное, Кугарт и другие были к нему подключены для постоянного водоснабжения.

Не могу не сказать о его человечности. Вдруг дали о себе знать старые фронтовые раны. За год дважды перенес операцию. Султан Ибраимович, узнав, что я лежу в Кок-Янгакской больнице без сознания, попросил поехать ко мне главного хирурга области Юсупа Касымова и врача-травматолога, и они ночью привезли меня в облбольницу, а утром из столичной клиники прилетел М. Мамакеев. Меня снова оперировали. Султан Ибраимович находил время, сам посещал, спрашивал о медикаментах. И все это он организовал, когда был донельзя перегружен работой. Конечно, пока бьется мое сердце, я и моя семья будем ПОМНИТЬ и БЛАГОДАРИТЬ!

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ
ДИЛЬДЯЕВ —

ветеран прессы

Когда в марте 1975 года меня представляли на заседании облисполкома (потом на сессии) на должность ответственного секретаря комиссии по делам несовершеннолетних, прочитали биографическую справку и назвали мою специальность «инженер-технолог молока и молочной промышленности», по ней я работала в Москве, по приезду в Ош горком партии как молодого коммуниста с московским партбилетом направил в

горком комсомола, а сейчас рекомендовал на советскую работу, Григорий Иванович вслух произнес: «Странно».

Как только мы вышли, какая-то дородная тетенька сделала мне замечание, что здесь не принято носить короткие платья, длинные серьги и делать завлекалки — накручивать волосы у висков. (В Москве, даже вручая мне диплом победителя всесоюзного конкурса, а потом — кандидатскую карточку и партбилет, никто не считал нужным сделать мне замечание даже за брючный костюм. А эта тетенька потом оказалась хорошей сводней Исаевой и Фоменко.)

Впоследствии Григорий Иванович мне понравился, а еще больше — его жена, работавшая в детском приемнике-распределителе.

В подготовке заседаний комиссии, первого в республике актива по профилактике детской преступности и безнадзорности, подготовке моего вопроса для заслушивания на заседании облисполкома семья Дильдяевых мне здорово помогла.

И неважно, что Григорий Иванович через 17 лет меня еле признал. Ведь делавшие добро о нем и не должны помнить. Важно, чтобы получившие добро об этом помнили. Наш разговор был теплым и откровенным. С радостью я узнала, что сын Дильдяевых редактирует газету «Азия».

— Султан Ибраимович никогда не уходил в «кусты» от решения важных, острых вопросов. Не было ему равных по своеобразной хватке усваивать передовой опыт и принимать меры по его распространению. Очень запомнился мне семинар по ознакомлению с Богатухинским методом ремонта изношенных деталей. Он вообще огромное значение придавал газетным публикациям. И сам часто выступал в прессе. Интересовался откликами, какие письма, откуда и о чем пишут.

...Тогда мы все были ответственными за выполнение плановых показателей по производству сельскохозяйственной продукции. Помню, выполнили в хозяйстве Басина в Ленинском районе план по хлопку на 100 процентов, тут же перекинули в Араванский район на строительство кошар. Не было тогда прохлаждающихся. Зато, с чистой совестью просил о расширении квартиры. И что самое неожиданное — результатом поинтересовался сам Султан Ибраимович. В поле его зрения всегда была истинная отдача каждого, с кем он соприкасался в деле.

Люди знали, что его жесткость обоснованна, выговор — всегда с доказательством, но и о просьбах он никогда не забывал.

ИБРАИМ УМАРОВ —

ветеран труда, бывший первый секретарь Алайского райкома партии

Разыскала его еле-еле. Наконец, ему передали, и он мне позвонил, сказал, что болеет. Я обещала его «вылечить» методом нетрадиционной медицины, ибо у нас есть экстра-сенс. Ибраим аба пришел. Расспросил о жизни, вспоминали свадьбу брата, которую вел Ибраим аба. Как всегда, его ораторское искусство «включалось» постепенно, набирая сильнейшие эмоциональные оттенки...

— У Султана была любимая поговорка: «Счастье — гладкое и округлое — удержаться трудно, а заботы — плоские, оседлают быстро, если не будешь с умом». Он всегда подчеркивал, что есть три качества, которые возмущают его: пьянство, нечистоплотность в отношении к женищинам и взяточничество. Его принципами были: оценка по деловым качествам; учет реальных возможностей каждого; контроль за исполнением заданий. По весне давал задания, летом проверял ход, осенью заслушивал итоги.

У него было бесстрашное сердце жигита: взяв на себя всю ответственность за исход животноводческих дел в 1969 году, лично держал отчет перед Москвой и ЦК и ни за какие нарушения не наказал ни одного человека. Всех сберег.

В строительстве дорог на Иркеш-Там, в освоении Чон-Алайской долины, Кок-Суу и Ой-Бала — на высоте 4200 метров над уровнем моря — трудно переоценить заслуги Султана Ибраимовича. Любое дело тщательно и всесторонне изучал. Перед освоением посылал до 20 специалистов, которые доказывали: целесообразно или нет данное начинание.

Освоенные при нем 15 тысяч гектаров Чон-Алайской долины служат людям. А вот дорога Тогуз-Торо — Жалал-Абад не завершена до конца и не осуществлен замысел строительства дорог Базар-Курган — Уч-Терек через Кызыл-Ункур (на 93 километра сократилась бы дорога), а также дороги Токтогул — Талас.

Если есть дорога — значит, местное население уже причастно к движению общества вперед. Нет дороги — население обделено во всем.

Тяжелее всего Султан Ибраимович переживал бытовую, социальную и общественную униженность людей...

АБДИНАБИ САМАТОВ —

ветеран войны и труда

В юности его комсомольское имя громко звучало в Кадамжайском (Фрунзенском) районе. Считает, что объективные экономические законы социализма не были использованы. Когда на решающих постах были фронтовики — все делало от души и для людей.

На фоне общей нищеты было безнравственно благоустраиваться. Сейчас говорят, что мы хотели общей нищеты — нет, мы хотели всех сразу сделать богатыми.

Сегодня модны те, которые клеймят позором за национальные трагедии идеи Ленина, Октября, социализма. Они говорят уже два года, пусть еще немного поговорят, пока люди сами поймут разницу в жизни тогда и сейчас...

— Мне пришлось быть свидетелем того, как Султан Ибраимович, советуясь, выдвигал кадры и снимал с должности, предварительно лично убедившись в несостоятельности.

Как он радовался, когда удавалось завезти лишней десяток машин, освоить лишней гектар земли...

О сегодняшнем времени даже не хочется говорить. Какая надежда и на кого?

Все произведенное — вывозится. Некому работать — некому производить.

Процветает спекуляция. Даже лекарствами спекулируют. А как можно обвинять правоохранительные органы? Сержант получает 140, майор — 300 сомов. Мешок муки на двоих. Кому такая цивилизация нужна?

Не понимаю нынешних власть имущих. Как они работают с кадрами и кого выдвигают?

Если Султан Ибраимович подбирали руководителя хозяйства, то он ненавязчиво и дипломатично экзаменовал, начиная от знаний о численности населения, в том числе трудоспособного, и кончая сортами и видами выращиваемых культур.

Поддерживал инициативных людей, если убеждался в правоте, говорил: «Начинайте», а финансовый вопрос решал сам.

Я уверен, что через некоторое время вся эта эйфория кончится и в сознании людей пройдет резкое отделение тоталитаризма от положительного в нашей истории. Образ Султана Ибраимова должен этому послужить.

**МУНИР АСКАРОВИЧ
БЕКТЕМИРОВ —**

зам. председателя областного Совета
ветеранов

Познакомилась и выражаю ему огромную благодарность за организацию моих встреч с ветеранами.

— У меня на памяти два эпизода, связанные с Султаном Ибраимовичем.

Я работал председателем обкома профсоюза рабочих строительства, когда в 1977 году по инициативе Султана Ибраимовича в урочище Арслан-Боб было начато строительство дома отдыха. Объект оказался не столько сложным, сколько трудным из-за плохих погодных условий. К тому же бездорожье порождало другие неудобства, связанные с плохим питанием, дальностью торговых точек. Была большая текучка среди рабочих, поэтому вмешательство обкома было оправданно. В один день всех, имеющих отношение к строительству данного объекта, вызвали на совещание к Султану Ибраимовичу. Сидим в приемной раньше назначенного времени. Сидим, будто малознакомые люди, избегая смотреть друг на друга. Вдруг — звонок секретарю приемной, нас пригласили войти в кабинет первого.

Плотно разместились на стульях — нас было много. Сидим молча, будто в ожидании чего-то грозного. Султан Ибраимович обвел нас улыбающимся взглядом и негромко обратился к присутствующим: «Я выпросил у Председателя ВЦСПС тов. Шалаева деньги на строительство дома отдыха для трудящихся области, неужели эти деньги будут отозваны как неиспользованные? Я пригласил вас всех посоветоваться и заодно выяснить причины срыва».

Строители высказались. Султан Ибраимович слушал внимательно и, подытоживая совещание, пообещал, что все необходимые материалы и продукты питания будут. Вопрос будет под контролем отраслевого секретаря и зам. председателя облисполкома по строительству.

С этой встречи мы ушли окрыленные и с надеждой. И вправду, с начала недели фронт работы был стабилизирован, люди накормлены. Объект все-таки был сдан.

Второй случай, когда совхоз «Арал» Ленинского района в один из сезонов первым в области выполнил план сбора хлопка. По этому случаю на праздник в хозяйство приехали Султан Ибраимов, Барны Рыспаев, секретари Майли-Сайского и Кок-Янгакского горкомов, труженики которых помогали хозяйству. Немного посоветовавшись, чествовали передовиков, потом все сели обедать.

Барны Рыспаевич, с которым я когда-то работал в комсомоле, сидел, хитро поглядывая в мою сторону, улучив момент, произнес: «Вы знаете, Султан Ибраимович, что уполномоченный Бектемиров (указывает на меня), Мунир Аскарлович, появился здесь только на сегодняшнем празднике?!»

Юмор, видно, пришелся по душе. Султан Ибраимович громко рассмеялся: «Важен результат, Барны Рыспаевич!»

Вот эти два эпизода. И еще я бы назвал одно — ибраимовскую улыбку, которая западала в душу и грела. Я его видел и другим, но с теми, кто иначе не понимал, или кого он разоблачал в чем-то непристойном. Но его улыбка была огромнее и веселее его гнева, вынужденного повышения тона, решительной меры по отношению к тому, кто это заслужил.

ВАГИНУР ТАЛИПОВ —

ветеран труда, бывший
первый секретарь райкома

В 1975 году, в июле, я поехала в командировку в Ляйлякский, Баткенский районы и г. Сулюкту. Сразу я явилась в Ляйлякский райисполком, к зам. председателя, курирующему комиссию по делам несовершеннолетних, — кажется, Кененсариеву. Меня принял какой-то нервный, издерганный человек, который с издевкой поблагодарил, что я аж из Оша прилетела в Исфану. Я проглотила обиду, попросила познакомить меня с секретарем комиссии и, если возможно, как-то устроить меня в Сулюкте. Он что-то фыркнул, позвал молодую девушку-татарку. И выпроводил меня, оставив свою сотрудницу. Вскоре она вышла, вся пунцовая, еле сдерживая слезы.

Я спросила, что случилось, она расплакалась. Кененсариев, оказывается, приказал ей передать мне, что я слишком многого хочу, ноги мои не обломятся, если я пройду пешком и поеду на автобусе и чтобы она устраивала меня как хочет — гостиницы нет. Да еще чтобы я ее за собой не тягала и не совала свой нос куда не следует. Я поняла, что это совершенно недалекий человек, и ринулась к первому секретарю райкома партии. Конечно, если бы не было мне 24 года и не жила бы я семь лет в Москве, то я нашла бы другой путь воздействия на оскорбившего меня человека.

Меня принял Вагинур Талипович. Мы познакомились, первый секретарь предложил мне чай.

Глотая слезы и замолкая на несколько мгновений, я попросила его помочь решить задачи командировки,

вкратце сказала о поступке Кененсариева, но не было ни сил ни умения передать его хамство.

Вагинур Талипович пригласил председателя Исфанинского сельского Совета Хасиятхон апу, дал ей поручение сопровождать меня, устроить меня (не помню точно, как он выразился). Когда мы с моим портфелем пришли к названному месту, я увидела аккуратное ухоженное помещение, утопающее в саду, сторожа и его осла... Тихо и пусто... У меня от страха расширились глаза.

— Здесь останавливаются самые высокие гости. Принимаем от всей души.

— Я не останусь здесь, я боюсь, — сказала я. Сторож с готовностью отложил свой кетмень:

— Я могу вас пригласить домой, но у нас очень скромно...

Короче, два дня я пробыла у Хасиятхон апы. Мы вместе ездили в Сулюкту. Меня интересовала ее работа, я видела, как она заключала браки, разводила, распределяла сено. Потом ходили в районо, в больницу. На третий день Вагинур Талипович позвонил, что в Баткен летит самолет и для меня куплен билет. Я попрощалась с Хасиятхон апой, попросила ее от моего имени поблагодарить первого.

Через 18 лет Вагинур Талипович меня совсем не узнал и даже не помнил о том случае. Я пересказала ему все, от начала до конца, тогда он сказал: «Теперь припоминаю».

Талипов — татарин, но Чингиз-ханом его, наверное, называют не поэтому, а за крутость нравов. Кыргызским владеет в совершенстве — в 46 году закончил Жалал-Абадскую школу-интернат для детей погибших воинов; в 50 году закончил факультет кыргызского языка и литературы Ошского учительского института. С женой уже прожил 43 года, имеет троих детей и шестеро внуков.

— С Султаном Ибраимовичем впервые встретился, будучи вторым секретарем Токтогульского района, в тяжелую зиму 1969 года. В тот год человек 15 и более пяти тысяч овец остались под оползнями. На многие зимовки совхоза «Толук» добирались только вертолетом (там было около двух метров снега). Для расчистки дорог были направлены 30 бульдозеров и продукты питания.

Впервые депутатом Верховного Совета СССР Султан Ибраимович был избран из Токтогульского района, и я был председателем окружной избирательной комиссии. Вместе с первым секретарем М.С.Сыдыковым я сопровождал Сул-

тана Ибраимовича на встречи с избирателями. С нами был и редактор областной газеты «Ленин жолу» А. Борубаев.

Вспоминается мне такой случай. В это время стояла июньская жара. Приезжаем мы в совхоз «Уч-Терек», зашли в контору, а Борубаев задержался и зашел через минут 20. Султан Ибраимович спрашивает: «Где ты был?» Борубаев отвечает: «Я спрашивал у людей, можно ли здесь встретить чонко?» (Чонко — представители рода саяков, за беспощадный сарказм и внеконкурентное остроумие их в одно время подвергали гонениям, даже в санжыра они не фигурируют, делают вид, что их не было никогда, а они есть и в основном — выходцы из Токтогульского «Уч-Терека»; расселены в Базар-Курганском и Ноокенском районах. Иногда их еще называют кыргызскими габровцами. — С.Ш.)

Мы ждали, что же ответили Борубаеву, ему ответили: «Чонко уже ликвидировали, а те, кто остался, — уже стали культурными».

Я говорю: «Значит, они вас хорошо поддели. Как можно ликвидировать целое село — вот они, живы-здоровы, и вы находитесь на их земле, а поскольку вы в сорокаградусную жару в нейлоновой рубашке, в костюме и при галстуке, то они и обозвали вас «культурным», а потому отторгнутым от них».

Султан Ибраимович смеялся от души и сказал: «Наверняка, чонко оценили бы такого переводчика!»

С 1970 года я стал первым секретарем Ляйлякского района. Три года дела шли неважно. Он терпеливо помогал, но и строго спрашивал. Иногда был гневным. Весь краснел, взглядом уставится в стол и молчит, пока уляжется волна гнева. В 1972 году, переживая за зимовку, пригласил меня и наших специалистов. Вопрос был один: «Сможете ли перезимовать?»

Я сказал, что сможем, только нужна поддержка фуражом. Наше письменное обещание Султан Ибраимович положил в сейф. И обещал в случае провала показать наше «сочинение».

Зимой он приехал. Мы поехали в «Советский Таджикистан». Султан Ибраимович ненароком произнес: «Вроде, в том ущелье кошара была?!» Хотя прекрасно знал, что именно там стоит кошара. Поворачиваем машину, едем, а там — работа кипит. У животноводов — обычный трудовой день. Ничего не сказал, только попросил ехать обратно в район, а спустя некоторое время — кто на самолете, кто на машине — приехали все секретари на семинар по зимовке скота.

Очень любил песню «Чагылган». И садился за стол вместе со всеми, не любил обособляться. А еще любил хлопать людей по плечу — не в угоду, а доверительно и ободряюще.

Ни до него ни после я не видел такого смелого человека, который всегда шел навстречу знаниям, передовому опыту новым научным открытиям. И все было ему под силу. Поскольку сейчас уже разрешено — видно, Бог ему помогал. Кстати, о Боге. Он его никогда не оскорблял...

РЫСПАЙ ДОДУЕВ —

майор милиции в запасе, автор книги
детективных рассказов
«Жестокость на реке»

— В своей книге я уже писал о встрече с Султаном Ибраимовичем, а сейчас хочу рассказать о том, как повлияла эта встреча на всю мою последующую жизнь... В то время не могла не волновать нас судьба папанской земли.

...После весеннего дождя в лучах яркого солнца переливались блики изумрудно-молодой зелени. Пространство между двумя гордыми скалами было заполнено головокружительной свежестью. Внизу мирным пятнышком двигалась отара, а еще дальше, в ущелье — прозрачная Ак-Буура в пенящемся потоке. Как жалко было все это потерять!

Я особенно забеспокоился после одной беседы на рыбалке. Мы сидели на берегу Ак-Бууры вместе с Михаилом Алексеевичем Томой — главным инженером еще не начавшегося строительства Папанского водохранилища, украинцем, с

которым я тесно сдружился. Он исследовал землю, которая должна была стать дном водохранилища.

Я высказал ему мучившую меня мысль: «Миша, скажи, пожалуйста, вся наша долина будет затоплена или частично?» — «Это тайна, друг мой», — и замолчал. — «Тогда мне, нашел государственную тайну... Живы будем — увидим», — обиделся я. — «Ладно, не сердись. Так уж быть — покажу тебе карту, только — никому ни слова». — «Слово жигита»...

Когда я увидел карту, где зеркало водохранилища составляло не более 10 километров в диаметре, — я задумался. Почему из-за такого затопления все население должно быть эвакуировано с этих земель. А остальная территория почему должна превращаться в пустырь? И это в то время, когда все говорят о необходимости освоения целинных и рациональном использовании поливных земель, когда в нашем Кыргызстане каждая пядь поливной земли на вес золота? Нас просто обрекают на преступление против совести и будущих поколений... Почему так близоруки наши руководители? Если рядом будет водохранилище, можно же освоить остальные земли, куда только сможет дойти вода...

Все разрастаясь и лишая спокойствия, меня неотступно преследовала мысль: измерить все эти территории, привлекая к водохранилищу, предположить, что можно на них вырастить, и посчитать прибыль от возможного урожая...

Поливная земля вокруг нашего аила составила 570 гектаров. Ссылаясь на будущее водохранилище, забросили и канал и, соответственно, землю. Выжженные травы не радовали глаз. Если вновь задействовать канал и обновить сельхозработы, ежегодно, по моим подсчетам с помощью бухгалтера, мы получали бы 1 миллион 200 тысяч рублей прибыли.

С этой идеей куда только ни обращался — в Кара-Суйский райком, облисполком, газету, — везде ее воспринимали как абсурд и ходу не давали. Тогда я вернулся, собрал людей, по зрительной памяти нарисовал карту, все посчитал и попросил меня поддержать.

Канал был построен сразу после войны, под началом вернувшихся фронтовиков. Он проработал два года — до 1947-го. Потом канал был забыт. А в 1953 году у всех уже опустились руки — предупредили о скорой эвакуации из-за будущего строительства водохранилища. Вот так и жили «на чемоданах»...

Устав обращаться к местным и республиканским властям, с картой и подсчетами я отправил письмо на кыргызском языке в Москву.

Приехала комиссия. О покойниках плохо говорить не принято, но один деятель из облисполкома заранее агрессивно настраивал против меня членов комиссии. Однако приехавшая комиссия настаивала на встрече с папанским населением. Некоторые «сердобольные» уже говорили о проверке школы — ругали учеников, когда один молодой парень сказал, что приехали проверять не школу и работу завуча Додуева, а выяснить истинную судьбу этого края.

Встретились с людьми — они подтвердили мое обращение. Проверили мою карту и площадь земель, на которых можно растить все что угодно. Увидели старые тополя — значит, эта земля была жизненной, короче гозоря, мое письмо полностью подтвердилось.

По итогам проверки собрали собрание. Секретарь парткома совхоза «Кенеш» Ж. Абылкасымов вел пространную речь о нашей истории, начиная с Великого Октября, а в итоге — как истину в конечной инстанции — твердо завершил: «Как сказала партия — так и будет. Вы оставите эту землю, а автора письма как диверсанта в нашем сознании надо наказать, чтобы было неповадно».

Я с нетерпением ждал слова, но начал выступать русский парень из Москвы. И стал говорить по-кыргызски: «Аталар, эжелер, энелер»...

Что тут началось среди людей! Оказывается, Фаил Алексеевич Клименко родился, рос и закончил кыргызскую школу на Иссык-Куле. Язык знал в совершенстве. И весь насквиль, который говорили в мой адрес, спокойно выслушал и сделал свои выводы.

«Партия не решает, — сказал он, — чтобы на местах были слезами, не приказывает белое считать за черное. Лишняя трудовой народ родины, вы обрекаете его на бездеятельность. Мы из городов зовем людей на освоение целины, а вы...»

Он понял то, что камнем лежало на моем сердце.

Деятель из облисполкома переменял тон, начал наступать на районных и местных руководителей, которые не оценили молодого патриота.

Много аксакалов: Ырыскул Топчубаев, Жумабай Жунусов, Малабай Эшматов и многие другие — публично выразили благодарность мне и Ф.А.Клименко.

Потом многие стали искать со мной встречи. Однажды вызвал Султан Ибраимович. Меня допрашивали разные беспокойные мысли. В приемной встретил русский парень и, спросив разрешения, проводил к первому. Услышав его простую речь и добрый взгляд, я успокоился.

«Я доволен вашим поступком и вашей настойчивостью, — сказал первый секретарь. — Очень жаль, что я был с вами не знаком раньше». — «Мое письмо к вам не приняли, и меня к вам не пустили», — пытался спокойно говорить я. — «Вот как? Не отрицаю, что и такое, к сожалению, бывает. Что нам дальше делать? — хочу посоветоваться». — «Сейчас бы обещанную технику, о которой говорил работник облисполкома... Говорят, что в Кожокелене есть уголь, мост и дорога нужны». — «Хорошо.»

Потом расспросил о моих родителях, о семье, о детях. И, улыбнувшись, сказал: «Что ж, будем осваивать вашу родину?!»

Мы поднялись, он тепло попрощался со мной и проводил до двери.

После эти 570 гектаров были освоены, построен новый канал с восточной стороны Ак-Бууры. Построена и обновлена дорога на Папан и Кожокелен...

Отказавшись от партийной работы, которую мне предложили, я пошел работать в милицию. Однажды услышал, что отпущена огромная сумма на освоение горы Сулаймана. Убедившись, что на освоение, действительно, отпущены 1,5 миллиона рублей, я загорелся идеей посадить на Сулайманке сад. Председатель горисполкома и первый секретарь горкома сквозь зубы посоветовали заниматься милицейскими поисками. Я записался на прием к Султану Ибраимову. Он, видимо, предварительно ознакомился со списком, — послал меня разыскивать, вплоть до дома.

Встретились мы как добрые старые знакомые.

«Почему в милицеской форме?» — спросил он. Я ответил, что партийная работа не по мне, а к этой работе уже привык. — «Что беспокоит вас сейчас?» — поинтересовался Султан Ибраимович.

Я рассказал. Потом добавил, что вместо ресторана и сквозного туннеля в горе надо засадить ее сплошным садом, а поливать из труб.

Султан Ибраимович поддержал меня, тут же попросил помощника связать его с руководителями города, которым посоветовал включить в проект посадку сада и полив его по трубам с помощью насоса.

Сад был посажен, построен историко-краеведческий музей в горе, а уже потом восстановлен дом великого Бабуря.

Жители Папана, Кожокелена, Чогома, конечно, помнят, благодаря кому они ездят до областного центра по прямой дороге. В ее строительстве принимали участие три района:

Кара-Суйский — (К. Абдразаков), Наукатский (А. Осоров), Араванский (М. Ахунов).

Их часто можно было видеть на стройке с Султаном Ибраимовым, который остался в памяти самых простых людей как неповторимый феномен великой Личности. Мечтатель и Деятель с большой любовью к земле и людям...

АБДИБАИТ ТАДЖИБАЕВ —

председатель областного комитета по охране природы, в прошлом партийный и советский работник

Знаю его с детства. Мы — земляки, из Наукатского района. Когда мой отец работал на партийной работе в Алае, мы как-то приехали навестить пожилых родственников в Наукате. Потом, на обратном пути, оказались в гостях у Таджибаевых. Когда сели за стол, оказывается, я беспрестанно ела урюк и потом до самого райцентра — Гульчи — я плакала от стыда, потому что моя строгая мама гневно выговаривала мне, что я хотя и большая уже, но очень нехорошая девочка, и грозилась заставить меня съесть десять килограммов урюка за раз...

Через десять лет, когда мой отец и Абдибаит аба стали работать вместе в Ала-Букинском районе (Таджибаев — первым секретарем, отец — начальником райсельхозуправления), я приехала на каникулы из Москвы и, вновь оказавшись у них в гостях, старалась пить только чай.

Осенью 1971 года тяжело заболела супруга Абдибаита

абы. Султан Ибраимов прислал вертолет, и многодетная мать была спасена. А в 1972 году неожиданно умер их четырнадцатилетний сын. Как говорили тогда, это был очень своеобразный ребенок. Даже в бреду он просил малышей, которых он спас, отойти от быстротечного канала; а незадолго до этого поздравил отца букетом горных цветов.

Я помню шумные газетные статьи, которые говорили о низвержении председателя облисполкома Таджибаева. Мы, с детских лет пережившие такие падения в своей семье, — не удивились...

25 августа 1990 года, когда был намечен прием гостей в жалал-абадском зале семейных торжеств по случаю моего 40-летия и прощания с городом, вдруг пришли и сказали, что я должна уступить зал, ибо это уже оговорено и т.д. Что было?! Мои гости были приняты, а свадьба дочери Абдибаита Таджибаевича была в другом месте. Кто-то хотел очень услужить, но этим не воспользовались...

Через некоторое время в город приехал Г. Н. Киселев — бывший второй секретарь ЦК, наш депутат в Союзе, уже ставший председателем комиссии по ТНП. Мне помогли попасть к нему на прием. Принимали он, Эркин Бегимкулов и вновь испеченный мэр города Касым Исманов. Я упрекнула Киселева, что он не явился при трагедии, потом высказала свое мнение о февральском активе 1987 года.

«Что, вы какими-то решениями этого актива недовольны?» — улыбающееся лицо Геннадия Николаевича посуровело. Рядом — сжались.

Гляжу Курсан Пратович — его секретарь — сам не свой. Уверен, что я говорю не то.

Я отвечаю, что после той волны — после актива — я написала письмо Горбачеву и начались мои беды...

Я только хочу сказать, что в свое время пострадал Раззаков, а сейчас не должны страдать Абдразак Кадырматович Султанов, Абдибаит Таджибаев... Да, у нас, кыргызов, нет какого-то закостенелого фанатизма. Мы были кочевым народом, очень легко поддаемся диктату времени. Тем не менее очень избирательны — иначе кочевники не выжили бы, если бы не были передаваемы истинные ценности.

Пришло время послушать и нас — мы уже в поре зрелости, когда надо считаться.

У нас есть чувство благодарности за добро, — об этом я писала Горбачеву.

Многое мне не дали сказать умоляющие глаза, многое я не сказала сама, ибо увидела, что меня просто не поймут.

И правильно сделала. Когда я вышла, оказывается Г. Н. Киселев сказал: «Что-то я не понял, зачем эта женщина приходила?» — Вот так...

— Познакомился с Султаном Ибраимовичем в 1967 году, учась на курсах в Ташкентской высшей партийной школе. Не хочу повторяться о его положительных качествах, так как мои предшественники довольно много говорили о них, а вот несколько моментов попытаюсь подчеркнуть.

Изучая кадры, Султан Ибраимович собирал и отрицательные отзывы, причем оппонентов порой ценил выше — они смотрели шире, нежели восторженные доброжелатели.

Всегда прощал и уважал тех, кто говорил самую горькую правду, сильно огорчался, если приходилось в ком-то разочаровываться. Это случалось крайне редко.

Если какая-то нелепость компрометировала кого-то — он такое чувствовал безошибочно, — то бесстрашно защищал его на уровне всех инстанций.

Я никогда не слышал такого, чтобы Султан Ибраимович об одном и том же человеке или явлении высказывал два разных мнения в зависимости от собеседника. Не имело значения, кто перед ним — сторонник или противник предмета обсуждения... Не терпел халтуры, не терпел унижения простого человека, но самый высокий гнев его вспыхивал от регионализма, трибализма — тогда уже его успокоить было трудно. Он возмущался тем, что говорящий об этом не представляет степени своей низости и тяжести своего предательства по отношению к собственному народу. Это — тайный враг, которого надо остерегаться.

При нем ошские кадры поднялись выше инструкторов, появились свои заведомые, первые секретари, при нем уже не так бесцеремонно стали присылать директоров и даже завучей школ в сельские местности.

Каким он был в семье? Очень уважаемый муж и добрый отец.

Как относился к Усубалиеву? С уважением. Ценил его ум, компетентность, советовался и очень просто убеждал, когда надо было чего-то добиться для области.

Его явная высоконравственность не нравилась многим, она была им как укор; а Усубалиев, на мой взгляд, это ценил. Умные люди всегда знают: тот, кто горячо кого-то или что-то

отстаивает, в другой раз отстоит и его. Султан Ибраимович нашел бы что сказать об аксакале...

Не потому говорю, что работал с ними, а для справедливости. Наше поколение не гнулось и не кивало, как хотят это представить критиканы, а делало все возможное, чтобы улучшить жизнь.

Лишь через века поколения рассудят, кого осудить, а кого поблагодарить. Вот стоишь на равнине — рядом течет река. А глядя на нее с горы, различаешь все изгибы и особенности течения. Так и время. Страсти улягутся не скоро. А Ибраимов был и будет своим для всех времен.

МАХАМАДЖАН АХУНОВ —

зам. начальника областного комитета
по охране природы

С 1964 по 1971 год — второй секретарь Кара-Суйского райкома партии, в 1971—1982 годах — первый секретарь Араванского райкома партии. Затем — длительная хозяйственная деятельность. Считает, что Р.С. Кульматов — случайный человек на большом посту; он пустил под откос все, что было создано при Ибраимове. Возмущен тем, что он до сих пор не ответил за события 1990 года.

«Причем тут Усен Сыдыков? — спрашивает Махамаджан ака. Я этот вопрос задавала тоже. И многим. Признавая его трудоспособность, компетентность, его раздражающую категоричность к бесчестным людям, я все-таки выше моей

личной обиды на него. Надо избавить его от клейма, — многие говорили об этом, узбеки тоже, но...

УСЕН СЫДЫКОВ — нынешний руководитель управления хлебопродуктов, к началу трагического июня 90 года проработавший первым секретарем обкома около сорока дней, — личность, настолько непредсказуемо и парадоксально обвиненная в истории наших лет, не считая репрессий! Впервые я услышала о нем в 75 году как о грамотном и деловом председателе Ляйлякского райисполкома. Было ему тогда 32 года. Потом он оказался первым в Базар-Курганском районе. Доподлинно знаю, что не приписал ни грамма мяса, молока, хлопка. Кстати, участие его семьи в уборке хлопка-сырца не носило рекламного характера. Родившись в Хиле, имея родичей — узбеков, он ни когда не был националистом. А меня невзлюбил, наслушавшись недостойных людей, которые прямо на его глазах его же предавали на выборах 92 года. Я же, найдя в себе силы перебороть чувство внутреннего дискомфорта от его поступка, говорила избирателям, что Усен Сыдыков нужен в такое трудное время, что он стал без вины виноватым — такая доля выпадает настоящим людям.

Искренне благодарна Президенту за то, что он это понял, и уверена: пересмотр причин и виновников событий 90 года уже не принесет горьких минут самоупрека тем, которые многое поняли и сделали правильные выводы.

Махамаджан ака перешел в главной теме беседы...

— Часто вспоминаю первый день нашего знакомства с Султаном Ибраимовичем: в 1968 году я был одним из членов счетной комиссии на пленуме, избирающем его первым секретарем; Курманбек Жааналиевич Мамакеев был ее председателем.

Через некоторое время, поздно вечером, мы сидели в правлении колхоза имени Калинина. Вдруг заходит Султан Ибраимович. Поговорили. Потом он сказал, что уезжает и попрощался. Председатель хитро подмигнул и сказал: «Сейчас он будет объезжать хозяйство — хлопковая страда же. А нас пожалел».

Мы — за ним. И правда: Султан Ибраимович увидел, что комбайн стоит. Ребенок стип без раскладушки — на полу. Тогда дети работали почти весь сезон. Попало раису: «Своего ребенка так уложите?» — спрашивает тихо, незло, а кожу продирает. Назавтра же и раскладушку нашли и комбайн починили. Потом стал работать в Араване, вместо Мухтара Исакулова.

Я поражаюсь, как хватало душевных сил и слов у Султана Ибраимовича, чтобы с самого утра поднять у всех дух и настроение. Звонил с утра, интересовался семьей, детьми, их здоровьем, а потом переходил к делам.

Когда меня наградили орденом «Знак Почета», а Маматказы Эргашев получил второй орден Ленина — в это время мы с ним отдыхали в Пушкино — в Подмосковье. Приехавший по делам в Москву Султан Ибраимович позвонил из гостиницы «Россия» и попросил передать мне трубку, поздравил с наградой меня, а уже потом Маматказы — вот какая тонкость. Первым — меня, чтобы не обиделся, поскольку мой орден по значимости же был меньше. Конечно, с таким руководителем мы без слов выезжали в Чуйскую зону заготавливать корма и дороги строили, нередко без сна простаивая на ответственном участке.

У него была одна особенность: если от удовлетворения чем-то светлело на душе, то глаза загорались ярким огнем, лицо разглаживалось и он хлопал по плечу. Значит, надежду оправдал. Ради таких мгновений стоило работать, а ради тех мгновений, когда простые люди благодарили, — стоило жить. Несмотря ни на что, жить и работать стоило!

ШАВКАТ ТАДЖИБАЕВ —

зам. председателя Совета профсоюзов
Ошской области

Когда по приезде из Москвы меня направили на работу в горком комсомола, я очень часто слышал о нем хорошие отзывы. Потом мы познакомились лично: он приехал на

несколько дней из Ташкента, где учился в Высшей партийной школе.

Начиная с 1978 года, когда я стала председателем профкома, а потом, в 1980 году, был организован наш отраслевой обком и до самого 1986 года, пока я не передала профком из-за своей новой работы, Шавкат Таджибаевич, работая в облсовпрофе, всегда был моим искренним наставником.

И самая тяжелая полоса в моей жизни прошла непосредственно перед ним — через его сознание и мысль. Он не изменил своего мнения обо мне и не предал. Не пытался выслужиться через мою беду. Это — истинный рыцарь!

— 19 января 1971 года, за день перед выдвижением меня на должность первого секретаря Ошского горкома комсомола, второй секретарь обкома комсомола Виктор Николаевич Смеюха представил меня Султану Ибраимовичу. Это было так неожиданно (мне сказали за час до встречи), я пытался подготовить ответы на его возможные вопросы. А он познакомился с личным листком и сказал, что Ош — областной центр и вся жизнь области должна ориентироваться на центр. Говорил о том, что не организован досуг, скучно в парках, запущены кинотеатры, растет преступность среди несовершеннолетних — я удивлялся точности его аргументов.

Так хотелось оправдать доверие Султана Ибраимовича. Начали с того, что по средам согласно нашему плану в парках имени Токтогула и Навои ответственная за этот день комсомольская организация вела концерт, демонстрировала продукцию своего предприятия. По местному радио комсомольцы рассказывали о своих делах и передовиках. А дружинники следили за порядком.

Однажды меня пригласил к себе уже новый второй секретарь обкома комсомола Николай Петрович Давыдов и сообщил, что к нам едет второй секретарь ЦК ВЛКСМ Б.Н. Пастухов, о чем он уже доложил Султану Ибраимовичу и Темирбеку Худайбергеновичу. Наутро встретили мы гостя из Москвы и повезли его завтракать — еще не было и восьми часов утра.

Я тоже был не прочь перекусить, тем более, что такие вкусные блюда подавали, но как самый младший я разливал чай, уносил тарелки, только я положил в рот манты, как Пастухов меня о чем-то спросил. Наспех проглотив, даже прослезившись, я пытался отвечать. Каменное лицо Давыдова еще больше отягощало мое состояние. И вдруг все вослед за

Султаном Ибраимовичем громко рассмеялись. Так он мог управлять обстановкой. А я не то что о завтраке и об ужине в те дни не вспоминал...

Последняя моя встреча с Султаном Ибраимовичем была в 1974 году, когда меня направили из высшей партийной школы привезти материал об Оше и области. Группа землячества, где нас, ошан, было 40 человек, крепко-накрепко наказала мне, чтобы наш стенд, посвященный 50-летию республик и компартий, был самым насыщенным и достоверным. Прибыв в Ош, я пошел в обком партии к кому-нибудь из заведующих отделом.

Послышались шаги, и я увидел Султана Ибраимовича. Я опешил от неожиданности. А он оглянулся в мою сторону и обратился по имени: «Шавкат, что ты здесь делаешь в такую рань?» Как загипнотизированный, я подошел к нему, поздоровались, и он повел меня за собой. Хотя у него было много дел, он расспросил о каждом из нас, о жизни в Ташкенте (это ведь и его студенческий город), а потом пригласил Нурию Гапаровну Базарбаеву — заведомо науки и учебных заведений, объяснил суть дела в двух словах. Меня снабдили большим фактическим материалом, и у нас получился большой по объему и содержанию стенд.

На торжества в Ташкент приехала целая делегация во главе с Н.Г.Базарбаевой, артисты кыргызского и узбекского драматических театров, самодеятельные коллективы.

Султан Ибраимович был истинный патриот нашей области, видел нас и за пределами республики и пытался возвысить наш дух, чувство гордости за родину. Именно в такие моменты и становятся патриотами.

МУХИД АБДУРАШИДОВИЧ
ДЖЭЭНБЕКОВ —

работник комитета по экологии,
бывший первый секретарь
Ошского горкома партии

Был выдвинут в 1971 году в возрасте 33 лет Султаном Ибраимовичем из рядовых инженеров заведомо промышленности Ленинского райкома партии. С 1973 по 1978 год был первым замом в областном комитете народного контроля. В 1979 году — председатель Ошского горисполкома. С 1981 по 1983 год — первый секретарь Ошского горкома партии.

Мухид Абдурашидович считает, что за обещания, данные Аблесовым, Кульматовым о квартирах и т.п., кто-то должен был отвечать. В то время, если задавались целью кого-то скрутить — это делалось легко, как в случае с Джээнбековым. Направили на проверку 22 юриста, первую справку, написанную без понятия об истинной цели, «твердолобо», — уничтожили, зато во второй справке «расставили» все точки над i. Джээнбеков, зажатый со всех сторон, только вчера благополучно появившийся на экранах телевизоров и не сходящий со страниц газет, — «пал, оклеветанный молвой» и «слетел» до председателя республиканского комитета профсоюза угольщиков, который потом ликвидировали... Что ж, по нашей пословице, жигит иногда восседает на верблюде, а иногда и пешим ноги исхаживает до дыр. На то и рожден жигитом, чтобы честь и достоинство ни в какой жизненной ситуации не ронять...

— Да, меня почему-то заметил именно Султан Ибраимович. За эти последние десять лет о нем очень часто вспоминал... Не трусость мной двигала, когда вынужден был притихнуть, и не искать истинных виновников. Мной двигала мысль, что мне их метода он не простит. Вот и все...

**МАМАТЕМИН АДИЛОВИЧ
ЭРКЕБАЕВ —**

доцент кафедры философии
и социологии Ошского
государственного университета,
кандидат философских наук, редактор
студенческой общественно-
политической газеты «Нур»

В 1980 году я свою научную работу о национальной политике в республике на современном этапе отправила в обком партии на имя Барпы Рыспаева для оказания содействия в быстром рецензировании. Поощрительную рецензию с небольшими замечаниями я получила от инструктора обкома партии кандидата философских наук М.Эркебаева. Лично познакомилась с ним недавно. Весьма интересный собеседник. Прекрасная память, большой размах деятельности, придирчивая, но справедливая оценка людей, нетерпимость к давлению и диктату, идет на уступки просящему, даже будучи уверенным в неправильности просьбы, не разменивается на низкопробные поступки... Впрочем, как и большинство рожденных в год барса...

— Я изучал и знаю многих исторических деятелей прошлых веков тюркского происхождения. Касаясь кыргызской истории, должен отметить из прошлого столетия Алымбека датку и Курманжан датку.

А в этом веке Личность в общественно-политическом плане, вобравшей в себя мудрость, пророчество, высокий дух и любовь к людям, считаю Султана Ибраимова...

В аппарат Ошского обкома партии я попал неожиданно, до сих пор не знаю, каким образом. Порой случайность определяет всю нашу жизнь.

Я работал преподавателем кафедры философии Кыргосуниверситета, в один из дней моя старшая дочь — перво-

классница Космира (ныне она преподает в технологическом колледже) — безошибочно и точно передала, что меня ждет в Ошском обкоме партии Барпы Рыспаев.

Я собирался по работе в Ошский педагогический институт, а получился такой оборот: я прилетел в Ош 4 ноября 1976 года и успел к 14-00 часам, но Барпы Рыспаевич меня принял в 16-00.

Его беседа со мной — была самая настоящая пытка; я был оскорблен его тоном. Расспросы обо всем, — до рода-племени — вел на какой-то раздраженной ноте. Не знаю, чем это было вызвано...

«Давайте, я уж буду преподавать, в конце концов я не горю особым желанием работать здесь. Вы позвонили — я приехал», — сказал я, выходя из себя. — «Твоя судьба сейчас в руках Султана Ибраимовича, он решит, будешь ты работать здесь или останешься преподавать, — будто сожалея о чем-то, с некоторой досадой сказал Барпы Рыспаевич и повел меня к Султану Ибраимовичу, открыл его кабинет и представил: Вот, Султан Ибраимович, тот жигит, я с ним поговорил, передаю его вам», — произнес он в дверях, выпустил меня, а сам ушел.

После перенесенного потрясения, когда я внутренне сжался весь в сплошной комок, вдруг вижу настоящего кыргызского Бакая ату, от улыбки которого расходятся согревающие лучи... Раньше я слышал от своих родственников, как он впервые на жайлоо Ажике — высокогорном и сильно отдаленном — организовал строительство пяти кошар и сам осенью присутствовал на их сдаче, разрезал ленту, и зимовка скота шла как никогда стабильно. Такие рассказы я слышал от многих своих родственников. Но не думал, что это такой удивительный, сказочный человек с притягивающей внешностью... Не успел я ступить и двух шагов, как он уже успел выйти из-за своего большого стола и пройти через просторный кабинет, подошел ко мне, протягивая руки. Моя ладонь оказалась в его большой ладони, от которой исходило тепло. Сейчас, наверно, сказали бы, что у него были сильно проявляющиеся биотоки.

Когда мы сели, Султан Ибраимович начал расспрашивать о моей семье, работе, словом о жизни. Волшебство его природы состояло в том, что, очарованный его искренностью, собеседник непроизвольно выкладывал то, о чем и не помыслил бы в другой ситуации. Вот я и выложил благодарность жителей Ажике за эти кошары, передал их слова за спокойную зимовку. И увидел, как внутреннее тепло и благодарность разлились по его лицу. Потом я узнал, что он очень дорожил мнением

простых людей. Проводил меня, предупредив, чтобы со следующего утра я выходил на работу. А у меня даже сил не было, чтобы сказать ему: надо поехать домой, рассчитаться — не хотел нарушать возвышенный уровень нашей беседы. Об этом я сказал Барпы Рыспаевичу, который, кстати, стал уже значительно мягче.

Приехав во Фрунзе, встретился с секретарем парткома Жолдошем Жусаевым, избранным сразу после Медеткана Шеримкулова (тогда любое передвижение согласовывали с парткомом). Ж.Жусаев — ныне ректор Кара-Колского университета (бывшего Пржевальского) — один из самых интеллектуальных людей республики — от всей души поддерживал меня, а заведующая кафедрой философии Рахат Ачилова искренне обрадовалась.

Начав работать в обкоме, я пытался почаще видеть и слышать Султана Ибраимовича. Его неторопливая походка, манера здороваться и говорить с людьми, его высокая культура, сдержанность — все было примером для нас. Даже в гневе — не был бестактен. Говорят, он мог вести и крепкие мужские разговоры, но это в присутствии очень узкого круга доверенных лиц. Был очень порядочен в отношении публикаций. Тогда бывало, что написанное инструктором присваивал завотделом, вообще не владеющий техникой и умением, или же секретарь... Даже в этом Султан Ибраимович преподавал хороший урок. Однажды я написал по заданию Барпы Рыспаевича публикацию «Страна «белого золота». Султан Ибраимович заинтересовался автором, а потом вызвал меня и дал один отпечатанный экземпляр, поблагодарив за труд. Когда пришел я в свой кабинет и стал смотреть написанное, то удивился массе поправок. Имея обширные знания и умело апеллируя к фактам и цифрам, которые знал наизусть, он намного улучшил мою статью и совсем не дорожил своим авторством. Об этом знали лишь он и я. По теории я знал, каким должен быть лидер, но Султан Ибраимович был живым воплощением руководителя от Бога...

Один раз, пробыв всю ночь на дежурстве в его приемной (в любое время суток могла понадобиться помощь одному из районов и городов в такой машине, как наша область), утром я умылся и вдруг — в такую немыслимую рань — в дверях появился Султан Ибраимович. Подал мне руку, спросил, действительно ли ночь прошла спокойно, и, прищурившись, сказал: «От твоих родичей поступило анонимное письмо. Ознакомься, оно у Барпы Рыспаевича»...

Я был обескуражен. Передав дежурство, пошел к Барпы

Рыспаевичу. Он меня не принял, и я ушел отдыхать. Через несколько дней узнал, что письмо у Арапбаева — заместителя заведующего Домом политпросвещения.

Мало того, что Барпы Рыспаевичу был дан повод косо смотреть на меня, так еще и Арапбаев считал возможным прочитать мне «мораль». Короче, письмо было написано от имени моих земляков, корявым почерком, явно путающим латынь и кириллицу, в нем говорилось о «сожалении» моих земляков, что такой взяточник и пьяница, как я, оказался среди работников обкома партии. В первый раз поехала комиссия во главе с Арапбаевым — ничего не подтвердилось. Второй раз поехала комиссия во главе с заместителем заведующего сельхозотделом Орозбеком Акимбаевым. Видно, с учетом того, что мы земляки и единокоры и он сможет «учуять» нашу особую специфику, которая недоступна непосвященному лицу.

Встретив меня как-то в коридоре, Орозбек засмеялся: «Что ж вы, ака, свои аппетиты не поумерите? Надо же до такой степени обидеть своих. — А потом: Работайте, ака, спокойно, было большое собрание, ничего не подтвердилось». (Я — на два года старше Орозбека.)

Мне Барпы Рыспаевич посоветовал не ездить в свой аил, а я, наоборот, — стал каждую неделю навещать свою старую мать и родных. Как-то увидел председателя колхоза имени Калинина секретаря парткома и председателя Сары-Булакского сельсовета Ибраима Орозалиевича, попросту Рая аку, и такое волнение — или от обиды, или от благодарности — поднялось в душе. А Рай ака обнял меня и сказал: «Знаем — кто ты и какой...»

После этого я встретился в коридоре с Султаном Ибраимовичем. Он крепко пожал мне руку: я понял, что полностью оправдан в его глазах. Да он и не сомневался, иначе бы не сказал о письме лично, его, видно, интересовало, насколько достойно я себя буду вести в такой ситуации.

В 1978 году я уехал в ВПШ. Весть о его гибели нам передал преподаватель в лекционном зале, выразившая соболезнование всем кыргызстанцам... Если бы знать, что мы так скоро его потеряем... Как много он унес нереализованного и нераскрывшегося...

Величайшая личность 20 века, Султан Ибраимович и сегодня, благодаря своему неповторимому разуму и предвидению, многое мог бы дать нашему обществу, чтобы люди не терпели такого унижения. Молодое поколение должно знать о нем... Вот в этом номере газеты «Нур» будет размещен материал «Воспоминания о Султани Ибраимове»...

ОСМОНКУЛ КУТМАНОВ —

бывший первый заместитель акима
Жалал-Абадской области,
кандидат экономических наук

Познакомились осенью 1991 года, когда я по предложению работника Аппарата Президента Бекболота Талгарбекова дала согласие на вхождение в оргкомитет Крестьянской партии. Нас было 16 человек, я — единственная женщина. 8 декабря того же года была учредительная конференция Крестьянской партии. Самолетов не было. Группа из Наукатского района, рискнувшая поехать на машине, вынуждена была вернуться с перевала. Я добиралась на автобусах, с пересадками, через Ташкент и Джамбул.

Я никогда не предавала Компартию, хотя не ела партийный хлеб и не растила детей на ее деньги, не ездила на ее транспорте, но считала нормой альтернативность и соперничество политических партий.

Талгарбеков понравился мне убежденностью, вскоре он был выдвинут первым заместителем министра сельского хозяйства — хотелось поддержать его инициативу.

Заведующий отделом колхозов Осмонкул Кутманович стал секретарем республиканского оргкомитета.

В январе 1992 года с помощью областного управления сельского хозяйства я провела нашумевшую конференцию. Явившийся на нее заведующий сельхозотделом облсовета Курманалиев, воссев в президиуме, очень хотел подбить участников конференции на прямое избрание лидера Крестьянской партии. Впервые в жизни я увидела такого бестактного карьериста — бьющего себя в грудь кандидата

наук, явно ищущего открытого конфликта со мной. Он говорил, что лидером должен быть мужчина.

Я не опускалась до его уровня, потому что слишком дорожила своим трехмесячным трудом и мнением присутствующих людей, которые, оставив все дела, приехали и из дальних районов.

Благо, нашелся истинный мужчина и лидер — Курманбек Адиев, который осадил Курманалиева, сказав, что есть женщины, с которыми не смеет тягаться истинный мужчина... Оргкомитет поддержал нас, и мы трое (Курманалиев — тоже) стали сопредседателями. Я и Адиев работали: люди вступали в Крестьянскую партию. Я изучила узгенский конфликт на Чымбайском участке, и приехавшая впоследствии комиссия во главе с Талгарбековым работала гораздо спокойнее, чем предполагали.

В Ляйлякском и Баткенском районах, за которыми меня закрепил оргкомитет, я провела вместе с председателями крестьянских союзов и с поддержкой райсоветов (зам. председателя Дастана Бердиева в Ляйляке и председателя Баткенского Курсаналы Турмаматова, а впоследствии и акимов Рустама Анарботоева и Равшана Камчыбекова) работу в нужном направлении.

О чем и доложила Осмону аке Кутманову, заодно спросила: не с его ли легкой руки так беззастенчиво уселся Курманалиев в президиуме, где он не имел права сидеть...

Я откровенно выложила ему, что подумала на него: видно, в последний момент сработала в нем порочная струнка землячества — ведь Курманалиев его земляк...

Я вовсе не стремлюсь к лидерству, у меня и времени не хватит, но не хотелось подводить Талгарбекова.

Осмон ака Кутманов, как говорится, даже задохнулся от неожиданности, но, поняв мое состояние (людей моего склада никогда не покоряют жизненные встряски, а рядовая невоспитанность и беспардонность надолго выводят из строя), сказал: «Успокойтесь. Я его не видел». Многие бы я отдала, чтобы забрать свои слова назад...

У Осмона аки Кутманова, который понимал, что селу нужна помощь на деле и принял со своей стороны определенные практические меры для ускорения съезда, вскоре началась подготовка к защите диссертации, и его назначили первым заместителем акима Жалал-Абадской области.

— Мне было 25 лет, и работал я главным бухгалтером колхоза имени Ленина, когда впервые увидел Султана Ибраимовича у нас. Это было в 1968 году.

Думаю, что у всех, кто имел возможность быть с ним рядом и говорить, появлялось впечатление того, что это нечто большее и высшее, нежели привычный круг общения.

И в карьеризме ничего зазорного нет, если это желание, обладая властью, — оставить достойный след на земле, а не эгоистичное тщеславие — полюбоваться собой на фоне людей. Султан Ибраимов очень хорошо умел использовать порывы молодости. В это время человек еще свободен от заботы о каких-то материальных благах и самой жизни. Кажется, что впереди вечность...

И очень большая разница, если наделяют властью того, у кого впереди — пенсия, или же того, у кого впереди — карьера. Благодаря ему — так уж вышло — я вскоре стал начальником планового отдела, потом райгосинспектором, потом начальником райсельхозуправления. Работал с Э.З.Алиевым. Затем учился в ВПШ, после которой опять пришлось работать в хозяйстве — возглавил совхоз «Кызыл-Туу». В это время Алиев был переведен в Сузак, чуть попозже из области уехал Султан Ибраимович, и все мои помыслы повисли в воздухе...

Пока человек молод, горит желанием перевернуть горы, если слова его не расходятся с делами, наделен природным талантом (а этого нельзя не почувствовать сразу), не надо связывать, надо способствовать полному его размаху.

Это я вынес из нечастого, но очень важного для меня общения с большим человеком и руководителем Султаном Ибраимовичем.

ЭРКИН ЭРГЕШЕВИЧ
АЛИЕВ —

председатель комитета
по охране природы
Жалал-Абадской области

Сын славного отца — первого генерала милиции Эргеша Алиева.

В 1966 году, живя в Узгене по соседству с его старшей сестрой, мы, подростки, прослышали, что приехал младший брат Адалат эже из Алжира. И всё ждали, когда же они выйдут. Такие же они люди, как мы, или нет. Увидели: такие же, только чрезмерно белые.

Как-то потом их сестра у нас дома рассказывала, что в Алжире умер их ребенок и разрешение похоронить ребенка в их земле местные власти дали только тогда, когда из Ташкента получили подтверждение, что они — киргизы-мусульмане.

Что-то случилось тогда в моей детской душе — я выросла домоседкой. Выезд в командировку, другие поездки — для меня болезненны. Во времена отпусков занимаюсь ремонтом дома или бесконечными приемами гостей; только раз мне пришлось уехать в Литву, в Нерингу, потому что меня попросту «выгнали» из города...

В 1976 году мы переехали в Жалал-Абад, да так и остались там жить. Поневоле приходилось слышать о методах работы Алиева из находившегося рядом Сузакского района.

Раз едем в Ош, видим на границе Беговата и Советабата (Кыргызстана и Узбекистана), по правую руку, что-то монтируют. Через некоторое время мы все имели удовольствие созерцать пушкинскую Голову, с которой боролся Руслан, только в киргизском колпаке — и все сделано из камня, вплоть до многочисленных волн в бороде, пышно «рассте-

ленной» по земле. Это была остановка, через «уши» в сквозном варианте могли проходить люди. Каменное лицо представляло разгневанного монголоида.

Сейчас «уши» заколотили, бороду срубили, а физиономию замазали. Получился высокий цилиндр под белокаменным колпаком...

— С благословения Султана Ибраимовича я начал работать в области. С 1 января 1969 года был назначен начальником Араванского райсельхозуправления. Моя работа началась с освоения земель целинного совхоза «Пахтачи». Первым секретарем был Мухтар Исакулов. В 1970 году в Сузаке умер начальник райсельхозуправления Карп Григорьевич Тихонов и меня назначили на его должность. По служебной лесенке двигался я очень быстро: за короткий срок поработал и начальником райсельхозуправления, и вторым секретарем Сузакского райкома, и заведующим сельхозотделом обкома. А в 1971 году, когда были наказаны секретари Жанги-Жольского райкома партии Жангазиев и Суеркулов, райком фактически был парализован, Султан Ибраимович направил туда меня в это тяжелое время. Пленум проводили очень осторожно. Когда я уже был избран, мы вышли проводить Султана Ибраимовича, лично участвовавшего в работе пленума.

Около машины он обнял меня и похлопал по плечу. С одной стороны, он давал знать, что верит в меня, а с другой стороны, говорил присутствующим, среди которых были один-два безнравственных человека, что шантажировать и травить он не даст.

Была одна его фраза, глубоко запавшая в душу: «Нельзя, чтобы жена и дети видели твоё падение, видели твою беспомощность...»

Всюду, где были хорошие люди и достойные дела, он оставлял частичку своего щедрого сердца. Самое главное в стиле его работы было то, что он сначала должен был убедиться в целесообразности исполнения того или иного предложения, тогда он сам загорался и других начинал торопить в осуществлении идеи. Так было со строительством аэропорта в Караване.

Как было раньше? Человек сутки едет в Ош, сутки стоит за билетами, а то и двое, а потом — летная или нелетная погода. Мою идею о строительстве аэропорта поддержали в обкоме и в Госплане, поддержал Суюмбаев, а потом и Усубалиев. За один сезон (май — сентябрь) мы сделали посадочную площадку для «ЯК-40». Сначала была грунтовая полоса, через

год заасфальтировали. И стали летать в столицу люди из Чаткала, Намангана, Ала-Буки... Из-за климатических особенностей нелетной погоды — тумана — практически не бывает.

Друзей у него было несчетное множество. Во все республики едешь от его имени — и все вопросы решаешь...

Однажды ехали мы по дороге в совхоз «Сузак», на дороге выжили «полуголые» общипанные куры — там была небольшая ферма. «Вот бы построить бройлерную фабрику», — вырвалось у меня.

Султан Ибраимович и поймал на слове: «А построишь? Даю десять дней на размышление».

Я пожимал о сказанном, но деваться было некуда. Узнал, что в Ташкенте есть один сильный специалист-птицевод, кореец. Пригласили, показали, попросили — и за неделю были готовы расчеты на строительство бройлерной фабрики вместимостью 50 тысяч голов птицы. Заместитель председателя облисполкома, ученый Абдрай Каниметович Каниметов, ныне покойный, был большим специалистом по птицам, он — автор породы «кыргызская серая». Завершили сдачу бройлерной фабрики в 1978 году, а первым директором был Шевчик. Евреи знают толк в птице...

Как мы жили и во что верили? Не задавали пустых вопросов, а работали. Каналы, дороги к населенным пунктам и сенокосные дороги — нет необходимости перечислять названия местностей по всей области — надо писать отдельную книгу. Афлатун — Турпак-Бель — Боз-Бата — Ринжит — это путь только одного канала. Для подтверждения вышесказанных слов.

Очень был неплохой призыв: «Освоим Чаткал — житницу и будущее юга Киргизии!» — и осваивали. Откликаясь на убедительные просьбы, везли технику, продукты питания...

Как я сошел с политической арены? Вновь организованная Таласская область была серьезным испытанием для всех нас. Караке Абдраев (светлая личность!) — был первым секретарем обкома партии, а я — председателем облисполкома. Вторым секретарем обкома был Виктор Дмитриевич Бойко.

Как положено, разделением, утверждением фондов и лишитов на материальные ценности занимался облисполком. А Бойко хотел решать по-своему. Я не давал. Ведь за моей спиной была огромная школа. Он напрямую вышел на орготдел ЦК КПСС — это им разрешалось: по всем вопросам вторые секретари выходили на орготдел, Москву. До больших конфликтов не дошло — область ликвидировали.

Я начал работать председателем Ошского облсовпрофа, за день до оргконференции в 1985 году меня разыскал Маса-

лиев и сказал, что из Москвы приехал инспектор по проверке жалобы и второй секретарь ЦК компартии Г.Н.Киселев уже заранее объявил, что рекомендовать меня на председателя облсовпрофа не будут. Чего они и добивались. А когда я был полностью оправдан — не подтвердилось ничего из написанного, — «поезд уже ушел». Полтора года работал в лесхозе — подальше от нежалюющих глаз и неприветливых лиц. А потом отыскали, направили в Узген. За год не было ни одного происшествия...

На узгенской земле были давние сложившиеся отношения. Собирали аксакалов, поощряли молодых лидеров; не давали бездельничать и собираться группами. Из современных лидеров уважаю Апаса Жумагуловича — велика его заслуга в стабилизации положения.

В сравнении с нашими трагедиями, которые от амбициозности, от лицемерия, — потеря Султана Ибраимовича и тогдашняя трагедия двух братских народов — это как раз то, во время чего и происходит переоценка ценностей...

Мне только жаль, что под «эгидой» перестройки срезали крылья многим орлам нашей земли; их стремление к простору, воля и дух остались невостребованными и нереализованными...

МАЛАБАЙ ЖУНУСАЛИЕВ —

бывший председатель
Крестьянского союза
Жалал-Абадской области

Все 13 лет работы на Жалал-Абадском молочном комбинате так или иначе я соприкасалась с аксакалом. Переводили на «прямые связи» поставку молока из колхоза

имени Ленина, где председательствовал он — человек, укротивший свою судьбу...

— В 1961 году из Базар-Курганского района, где был первым секретарем, я был переведен председателем Фрунзенского горисполкома.

В этом же году Султан Ибраимович — второй секретарь Аламединского райкома партии — был переведен министром мелиорации и водного хозяйства. В то время в Аламедине первым был Петр Михайлович Ходос, а по истечении лет, в Ошском обкоме партии, их роли менялись.

В сентябре 1961 года, выступая на съезде, Т. Усубалиев назвал наши фамилии в числе выдвинутых молодых кадров. Через два года Султан Ибраимович стал секретарем ЦК Компартии, я — заведующим отделом административных, плановых, финансовых и торговых органов. В 1968 году Султан уехал в Ошский обком, я — в Тюпский район, первым секретарем, а в 1970 году — первым секретарем Нарынского обкома.

Кроме того, что он был неповторимым человеком и руководителем, он был неповторим и в бытовом общении. Если хочешь досконально узнать человека, побывай с ним в неофициальной обстановке. Вместе летали в Москву на пленумы ЦК и съезды КПСС, жили вместе в гостиницах.

В 1976 году я его убедил, что нужно ускорить строительство дороги Базар-Курган — Уч-Терек через Кызыл-Ункур, так дорога сокращалась почти на сто километров — еще в прошлом веке здесь была пешеходная тропа. Пройдя этот путь верхом на лошади, Султан удостоверился. Начали ее строить, но через полтора года он уехал во Фрунзе, а потом его не стало...

Много он открыл профтехучилищ, считал, что трудовые резервы должны быть качественными и грамотными. Он как будто тягася с каким-то другим миром, контуры которого мы лишь сейчас стали слабо различать.

Я счастлива тем, что был одним из самых близких его современников и соратников. Это был настоящий эгоист — в любви к родине, к народу, к друзьям и семье. Он не стеснялся проявлять свою любовь и уважение к жене. Рева — очень умная и передовая женщина. Я преклоняюсь перед тем, как она несет свое великое горе и утрату. Все эти двенадцать лет.

А моя боль — она неутолима, хотя и глубоко закрыта. Хорошо, что вы дали возможность это высказать: так долго мы шли по одному пути...

БАЗАРКУЛ АСАНБЕКОВ —

руководитель пресс-центра
Жалал-Абадской областной
государственной администрации

— Летом 1968 года из-за повторяющихся частых головных болей я пошел к врачу на прием... Сжав виски, я смотрел в пол, когда мимо прошли медсестра и мужчина — неторопливыми шагами. Я поднял голову, и увидел Султана Ибраимовича. Медсестра даже не подозревала, кто перед ней — это было видно по ее привычному к таким обстоятельствам облику. Было ясно, что в его здоровье есть серьезные отступления от нормы, поэтому медсестра вне очереди завела его к врачу. Потом я, ради интереса, выяснил (все-таки я журналист, хотя и работал в обкоме комсомола): Султану Ибраимовичу стало плохо на работе, и его привезли на дежурной машине. Он записался в регистратуре, ему измерили температуру и давление — по обоим показателям он был болен, медсестра быстро повела его к врачу. Пока медсестра была в кабинете, Султан Ибраимович ждал ее, стоял вместе со всеми в тесном, узком коридоре. Тогда я запомнил номер машины — дежурной обкомовской «Волги» — 00-16. Никто его не сопровождал. Конечно, если бы он подкатил на сверкающей служебной — могли бы что-либо заподозрить...

Сейчас многие стараются внешне быть простыми и доступными, хотя внутренне от этого устают и страдают, но у Султана Ибраимовича такова была природная суть. Помню, на комсомольских активах он никогда не навязывал нам своих взглядов, не пытался подчеркнуть своего превосходства, а то, что в первое время говорил по бумаге, — это, я считаю, из уважения к написавшим, которые пока что лучше его знали обстановку, а он разделял их мнение. Область изучал основательно, приглядываясь и взвешивая.

И что еще нам импонировало в нем тогда — мы его почти всегда видели в аккуратном ухоженном темном костюме (из стопроцентной шерсти, китайского производства). И, вопреки тогдашней моде, он носил калпак.

Никогда не нарушал принятых устоев. Однажды было собрание с участием большого числа журналистов. В таких случаях он никогда не отделялся за отдельный дастаркон, садился вместе со всеми присутствующими. И выпивал рюмку-другую.

Некоторые организационные заминки будто и не замечал, за что ему были всегда благодарны организаторы...

Как-то раз я возвращался из Фрунзе, и меня не устраивал час вылета. В надежде, что смогу вылететь раньше, приехал в аэропорт. Солнце только всходило. И в такую рань рядом прошли два изрядно выпивших человека с очень знакомыми лицами. Я их узнал — это были довольно высокопоставленные люди. Вдруг в сопровождении своего девера — доцента нашего университета Найманбаева — появился Султан Ибраимович. Мне стало тревожно за тех двоих. Потом я понял, что Султан Ибраимович узнал их издали; походка, поведение — все выдавало их состояние. Узнал давно, поэтому усердно пытался не смотреть в их сторону, спокойно беседуя со своим спутником. А нет! Им же надо обязательно засвидетельствовать свое почтение Султану Ибраимовичу — подошли, пошатались. У меня душа ушла в пятки. А взгляд первого в этот миг был совершенно естествен — без злых огоньков в глазах, без затаенного предупреждения о расправе. Я был убежден, что сразу после приезда область расстанется с двумя деятелями, но такого не случилось. Это был великий, но земной человек...

По мере выхода газетных публикаций о Султани Ибраимовиче я слышала отклики по телефону и при встречах.

Валентина Прокофьевна Дергаусова — бывший второй секретарь Ошского горкома партии — вспомнила случай, когда она заболела, но не могла остаться дома из-за сдачи музея, Султан Ибраимович сказал: «Музей есть, а главное — твое здоровье и твои дети, понимаешь...»

А речь шла о том музее и пещере, которые, вместе с одной грузинской, вошли в Международную ассоциацию шоу-пещер со штаб-квартирой в Италии. Однако плачевное существование пещерного комплекса, как и всего Ошского объединенного историко-культурного музея-заповедника в условиях рынка, не оставляет даже мысли, что можно

воспользоваться самим фактом такого престижного вхождения.

Думаю, что сердца истинных поклонников рыцарских поступков подскажут им о необходимости спасения уникального творения в сердце священной горы, чему в свое время способствовали многие и многое, в том числе фантазия Рысбая Додуева, неустанный труд Валентины Прокофьевны Дергаусовой и мощная поддержка Султана Ибраимова...

САДЫРБЕК КАМЧЫБЕКОВ —

полковник милиции, начальник
9-го отдела УВД Ошской области

В октябре 1987 года Садырбек Камчыбеков, будучи заместителем начальника УВД по политической работе, во время отпуска отдыхал на курорте «Жалал-Абад» и оказался в одном номере с одним из достопочтенных людей нашей республики, которого мы пригласили к нам в гости. Как у нас принято, если зовут, то обязательно с соседом, отдыхающим рядом.

Все было нормально до тех пор, пока я не возымела неосторожность сказать: как бы политически ни воспитывали милиционеров — это еще со времен старой полиции заведено и не скоро переведется — с их легкой руки процветают спекуляция и другая преступность. Подкуп страшный. И привела пример, что козлу доверяют капусту, когда пользуются услугами вневедомственной охраны,

только по их вине у нас в тюрьму попали 7 человек. Были бы неподкупны — этого бы не случилось, а то ловят за бутылку молока или банку сметаны, а сами способствуют вывозу в тоннах...

Лицо Садырбека аки изменилось — стало каменным.

— Вы говорите про какие-то частности, а знаете, сколько работников милиции погибли, защищая ваше спокойствие... Если бы у них был транспорт, если бы у них была полная материальная независимость — может, и не было среди них паршивых овец, которые ради дармовой жратвы идут против совести и закона...

Муж осуждающе поглядывал в мою сторону, а великий научный босс, ныне академик, старался заглазить мою неловкость как хозяйки дома...

Я лишь произнесла:

— Дай Бог, чтобы вас никогда не предали из вашего ближнего окружения, позарившись на пост или какой-нибудь большой кусок. Я хочу, чтобы вы остались таким...

Через несколько месяцев по всей области разнеслась весть о том, как усердно помогал «скрутить» Камчыбекова его самый доверенный сотрудник...

Это произошло в Баткене. Уму непостижима дикость этой задумки. Садырбек ака продолжает работать и, как все гордые и сильные духом люди, не придает большого значения мрази, не повышая ее рейтинга. А пережито немало. Он поседел и стал еще более неразговорчивым...

Камчыбеков близок к истинным демократам. Чрезмерно скрупулезен в работе, но специфика его отдела такова, что там не может быть места спокойствию и удовлетворению... А в том, что жизнь Садырбека аки с 1974 года пошла совсем неожиданным путем, сыграла свою роль встреча с Султаном Ибраимовичем.

— С 1965 по 1974 год после окончания Фрунзенского политехнического института я спокойно работал на Жалал-Абадском заводе штепсельных разъемов инженером-конструктором, потом — начальником конструкторского бюро. Хотя я возглавлял цеховую парторганизацию, был депутатом городского Совета, однако для меня — сухого немногословного инженера, у которого самое высшее красноречие могли вызвать испытание технологии, оснастки, станков и оборудования (на выпуск новой продукции, испытание разработанных им серий штампов, — было неожиданным предложение возглавить промышленно-транспортный отдел горкома партии. Я

колебался — партийную работу представлял в общих чертах, но тогда не имели права отказываться.

Итак, в рабочей одежде прямо из штамповочного цеха, я поехал в обком партии, где ходил из кабинета в кабинет — проходил собеседование.

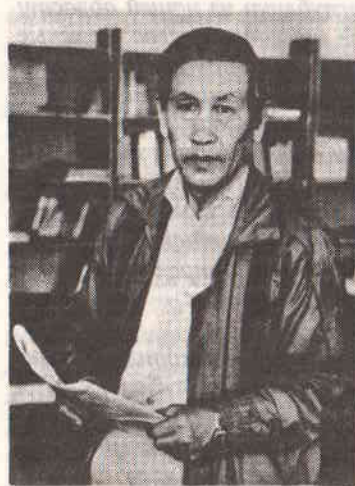
Потом пришли в приемную первого секретаря. Зайдя в кабинет, я увидел крепкого улыбающегося человека, который шел мне навстречу. Поздоровались, сели. Загипнотизированный его обаянием, я откровенно ему сказал о своем понимании партийной работы. Меня окончательно подкупила неповторимая манера поведения этого человека: он называл меня по имени и вместе с сердечностью передавал мне свою убежденность и преданность делу.

Через два года, в 1976 году, меня направили освобожденным секретарем парторганизации Майли-Сайского электролампового завода. Его беседа со мной была решающей, и хотя семья была против, я поехал.

Через два месяца, уже в новом 1977 году, был областной актив в Кыргызском драмтеатре. В этот январский день шел обильный снегопад. Актив длился долго, после его окончания я стал искать машину на стоянке, — чтобы скорее добраться домой в такую погоду. Вдруг кто-то взял меня под руку. Оглянувшись, увидел улыбающегося Султана Ибраимовича.

«Как работает тебе, Садырбек, нет ли трудностей?» — спросил он, и неприветливый вечер будто согрелся от его отцовского тепла. Так и шли мы нешком до самого обкома партии, где попрощались.

Такого человека забыть нельзя. Благодарю судьбу, что я с ним встретился!

КАРЫМШАК ТАШБАЕВ —

поэт, ответственный секретарь
Ошского отделения Союза писателей

Знаю давно, сначала по книгам, потом как наставника.

Но в 1988 году узнала доподлинно: он бесстрашно давал оправдывающую меня информацию во все инстанции. Большой поэт с внутренним богатством мышления Карымшак ака был небросок и малоразговорчив, но, оказывается, имел сердце Льва и душу Титана.

Прошумели грозы, ушли ураганы — остались посевы добра и благодарности.

Карымшак ака очистил мою жизнь от наносов клеветы и позора...И Я ЖИВУ!

Карымшак ака редактировал мою книжку стихов.

Карымшак ака — один-единственный в Оше — первым знакомится со всеми моими публикациями. Он поддерживает все мои письма Аскару Акаеву. Он понимает, как и я, что ЗЕМЛЮ НЕЛЬЗЯ ПРОДАВАТЬ! Предприятия-гиганты должны оставаться в собственности государства — должна же быть его экономическая подпитка. Таможни — это фикция. Как вывозили — так и вывозят, только кормушкой кое для кого стали. Надо их убрать и дать свободу предпринимателям. Экономически единое пространство надо восстановить...

— К судьбам ошских писателей Султан Ибраимович относился с живой заинтересованностью. Задачи областной писательской организации изложил мне настолько подробно, что я удивился его знаниям и пониманию этой работы. Дал напутствие поддерживать молодые кадры...

Принятие в Союз писателей республики из нашей области было делом непростым. Из Фрунзе приходили всевозможные отписки. Издание книги было делом архитрудным. В трех случаях помог Султан Ибраимович, когда издали книги наших писателей, и они были приняты в члены Союза.

Со своей стороны мы принимали довольно серьезные меры, но их напрочь отменяли в республике. И получалось так, что талантливые люди до сорока лет значились в молодых писателях и поэтах. Я знал о чрезмерной занятости Султана Ибраимовича, поэтому обращаться больше трех случаев — не поднималась рука, затем он уехал. А потом — мы его потеряли.

Тот ущерб писательскому коллективу мы хотим сегодня возместить с помощью малого предприятия «Жазуучу». А ведь уже тогда Султан Ибраимович пытался поддержать «самиздат». Он глядел как минимум лет на пятнадцать вперед...

АДЫЛЖАН АБИДОВ —

бывший главный редактор газеты на узбекском языке «Уш Садоси», президент Национального узбекского культурного центра

Ветеран прессы. Совершил хадж в Мекку. Интереснейшие его рассказы опубликованы во многих областных газетах. Талантливый журналист и добрый человек...

— Когда мой дядя Исмадулло Мамажанов (сейчас ему 92 года) работал в Токмаке на партийной работе, они жили по

соседству с семьей Султана Ибраимовича. Я был тогда молод, но встречи там, в Токмаке, запомнил.

Когда Султан Ибраимович стал работать здесь, мой дядя работал в Ляйляке, через некоторое время он ушел на пенсию. Ибраимов всегда навещал его, называл «аба».

Работой нашей газеты интересовался постоянно, сам неоднократно встречался с коллективом. Он обладал не только читательской культурой, но и завидным стремлением к совершенствованию техники писания. Это я выяснил, когда он попросил меня посмотреть некоторые главы своей книги.

...Однажды мы отдыхали вместе, а потом каждый поехал по своему маршруту. Через некоторое время приезжаю домой, а там меня благодарят за подарки и гостинцы, которые я, якобы, передал через Султана Ибраимовича... Молчу. Он-то понимал, что семья, прослышав о его приезде, непременно будет ждать и меня... Настрой, особенно у детей в такое время — болеют нетерпением. Я об этом не подумал, а Султан Ибраимович решил скрасить им долгое ожидание встречи со мной — отцом и мужем...

БЕГИМКУЛ ТОРОГЕЛДИЕВ —

бывший председатель колхоза «Отуз-Адыр» Кара-Суйского района, бывший первый секретарь Ала-Букинского, Ак-Талинского и Ленинского районов

В то время, когда правили династии или процветало клановое руководство, Султан Ибраимович искал и находил новые фамилии... И вправду, талантливых сыновей и

дочерей могла рожать любая женщина, независимо от того, где она жила и были ли в роду первые секретари...

В ряду людей с известными фамилиями, которым через несколько месяцев после института была уже готова изученная лесенка: комсомол — партийный инструктор, партийная школа — инструктор обкома партии — второй секретарь — заведомо или его заместитель, — а дальше большая взлетная полоса для карьеры, — фамилии Торогоелдиева, Зулпуева, Исанова звучали как укор. Последние в жизни всего добивались сами...

За один 1991 год в совхозе «Отуз-Адыр» были три ревизии. Когда слушали представителей ДДК, мне казалось, что это не тот Торогоелдиев, которого я знаю с 1975 года. Когда читала письма с жалобами на него, то поражалась изложенным в них обвинениям.

Удивительное спокойствие, стремление прийти к компромиссу (выделение помещения для членов ДДК, предъявление по первому требованию ревизоров всей необходимой документации — это я знаю со слов ревизора, приехавшего в феврале 1992 года, с которым беседовала) лишь усилили желание быть объективной к обеим сторонам. Сейчас совхоз стал колхозом.

Нравится мне одна струнка Бегимкула аки — любит он потягаться с сегодняшними проблемами. Глубоко зная природу людей, прошлого никому не поминает. Прежде всего интересы дела. Ни одного слова охаивания своих оппонентов, ни одного слова в свое оправдание...

Передо мной разложил два десятка фотографий, на которых в различном окружении запечатлен Султан Ибраимов. Мы с удовольствием рассмотрели их. Вот редкие снимки, где на фоне местного актива, рядом с Султаном Ибраимовым — Председатель Совмина Акматбек Суттубаевич Суюмбаев — «Чаткальская эпопея»...

— Сколько бы я ни говорил о Султани Ибраимовиче — все равно будет мало. Его целеустремленность, способность предвидеть предельные возможности своих кадров особо проявились при освоении Чаткальской долины. Взаимовыручка тогда была развита на совесть. Вся область была единым организмом. Он не был великим оратором, владеющим даром зажигательной, эмоциональной речи, он покорила умом и убежденностью.

В конце ноября 1980 года я с семьей отдыхал в пансионате Совмина в Чолпон-Ате и прослышал, что он приедет туда 2

декабря. Работал я тогда в Ак-Талинском райкоме партии. Но из-за республиканского собрания картофелеводов Султан Ибраимович приехал уже часов в восемь вечера. Об этом мне позвонил вахтер по моей просьбе. Я думал, что смогу из краткого времени его отдыха улучшить несколько минут для важного вопроса, но было так поздно и я не имел права беспокоить его, такого усталого.

Если бы я тогда нарушил правила приличия, может, и помешал бы планам убийц, но... Где-то часа в два ночи начались суета и беготня меж корпусами. Удивительно, что в их корпусе не было никого из медперсонала, и Рева Касымовна, плача, спрашивала врача в соседнем. Думал ли я, что буду вторым человеком, увидевшим его неживым...

Когда Рева Касымовна услышала возню и вышла из своей комнаты, то увидела сидящего в кресле мужчину, хладнокровно листавшего „Чалкан“. У него был небольшой обрез... Рева Касымовна спросила, почему он здесь, он ответил, что хочет попросить Юру отвезти его во Фрунзе. Она сказала, что об этом надо попросить самого Юру... На лице у него было что-то наподобие улыбки.

Рева Касымовна тихонько вошла в соседнюю комнату и начала шептать: „Султан, там кто-то чужой“. Ответила тишина. Когда она включила свет, то увидела струйку крови изо рта и пулевое ранение. Рева Касымовна побежала вниз, к водителю. Юра был немцем — работали вместе с первых дней. Юра лежал навзничь — ранение в затылок.

До сих пор не могу с этим смириться...

„Скорая“ была такой грязной и настолько маленькой. Накрыли тело простыней — ноги остались неприкрыты. Он ведь был здорового и крепкого телосложения.

Прилетели Габидуллин, Тургунбаев, Ходос, Фомиченко. Начали летать вертолеты, забегали солдаты с собаками — идут до самого забора, а дальше след не берут.

Любил он смелость и риск. Пытался основательно во всем разобраться. Он очень близок был к цели: шел молча по следу. В это время преступники готовились к отпору. И опередили они его, может, на день-два. Жаль...

БЕКТЕМИР МУРЗУБАЙМОВ —

декан биогеографического факультета
Ошского государственного
университета, профессор, доктор
химических наук

Этому человеку я посвятила рассказ «Я Вас благодарю...», вошедший в мою первую книжку.

— Уже в 1965 году среди нас, молодых ученых, имя Султана Ибраимовича — секретаря ЦК Компартии — звучало в самом позитивном смысле. Тогда о нем говорили как об очень человечном и просвещенном, а сейчас его называли бы подлинным демократом и образованным человеком. С 1970 года я узнал его очень близко. Мне шел 31-й год, неожиданно я был рекомендован проректором отделения заочного обучения Ошского пединститута. Как это стало возможно? Конечно, я был кандидатом наук, но этого было очень мало...

Оказывается, Султан Ибраимович практиковал очень своеобразную систему: поиск и изучение кадров. Будучи на моей родине среди заготовителей сена — косарей и стоговщиков, — он расспросил, какие ученые, поэты, писатели — выходцы из этих краев — живут за пределами района, области. В числе многих была названа и моя фамилия. Он также заинтересовался: какова степень нашего общения и вклада в развитие своей земли.

И неудивительно, что неожиданные фамилии начинали звучать среди лиц различного руководящего уровня: Султан Ибраимович их выдвигал, основываясь на народном мнении.

Очень своеобразно озадачивал он и нас. При беседе со мной сказал, что мы — молодые кадры, обязанные своей земле тем, что достигнуто, обязаны влиять и на культуру, гигиену села. И привел в пример, тот факт, что в нашем селе буквально

всех животных скосила сибирская язва. Это непростительно, нужно принять все меры по блокаде и профилактике таких заболеваний. Образованный человек, — говорил он, — должен знать обо всем, иначе...

Я стал тщательно изучать все возможные заболевания сельскохозяйственных животных, поехал в свое село и постарался ненавязчиво провести беседу на эту тему.

Султан Ибраимович так мог поднять дух и внушить веру в неповторимость того или другого человека, пусть это будет токарь, поливальщик или учитель. Как это важно для человека! Он не искал дешевого авторитета — ему было не занимать подлинного. Исходило это из глубокого понимания, что творцом и создателем общества является каждый отдельно взятый человек, а не размытое понятие «народ».

В 1971 году мой отец оказался в больнице, и мы случайно встретились у ворот с Султаном Ибраимовичем, которого сопровождали несколько незнакомцев. Он очень приветливо поздоровался со мной, расспросил о житье-бытье, представив меня незнакомцам как самого молодого проректора, попросил главного врача поспособствовать скорейшему выздоровлению моего отца, чтобы я — без переживаний — трудился с большей отдачей. Один из незнакомцев оказался тогдашним министром здравоохранения республики Петросянцем.

Спрашивается, кто был я для первого секретаря обкома? Один из тысяч, но он так меня вдохновил и окрылил! Его слова обладали особо подкупающей силой, ибо он не знал прищипывания — никогда и ни с кем. Лишь позднее я понял, что Султан Ибраимович так дорожил и берег тех, кого особо выделяли рядовые люди.

Таких руководителей я больше не видел. Бывали случаи, когда секретарю обкома по идеологии трудно было ответить на приветствие, а Султан Ибраимович сам первым протягивал руку для пожатия.

Незабываемый след оставила еще одна встреча — с ректором Бауманского высшего технического училища академиком Николаевым, когда он приезжал, кажется в 1972 году, дать оценку Нарынской ГЭС... После разговора на активе области академик сказал: «Султан Ибраимович — великий человек, государственный деятель союзного масштаба. Я много их видел, но такого человеческого, организованного и перспективного — не встречал. Вы счастливы, ошане, потому что живете и работаете в одном городе с ним...»

Это — объективная оценка Султана Ибраимова, и она не устареет никогда.

МАТЕН СЫДЫКОВ —

ветеран труда, советский
и партийный работник

Один из волевых деятелей партийной номенклатуры, человек с железной логикой, все подчиняющий интересам дела. С первого взгляда — колочий, изучающий, но зато удивительно обаятельный, когда улыбается... Вообще трудно найти однозначную оценку первых секретарей, я исхожу из того следа, что они оставили на нашей земле.

— В 1968 году, через 2—3 месяца, после избрания, Султан Ибраимович приехал к нам в Токтогул, где я был первым секретарем. Запомнился он мне терпимостью, невиданной терпеливостью и высоким организаторским талантом. В то время разворачивалось строительство Токтогульской ГЭС. В связи с предстоящим затоплением надо было эвакуировать 13 ашлов, населенных пунктов, включая райцентр, где проживало 30 тысяч населения. Кроме того, нас ведь никто не освобождал от выполнения пятилетнего народнохозяйственного плана по сдаче мяса, молока, шерсти. В районе было 23 тысячи голов крупного рогатого скота, 10200 лошадей, 28700 овец. Одним словом, хозяйства нашего района стояли перед длительным крупным испытанием, и в помощи, поддержке обкома, ЦК мы нуждались как никогда.

Следует отметить, что именно Султан Ибраимович ускорил решение вопроса об эвакуации населения. С такой мощью заработали организационные структуры, принимались все новые и новые меры, проводились партийно-хозяйственные активы, изучались мнения десятков специалистов и аксакалов. Была заслушана и моя информация. Турдакун Усубалиевич на-

правил в Токтогул представителей 29 министерств и ведомств во главе с заместителем Председателя Совета Министров Сергеем Григорьевичем Моисеевым. Весь руководящий состав обкома и облисполкома был у нас. На новый актив, в котором участвовало около тысячи человек, мы с Султаном Ибраимовичем составили план мероприятий, который был одобрен. С ним Усубалиев полетел к Брежневу. После этого государство аннулировало задолженность района в 38 миллионов рублей ссуды; каждому эвакуируемому выделяли 10000 рублей безвозмездной ссуды. В Москве было издано такое постановление ЦК КПСС и Совмина СССР.

Безошибочно оценив обстановку, Султан Ибраимович начал работу с укрепления строительных организаций кадрами и техникой. За довольно короткое время было обеспечено водоснабжение на участках Кайрак, Жети-Су, Торкент. Были проложены «сенокосные» дороги на участки Чон-Дебе, Караган-Жайык, Сары-Камыш, Толук... Все этому предшествовал ряд организационных мер. Я просчитал, что к упомянутым местам нужно проложить 110 километров дороги. Меня поддержали наши специалисты. Султан Ибраимович тут же набрал телефон Турдакуна Усубалиевича Усубалиева. Это был уже 1974 год. Турдакун Усубалиевич обещал прислать министра автошосседора Келбаева. Два дня до приезда министра Султан Ибраимович использовал с максимальной пользой для нас. До Толука проехали по предполагаемой трассе, далее до Сары-Камыша — верхом. Потом мы втроем с Келбаевым предприняли очень рискованный шаг: проведение параллельно изысканий, проектирования и строительства. Надо было ускорить темпы, потому что нервное напряжение местного населения была на пределе. Келбаев тоже оказался славным, решительным жигитом — сразу сказал, что будет от него — бульдозеры, экскаваторы, грейдеры, самосвалы пойдут вслед за проектантами, а от области нужна подмога в технике.

В течение недели Султан Ибраимович представил названную технику и колонну возглавил зам. председателя облисполкома по строительству Иван Петрович Кондрашов, который был в Токтогуле до самого завершения строительства. Строительство начали в мае, а в двадцатых числах 110 километров дороги были сданы в эксплуатацию. Как это было вовремя! В тот год была сильная засуха, травы высохли, сена по области было заготовлено недостаточно. Покося Сары-Камыша, Караган-Жайыка очень кстати помогли пополнить запасы Ала-Букинского, Жанги-Жольского, Ленинского и Нау-

катского районов. В связи с окончанием дороги Султан Ибраимович организовал для жителей Токтогульского района большой праздник с привлечением культработников.

В 1968 году, отдыхая в Риге, я познакомился с секретарем Рижского горкома партии. Проезжая по улицам, я заинтересовался довольно непривычными проектами домов. Прибалтийская архитектура была очень притягательна, и я напросился посмотреть внутреннее устройство. Складские помещения нижнего этажа были помещены в подвале, а верхнего этажа — на чердаке. Такое вот неординарное решение шестиквартирного дома...

По моей просьбе мне рижане сделали рабочий чертеж и макет, которые я не преминул по приезду показать Султану Ибраимовичу. Райцентр уже строился. Он поддержал меня и в свою очередь поставил вопрос перед Турдакуном Усубалиевичем. Приехали специалисты из проектного института — и появились те дома, которые вы видели в Токтогуле, затем такие же дома были построены в Нарынской области.

В ноябре 1975 года 13 населенных пунктов — 30 тысяч населения — были эвакуированы.

И здесь внимание, необыкновенная предусмотрительность Султана Ибраимовича проявились особо. Решили отметить труд строителей и других специалистов. В это время Султан Ибраимович был на пленуме ЦК КПСС в Москве; оттуда он прилетел во Фрунзе, взял готовый позолоченный ключ и на машине направился к нам. Мухтара Нургазиевича, Вагинура Талиповича — они ведь тоже работали до меня и со мной, а сейчас как раз отдыхали в «Джалал-Абаде», а также всех работающих здесь: Б. Эшимова, И. Умарова, К. Аташева и секретаря обкома Б. Рыспаева — мы пригласили на праздник. Я встретил Султана Ибраимовича.

Торжественное собрание закончилось, посмотрели концерт, особых яств не было, буквально потили чай. Захватив с собой Талипова, Нургазиева, я завез их на курорт, и в час ночи уже был в Оше...

Такой был человек. А другой бы отдохнул, «курортников» оставил бы погулять, — но мы были воспитаны иначе.

Перед перезахоронением же кладбищ Султан Ибраимович корректно, но очень жестко просил меня не допускать случаев повышения голоса. Да, это ведь все равно, что новая смерть.

Из Грузии приехала специальная бригада из шести человек. Перезахоронение начали с кладбищ участка Шевченко совхоза «Токтогул». Слов нет, чтобы передать этот одновременный траур множества людей.

И еще один случай. За девять лет до этого дня скончался тракторист 19 лет. Когда вскрыли его могилу, увидели, что постриженный наголо парень зарос густой шевелюрой и лежал целехонький, будто спал. Тут вся родня на дыбы: парень принят в рай, а всякая нечисть тут толкает в ад... Бедные грузины пулей вылетели оттуда и разыскивали меня. Что делать?! Приехал, прочитали молитву, видя парня, безудержно плакали все, и я — это невозможно пережить хладнокровно. Долго говорили с аксакалами. Все это же делалось ради накопления долголетнего запаса воды и запаса энергии, электричества. Ведь нам нет равных в энергетике и т.д. Да, через что прошел токтогульский народ, перед которым я преклоняюсь по сей день?! Перезахоронение шло три года — с 1970 по 1973-й.

И наряду с этими далеко не легкими задачами все годы выполняли планы по мясу, молоку, шерсти и сельхозкультурам. Большие я такого народа не встречал! Где бы я ни был — я об этом говорю откровенно. Пусть сам я — жангижолец, но вторая моя родина — Токтогул...

Благодаря труду этих людей, наш район восемь лет удостоивался переходящего Красного знамени Союза по всем показателям. Как бы сейчас ни толковалось, просто так его никому не давали.

В тот год у нас появился Герой Социалистического Труда, Аманкан Мамыров получил орден Ленина за урожай 110 центнеров кукурузы с гектара. Из ученической бригады орденом был награжден Кабатой Сапаров, а десятиклассница Жылдыз — орденом Трудового Красного Знамени и без экзамена принята в университет. Премии Токтогула были удостоены я (Матен Сыдыков. — С. Ш.), председатель исполкома А. Козубек, начальник ПМК Ш. Элчибаев и его главный инженер Иванов.

Видимо, никакие перегрузки не проходят бесследно. В мае 1975 года схватил меня непонятный приступ. Пот катился градом, не мог двигать ни руками, ни ногами. Было воскресенье. Председатель исполкома Азимкан Козубеков заказал обком, и каково же было его состояние, когда трубку взял сам Султан Ибраимович. Азимкан и дар речи потерял. Еле-еле, по словам разъяснил, что случилось. И Султан Ибраимович на своей машине за два часа сорок минут доставил Виталия Прокофьевича Сергеева и операционную сестру. Два дня они наблюдали за мной. Настолько он был сердечным ко всем и особенно бережливым к тем, с кем вместе работал.

Через год, 1 мая 1976 года, сель смыл 70 процентов посевов

обработанного хлопка. Я уже работал в Кара-Суйском райкоме партии. До ночи мы исследовали нанесенную землю. Султан Ибраимович видел мое состояние. Решили заново посеять. Как-то в обкоме поднимаюсь усталыми тяжелыми шагами, в поношенном сером костюме (это я для полного представления о моем состоянии), навстречу — Абдибаит Таджибаевич — узгенский первый секретарь, с шуточной издевкой: «Что это вы, Матен аке, так ковыляете... Непохоже на вас»...

Я поднялся к Султану Ибраимовичу. Он увез меня с собой в Алай, куда выезжал, якобы надо было посоветоваться, но я-то знал, что он хочет дать мне немного передохнуть. И вот результат: в тот год вместо 56000 тонн мы продали 62800 тонн. Так он мог поднять настроение, что хотелось выложиться до конца.

Потом в гостинице «Пишпек» я увидел своего преемника Абдибаита Таджибаева, перешедшего в Кара-Суу (я был в Нарыне). Был наслышан о его хлопковом невезении. Вижу — поднимается невесело по ступенькам...

«Что-то, брат Абдибаит, заковылял совсем... Непохоже на тебя»...

Он засмеялся, сразу вспомнил.

А в злополучном 1980 году из отпуска Султана Ибраимовича вызвали в Москву на пленум, потом он принимал участие в республиканском партийно-хозяйственном активе в связи с вручением республике Почетной грамоты Союза по итогам года; на другой день было совещание картофелеводов...

В то время ни один руководитель не хотел зла людям, но некоторые страдали чрезмерной суестью и неглубокими познаниями... Сегодня мы заблудились в проявлении патриотизма и зачеркиваем интернационализм... А это как раз и есть высшее достижение цивилизованного общества.

Однажды Султан Ибраимович познакомился с нашим главным агрономом Раимкулом Садыралиевым. Это был непревзойденный специалист и небывалый трудяга. От беседы с ним Ибраимов, видимо, получил глубокое внутреннее удовлетворение. Когда я уже работал в Кара-Суу, услышал, что Садыралиев трагически погиб в автоаварии.

Я приехал в обком отпроситься в Токтогул на его похороны. Когда Султан Ибраимович услышал об этом, он поднялся с как-то сразу потемневшим, грустным лицом и сказал, что обязательно поедет со мной. И мы поехали.

Однажды он даже прослезился, услышав, как я одного десятилетнего ребенка, беспощадно терроризируемого род-

ным дядей, увез и сдал в детский дом в Кара-Суу. Оказывается, Султан Ибраимович, тоже остался сиротой и рос у дяди.

Вообще, к вопросам морали, нравственности Султан Ибраимович относился однозначно: во всех поступках надо быть на уровне человеческой ответственности и совершенного мышления.

Насчет двоеженства... Ведь женщина и мужчина не рождены для вечной молодости и процветания души и тела. Жизнь придумана очень мудро. Зрелость и старость нужны для того, чтобы дать самому себе отчет за прошлое. Никогда дети соперниц не будут родными — их кыргызы всегда называли «гунуватча». Простит ли первая жена предательство? Искренна ли она и готова ли к уходу? А к жертвам — вторые более молодые жены, которых собираются спасти brave мужщины от одиночества или от ярлыка «старых дев»? Будет ли счастлив ребенок, который рожден только для увеличения числа нации?

Из обделенных любовью детей большей частью вырастают лицемеры, не способные ни к какому добру. Они с молоком матери впитывают: что-бы чего-то достичь, нужно подстраиваться, льстить, притворяться, ибо отец четко очерчивает свои отцовские обязанности тем, что он отец и дает материальные блага. К какому обществу нас готовят? От словесных стремлений к цивилизации этим вопросом, искусно вуалируемым до сих пор, но тщательно лелеемым внутри и оправдываемым пророком Мухаммедом, мы отброшены в глазах многих назад...

Да, ни одна уважающая себя, здоровая и трудоспособная женщина не станет байбиче или токол. Конечно, в жизни бывают разные ситуации — свою судьбу люди строят так, как им суждено. Для этого закона не нужно. Когда 1 мая 1992 года я летала на самолете с гостями из Саудовской Аравии: Мухаммадом Насиром Обуди — председателем организации Всемирных исламских связей, Мухаммадом Хафизом, Мухаммадом Рахматулло и Мухаммадом Хабибулло — заместителем председателя казията мусульман Кыргызстана, они тоже сказали о противоречиях, возникших при рассмотрении этого вопроса парламентом с ссылкой на пророка Мухаммеда. Потом — еще надо доказать, что у нашего пророка были четыре жены. Надо было согласовать рассмотрение с казиятом.

У светлейшего Мухаммада Насира Обуди девять детей от одной жены: шесть сыновей и три дочери, из которых

одна — профессор математики, другая преподает девушкам английский язык, а третья учит вести домоводство. Талантливые дети рождаются последними...

Ни одна слеза благородной женщины не падает на землю даром, она оборчивается невезением и болезнью для мужчины. Это из великого учения для мусульман. А ведь и Манаса нашего мать родила в довольно зрелом возрасте...

МУХТАР НУРГАЗИЕВ —

ветеран, партийный работник

По тому, как он приветствовал меня, — я поняла, что это очень добрый человек. Любить дочерей, понимать их беды и неудачи дано не каждому отцу.

С первой встречи меня назвал «дочка» — как и мой папа обращается к сорокалетним чужим дочкам...

— Ныне под лозунгом «демократия» идет грабеж нашей нации. Корчубек Акназаров прав: раньше думали: сначала — людям, потом уже мне; а о чем сегодня думает современный аким? Мы уже чувствуем: надвигаются неграмотность, эксплуатация. Социальные гарантии — право на труд, отдых, образование, бесплатное медицинское обслуживание — уже становятся сказкой. Начнутся эпидемии от низкого уровня быта. Как при таких условиях ваши дети и внуки выплатят

176 миллионов долларов долга, 95 тысяч тонн американского зерна, 400 тысяч долларов Японии?!

Ислам Каримов очень правильно сказал: если, не построив дом, разрушить старый, — останешься на улице...

Самая отталкивающая наша черта — неустанно ругаем прошлое, даже когда уже все окружающие протрезвели и пытаются извлечь из прошлого полезное. А все последующие руководители хотят «законсервировать» любое, даже хорошее начинание своих предшественников. Кыргызы должны избавляться от этого...

В 1960—1961 годах я был директором совхоза «Уч-Терек» Токтогульского района, в январе 1961 года избран первым секретарем райкома. В 1962 году начались подготовительные работы к строительству ГЭС. Султан Ибраимович был тогда министром водного хозяйства. Приехал к нам. Советовался и слушал каждого. Притягивал особой тактичностью. А в 1968 году я уже был в Баткене. Особенно тяжелый, отсталый район. Чтобы вы могли образно представить, скажу: чтобы снять фильм об Уркуе Салиевой, типичные дома тридцатых годов кинематографистам искать не пришлось — снимали в нашем районе.

Незадолго до этого, когда я еще был в Токтогуле — приехал председатель облисполкома Темирбек Худайбергенович Кошоев и, делая нам замечания, указывая на нескошенную кое-где траву, произнес: «Вас бы в Баткен, где полынь и верблюжью колючку скармливают за милую душу»...

И вот я оказался в Баткене; хожу как в воду опущенный. В июне Султан Ибраимович позвонил, сказал о встрече в Хайдаркане. Какое там — ждать, мне кажется: только встретимся мы и раскроется секрет — с чего я должен начинать работу в районе. Я напрямую поехал в Пульгон — центр Фрунзенского района, где первым секретарем был ныне покойный Дадан Султанов. Султан Ибраимович, закончив намеченные здесь дела, поехал с нами в Хайдаркан. Там директором рудного комбината был Чантуриа. Посмотрели рудник, завод. Оттуда — в наш район, в колхоз имени Фрунзе, в село Дара. Прибыль хозяйства 270 тысяч рублей. Что тут скажешь?!

Султан Ибраимович, я заметил, очень любит говорить с людьми. Остались в одном номере. Долго говорили о делах. Думаю, стану пораньше него. Утром зашевелился, а он уже встает. Полностью завершив анализ дел в хозяйстве, Султан Ибраимович сказал: «Революции делать не надо, а хозяйство поднять надо». В этой местности много арчи, так он в карман обломки веточек положил, что бросилось мне в глаза.

С этого дня я начал строить совхоз «Первомайский». Главное — опереться не на кого было в первые дни. Два насоса стали качать воду, протянули электричество. Султан Ибраимович, будучи министром водного хозяйства, начал строительство Торт-Гульского водохранилища, а завершить ему его суждено было уже первым секретарем обкома. Начальником строительства водохранилища был назначен Асан Кожомкулов, главным инженером — Калкаш Батырканов. Если бы вы знали, сколько надежд я связывал с пуском этого водохранилища. Но было все очень непросто. Нужно было что-то такое, что подняло бы дух...

О колхозе имени Фрунзе я уже сказал. В колхозе «Ленинград» прибыль была и того меньше — 200 тысяч рублей. Как-то слышу — кричат: «сено привезли». Подъезжает грузовик, через борт ничего не видно — всего около тонны, и это на 15 дней. Немыслимо. «Зачем я здесь?» — спрашиваю себя.

В центре Баткена — три водопровода и там очередь из женщин с двумя ведрами. С нетерпением жду ввода Торт-Гуля. Но от Исфайрам-Сая трасса и рельеф идут по косягорам и 60—70 процентов работы предстоит выполнить по трассе. Нужен дополнительный подъемный барьер. Рабочий день у меня начинался здесь. Решили: все инженерные решения — за счет стройки, бытовые, социальные — за счет района. И вдруг непредсказуемым образом мы были поставлены перед фактом, что надо прорубать тоннель в 735 метров. Нужно тянуть электрическую линию — сто раз передушаем, где и как ставить столбы ЛЭП, считали каждую копейку.

Поймите мое состояние: я принял район, где было 9000 голов крупного рогатого скота, 115000 овец и коз, около 2000 лошадей и на всех 9300 тонн сена. Проблему кормов могли решить только с вводом водохранилища. Корма мы заготавливали в Оренбурге, в Чуйской долине, на Иссык-Куле. В ноябре 1972 года начали заполнять чашу водохранилища. Дно было устлано полностью. Эту пленку нам помог пробить и доставить наш депутат в Союзе председатель «Центросоюза» Александр Петрович Климов. Союз довольно часто был очень справедливым арбитром через посредничество наших депутатов. Этого никак нельзя отрицать. Так, благодаря А.П.Климову были устранены две криминальные ситуации, связанные с водохранилищем...

В ноябре 1972 года у устья водохранилища зарезали барана «стреляли» шампанским, брызгали друг на друга водой. Чаша заполнения — 700 гектаров. Потом, когда уже был намечен

праздник всех баткенцев по случаю пуска водохранилища, с западной плотины стала прорываться струйка в 20—30 литров воды. Дамба прорывается, что ли?! Пробурили место прорыва, потом забетонировали.

Одновременно строились новые центры хозяйств и райцентр. На одной тысяче гектаров был заложен виноградник. В 1973 году в самом районе заготовили 35 тысяч тонн кормов. И вот в этом же году по пути в Ляйляк Султан Ибраимович заехал к нам. Конечно, нашлись здесь и талантливые кадры и перемены произошли разительные, обновилась села. Когда он увидел, как идет посев озимых: работали тракторы, сеялка, по арыкам текла вода, — разволновался, глаза заблестели, обнял поливальщика, тракториста, поцеловал их.

Осенью меня отозвали из отпуска и перебросили во Фрунзенский район, а так хотелось попробовать и виноград и уроки из тех садов, в посадке которых я сам участвовал.

На массиве в 30 тысяч гектаров началось освоение и на освоенных 10 тысячах был построен совхоз «Бурганды». В совхозе имени Орозбекова в начале весны 1973 года были заложены виноградники, а я пришел в ноябре и проработал до ноября 1985 года — 12 лет и семь дней. Отсюда ушел на пенсию. За свою долгую жизнь со многими пришлось работать, но думаю, что Султана Ибраимова не забудут ни баткенцы, ни кадамжайцы. Многие помнят, как он искренне советовался с ними, помогал строить жилье или принимал активное участие в их судьбах. Помню, как я сильно болел в течение трех месяцев в том же 1973 году. Он направил меня в Кара-Шоро попить целебную воду. Вот часто думаю, как ему удавалось быть равным ко всем, беречь всех одинаково?! Редкий был человек!

Еще два момента. Мы решили посмотреть освоение массива Ак-Турпак, которое было начато еще в бытность Султана Ибраимовича министром. Под землей были проложены трубы. «Нельзя упускать из виду, здесь есть перспектива», — сказал он.

И вдруг в это время прямо на крутизне завилыла пыльным хвостом лисица. Водитель тут же поддал ружье — и азарт пришел на смену усталости — я подаю ружье Султану Ибраимовичу, но нет — он даже в этом не хочет блеснуть, помогая мне снять напряжение и разочарование, и подстегивает: «Давайте, не упустите»...

Я, присев на одно колено, выстрелил — и лисица, подпрыгнув, кубарем покатила вниз.

«Что ж, удачу вы не упустили», — констатировал Султан Ибраимович...

Уехал я из Баткена, сдав откормсовхоз в „Кызыл-Беле“, совхозы имени Фрунзе и „Торт-Гуль“. . . Где вода — там и жизнь!

Мы уже говорили об активе в 1980 году, совещании картофелеводов. Во Фрунзенском районе выращивали 4–5 тысяч тонн картофеля и именно в эти дни я решил вопрос о ведущем хозяйстве — колхозе имени Калинина — его разделе на два хозяйства. В самом начале совещания обратился к Султану Ибраимовичу. Потом он стал вести совещание, от ЦК участвовал Фомиченко доклад читал Наумов. И вдруг Султан Ибраимович, попросивший отложить мой вопрос „на потом“, подозвал Ходоса и меня и сказал, что надо безотлагательно рассмотреть вопрос о разделении: письмо есть, аргументы тоже. Утром 3 декабря я уже увез решение. И вдруг 5 декабря приехавший к нам Донченко, сказал, что Ибраимова застрелили. . .

До сих пор думаю: он будто почувствовал, что „потом“ у него уже не будет.

Иногда вспоминаю, как мы на лошади по узкой тропке между бездонной пропастью и крутой скалой ехали к Зардалы. Говорят, что один уполномоченный из организации неверующих порвал на этой тропке свой членский билет, а Султан Ибраимович считал, что иногда нужно проходить по такой тропке, чтобы проверить себя — удобные ли Богу дела делаешь — все свои грехи видишь на ней перед собой. А если совесть чиста — ложись спокойно на коня. . .

МЕЙРАЖДИН ЗУЛПУЕВ —

бывший вице-премьер-министр
Республики Кыргызстан

Впервые увидела его в 1975 году на заседании облисполкома. Быстрый подвижный, он был начальником областного управления водного хозяйства. Такие ветераны, как Илюшкин, Ильязов, Богатов, говорили, что Зулпуев — очень толковый парень. А в 1980 году я узнала о его высоконравственном поступке: видела, как он помогал вдове умершего друга — матери четырех сыновей; из Ляйляка в Базар-Курган он навещался довольно часто, даже способствовал срочному переводу брата вдовы, работавшего под его началом в Ляйляке, в Базар-Курган.

И вот я в кабинете Мейраждина Зулпуева на седьмом этаже Белого дома. Пришла в день, когда стали известны первые результаты обмена рублей на сомы. Задала пять вопросов. . .

— То было время, когда нужно было максимально выложиться, чтобы увидеть истинные результаты своего труда. Проверались профессиональная компетентность, способность выдержать проверку поручением, доверием, ответственностью. Всесторонняя информированность, умение анализировать фактическое положение дел — и строгий спрос, без скидок на молодость или неопытность — так начинал я работать начальником областного управления водного хозяйства.

Были сомневающиеся, но Султан Ибраимович, оказывается, отстоял мою кандидатуру. Может, и был у Султана Ибраимовича круг приближенных людей, но я знаю одно: кому он больше доверял, с тех жестче и спрашивал.

Полагаю, что к нынешним нашим экономическим реформам Султан Ибраимович отнесся бы положительно, но никогда не допустил бы и мысли о возможности продажи земли.

Там, где нет скрупулезного учета специфики общества, где нет дисциплины, там и речи быть не может о цивилизованных методах преобразований в экономике и демократических отношениях в государстве. Тот, кто имеет власть, уже взял на себя обязанность быть кормильцем и поддержкой для фермы, бригады, хозяйства, района, только не надо «аксакалиться».

С упорядочением исполнительной власти, будем надеяться, повысится и дисциплина на всех уровнях. Сейчас значительно сокращен управленческий аппарат, число министерств и ведомств. Будем учиться законам совершенно самостоятельного государства без оглядок на подсказки и подачи — самоутверждаться. Все, что сегодня блокируется, тормозится из-за введения сомов, временно. Сегодня как никогда каждому из нас необходимо создать особое деловое напряжение на курируемых участках: Кузнецову, Эркебаеву, мне и другим; нужна информированность по фактическому положению дел в каждой точке государства и разработанные варианты устранения возможных осложнений. А прежде всего — дисциплина.

Полчаса прошли. Я спросила его мнение об областях и освоении массива Кара-Булак в Баткенском районе, но разговор остался незаконченным. . .

**САТЫВАЛДЫ АМОНОВИЧ
КУЗЫБАЕВ —**

начальник Ошского областного
объединения «Киноvideопрокат»

Проработал с Султаном Ибраимовичем 10 лет в аппарате обкома партии. Некоторые инструкторы обкома партии смотрели на ответработников облисполкома как на второсортные кадры. К счастью, их было мало, они ничего в этой жизни не решали и не оставили никакого следа.

— В моей памяти Султан Ибраимович остался благородным и поистине великим человеком. На работу он приходил рано и нередко пешком. Дворники, охранники, садовники и цветоводы, закончив свою утреннюю работу, ждали, когда придет Султан Ибраимович, чтобы пожелать ему здоровья. Он приходил, здоровался с каждым из них за руку, справлялся об их нуждах и часто помогал. Никогда не забывал своих обещаний. Любил шутить с ними и громко смеялся. Для всех он был своим.

Никогда не забудет моя семья его заботы о нас. Как-то из очередной командировки я приехал поздно вечером, а дома не оказалось никого. Антонина Ивановна Колесникова — наша соседка по площадке — сказала, что сын поранил глаза осколками разбитой лампочки и сейчас они все в детской больнице. Я сразу же поехал туда, и врач Людмила Егоровна Хегай посоветовала мне срочно взять ребенка в республиканскую глазную клинику, так как ранение очень серьезное и он может потерять зрение, а для квалифицированного лечения в Ошской детской больнице нет условий. Я растерялся и не знал, что предпринять. К тому же мне пришла повестка из военкомата на двухмесячные сборы в Новосибирское высшее военно-

политическое училище (согласно постановлению ЦК КПСС — все ответработники должны были пройти обязательную военную переподготовку) и мне надо было вылетать через два дня.

Утром, прямо в коридоре, я встретил Султана Ибраимовича, и он, поздоровавшись, поинтересовался моими делами. Я рассказал о случившемся, он пригласил меня в кабинет и позвонил главному врачу республиканской клиники с просьбой оказать помощь. Пригласил завфинхозотделом обкома Н. Г. Захарченко, поручил оказать мне материальную помощь. На военные сборы был послан другой. Мой сын стал здоров благодаря заботе Султана Ибраимовича. Точно так же он помог бы другому нуждающемуся. Конечно, можно сказать: легко помогать, когда есть власть, но кого можно привести в пример еще — имеющего власть? Ибраимов тем и велик, что власть использовал для служения людям!

**СУЛТАН АМАНКУЛОВИЧ
ТОКТОГОНОВ —**

профессор, доктор исторических наук

В 1944—1955 годах — заместитель, а потом министр народного образования республики. Работал с Исхаком Раззаковым. Человек, стоявший у истоков создания Ошского, Пржевальского и Кыргызского женского педагогических институтов, института усовершенствования учителей, учительской газеты.

Написал десятки научных трудов, побывал в десятках стран. Признанный ученый в огромном ученом мире.

Пережив личную драму, по своей инициативе покинул министерское кресло, ибо был беспощадно критичен и самокритичен. Никогда не боялся начинать жизнь заново, но науке остался предан навсегда.

Недавно Султан аба отметил свой 80-летний юбилей. Я читаю теплые искренние поздравительные телеграммы — это не шаблонные тексты и не простой жест внимания, они подробны и красноречивы...

Жизненная мудрость выигрывает тем, что она — единственная — дает неподдельные качества спокойствия и выдержки.

«Странные люди, — говорит Султан аба и при этом не меняется ни лицо ни тон, — в Ляйляке чествовали память Раззакова, потом хоронили Суюмбаева, а мне — ни слова. Есть же чиновники, которым положено заниматься соратниками ушедших»...

И в унисон мне подумалось: моего отца даже не соизволили пригласить на 60-летие Ошского сельхозтехникума, а он был одним из лучших в первом послевоенном выпуске. Потом сорок с лишним лет проработал в сельском хозяйстве. Было время, когда он с температурой под сорок спасал животных от селей и снегопадов, строил новые хозяйства; борясь с преступниками, пожертвовал карьерой. Мы считали, что кроме нас об этом никто не знает, но Андрей Кириллович Озеред рассказал, как мой папа в 1950 году спас от особой злокачественной формы ящура крупного рогатого скота целое поголовье на своем участке и не дал пожару эпидемии разгореться в районе. А было ему тогда 21 год. Да, много заслуженно хороших слов написал Андрей Кириллович о моем отце, даже требовал награды ему. Отец не простит мне этих строк, но я их написала, потому что в эту минуту Султан аба был так похож на моего отца. Я всегда просила и прошу своих современников быть чуткими и тактичными к людям, у которых большая часть жизни уже за плечами. За скупыми сведениями их анкетных данных — заслуги, каждый из них — личность, неповторимая своей индивидуальностью. К сожалению, все — и великие и простые — люди в таком возрасте становятся одинаково ранимыми, и внимание к ним дома и в сфере их прежней деятельности должно быть нормой человеческих взаимоотношений.

— Очень часто, когда я вел детей в детский сад, около меня останавливалась машина, из нее выходил человек и приветливо здоровался со мной, потом уезжал. Как-то раз он сказал: «Наверно, вы слишком любите своих детей и никому их не доверяете...» Однажды со мной и моими детьми шел преподаватель пединститута Токмергенов, человек опять остановил машину и поздоровался с нами.

Токмергенов спросил, откуда я знаю Султана Ибраимова — первого секретаря обкома партии. Я был удивлен и сказал, что его не знаю.

Через какое-то время я специально пошел к нему на прием. Мы с Султаном Ибраимовичем стали встречаться чаще: поскольку я был ректором пединститута, мне часто приходилось обращаться к нему по многим вопросам. И всегда он встречал меня, встав из-за стола и идя навстречу. Как-то я спросил, откуда он меня знает, ответ был довольно неожиданным. Будучи министром, я провозжал в технические вузы СССР выпускников подготовительных курсов, организованных при Фрунзенской средней школе № 5, и среди них был Султан Ибраимов, который ехал учиться в Ташкент. Он слово в слово привел мои напутственные слова, просьбу всегда помнить о доверии, оказанном им Родиной. А у нас в то время выпускали только педагогов...

Вот такой был неординарный человек. С богатой памятью.

Часто интересовался делами института, контингентом студентов, обещал помогать. Однажды я сказал: «Обещание свое, Султан Ибраимович, не держите»... Он удивился, а потом вспомнил и принял все меры, чтобы нам выделили 10 квартир. Султан Ибраимович способствовал тому, чтобы наш институт был переведен в первую категорию. Принимал меры, чтобы организовать университет, и он бы, конечно добился этого, если бы не смерть... В моей памяти осталось единственным это, не исполненное им обещание...

ТЕМИРБЕК ХУДАЙБЕРГЕНОВИЧ
КОШОЕВ —

советский, партийный работник,
бывший Председатель Президиума
Верховного Совета Киргизской ССР

Люди признают его большие знания, компетентность, но и его чрезмерную щепетильность и придирчивость.

Ошская земля помнит троих Кошоевых: отца, дядю и самого Темирбека Худайбергеновича.

В феврале 1975 года в зале Ошского горкома партии шла отчетно-выборная конференция общества «Знание». Я была делегатом от комсомола, и парторг насосного завода Ряшенцев мою кандидатуру рекомендовал в ревизионную комиссию общества. Я выражала свое недовольство по этому поводу, в это время обратил на себя внимание присутствующих инструктор горкома партии Балтагул Нурунбетов, вошедший из особых дверей. Он подошел ко второму секретарю горкома партии В.П.Дергаусовой, сидевшей в президиуме, и начал тихо что-то ей говорить. В воздухе повисла заминка, хотя за трибуной была ответсекретарь городского общества «Знание» Мария Сергеевна Новикова — чудесная женщина! Они оба начали глазами искать кого-то в зале и, увидев меня, жестом указали мне по направлению к двери. Я переглянулась с Ряшенцевым и прошептала, что, видимо, «на ковер» — за беспрестанные диалоги с ним. Но тут мелькнуло: причем тогда только что вошедший Нурунбетов?! Когда я вышла, он мне сказал, чтобы я срочно шла в облисполком — меня ждет Кошоев.

Я спрашиваю, зачем? Нурунбетов сквозь очки уставился на меня, пожал на правах старшего руку и сказал, чтобы вначале я зашла к зампреду Т.Х.Хакимовой и уже с ней шла к Кошоеву. «Вот и расти», — пожелал он мне...

Конечно, я в Москве видела великолепно отделанные кабинеты, свое лауретовское выступление делала в Доме дружбы с народами зарубежных стран на Арбате, поэтому грандиозная архитектура здания Ошского обкома и облисполкома, при виде которого многие (признавались) робели, оставила меня спокойной, но ясные, пронизательные глаза, твердый чеканный разговор и абсолютное равнодушие к моему экстравагантному виду — уже положительно настроили меня к Темирбеку Худайбергеновичу Кошоеву. (К этому времени, да и потом мне уже многие изрядно надоедали своими советами и еще хуже — запретами.) Он разговаривал со мной жестко и будто невзначай спросил, кто мои родители. Я назвала. Будто мелькнула тень удивления и исчезла.

На другой день меня повели на беседу к секретарю обкома партии Барпы Рыспаеву, где присутствовали завотделом науки и учебных заведений Н.Г.Базарбаева и зам. завотделом пропаганды и агитации Ю.В.Шумкин. Я совершенно не представляла, что придется проходить через такое «сито», лишь после узнала, что на одном из совещаний Т.Х.Кошоев обратился к В.П.Дергаусовой с предложением найти подходящую кандидатуру — женщину соответствующего уровня на перспективную советскую работу. Валентина Прокофьевна сказала, что у нее есть такая, с московским дипломом и московским партбилетом, но работает еще мало, пока надо поизучать.

Обо всем я узнала, когда пришла сняться с партучета и попрощаться с полюбившейся мне женщиной: она всегда могла меня выслушать, понять и посоветовать. Конечно, она была недовольна, а первый секретарь горкома партии Ильяс Касендеев даже сделал мне резкое замечание, что не годится так быстро менять работу, тем более инженеру. Хотя прекрасно понимал, что я тут ни при чем...

Сейчас многие бахвалятся тем, что были никуда не годными пионерами, и не помнят, были ли комсомольцами. С тщательностью, навевающей жалостливую грусть, ищут в своих генетических ветвях «великого» предка. А я думаю, когда эти люди были более лживы — вчера или сегодня?! Я горжусь, что судьба хоть на краткий миг свела меня с таким человеком, как Касендеев. Он всегда отвечал за порученный ему участок, не допускал хамства с подчиненными, не менял маски перед вышестоящими, зарабатывал свой хлеб честно, не так как другие. Он пожурил меня с глазу на глаз, а Валентине Прокофьевне сказал: «Это же хорошо, что из нашей

парторганизации пошли в областную номенклатуру». Такие, как он (их правда, немного), были достаточно цивилизованы и тогда.

Все годы после этого, даже случайно встретив в самолете из Жалал-Абада во Фрунзе, Ильяс Касендеевич узнавал и приветствовал меня. Однако я до сих пор помню его «проводы» меня к Кошоеву. Я была фанатичным солдатом партии...

Через два года работы в облизполкоме по семейным обстоятельствам мы переехали в Жалал-Абад. Работы в городе для меня не оказалось, а на работу заквасочницей в гормолзаводе я не согласилась — надо было там таскать фляги и ушаты, а я перед этим два месяца пролежала в роддоме, с большими сложностями сохраняя беременность. Это был мой второй сын, который меня радует сегодня, а тогда...

Тогда я пошла работать библиотекарем в зооветтехникум. Через год, 29 сентября 1977 года, я пришла на гормолзавод (тогда молочный комбинат) заведующей производством. А 1 ноября у мастера А. Сатыбалдиева вылезла недостача молочного жира в пять тонн. Я заступалась за него. Три женщины вместе с ревизором делали все, чтобы все грехи свалить на меня...

Я уже писала, как я вызвала московскую комиссию и в мае 1978 года уже работала инженером по комплексной системе управления качеством. Зато по небольшому городку расплозились всевозможные легенды о моей склочности. И в один из вечеров я приехала к Темирбеку Худайбергеновичу. Зашла и, поздоровавшись, расплакалась — впервые в жизни на таком «официальном» уровне.

«Ты приехала из Жалал-Абада ко мне поплакать?» — подождав немного, старался успокоить меня Темирбек Худайбергенович.

«Должна же я хоть где-то поплакать, — оправдывалась я. Восемь месяцев молчала, молчу дома, жалею родителей». — И все ему рассказала. Про Москву тоже. И о том, что мастер спасен. Темирбек Худайбергенович говорил долго, советовал, а в конце сказал, что умные люди всегда должны находить выход из конфликта, побеждать мудростью. Если же этого не будет и я буду пытаться «на смерть» воевать с теми, кто этого не стоит, — то он меня попросту не будет уважать... Сгоряча уехала неудовлетворенной, но, подумав дня три, я поняла...

К Султану Ибраимовичу мне уже не пришлось ехать, ибо он вмешался по-своему. До сих пор не знаю как, но то, что

он знал о нашем происшествии, выяснилось, когда он пригласил моего отца и дал почитать письмо моего мужа, тщательно прочитанное и подчеркнутое карандашами разных цветов. Он сказал, что в моем письме в Москву нет ничего криминального, там просьба о помощи в механизации труда рабочих, а здесь что? И предсказал то, что случилось десять лет спустя. Отец был вне себя от гнева: он ведь не знал ни о моем письме, ни о письме зятя. Хорошо, что Султан Ибраимович на официальном уровне пресек попытку высокопоставленных лиц клеветать на меня.

Жизнь удивительна! Потом я 13 лет делила с обидчиками хлеб, радость и горе. Видела и их беды, но зла на них не держала, были лишь боль и желание их поддержать.

Не знаю, как кто думает, но Султан Ибраимович и Темирбек Худайбергенович вместе хорошо смотрелись. Потом уже не было таких сочетающихся руководителей в обкоме и облизполкоме. Один момент из периода моей работы в Советах я вспоминаю особенно ярко. В мае — июне 1975 года заболела зав. протокольной частью Наталья Гавриловна Крутских, и почему-то Темирбек Худайбергенович велел замещать ее на этой работе мне. Видавские виды ветераны смеялись надо мной, говоря, будто я рождена для этой работы. Им-то что, а каково было мне — вся «кухня» сосредоточена здесь: решения, распоряжения, материалы повестки — попробуй ошибиться или поменять местами рассматриваемые вопросы. Я пыталась совместить изучение и исполнение. Засиживалась допоздна, работала и по субботам, училась печатать на машинке, но была отдушина — непротокольные части заседаний исполкома, которые я стенографировала отдельно, для себя.

Темирбек Худайбергенович не переносил расхлябанности, не терпел упрощенного жаргона (и в малом зале чувствовалось большое напряжение аудитории), но и разрядку давал самым неожиданным образом. Причем его кыргызская и русская речь были без примеси — говорил чисто и колоритно.

Взять, к примеру вопрос о состоянии искусственного осеменения овец, во Фрунзенском районе. После оценки работы управления сельского хозяйства района, обращаясь к зампреду РИК, он сказал: «Борумухаммед Абдураимович, я просто не понимаю, как за такое длительное время вы — руководители этих отстающих хозяйств, главные зооветспециалисты, врачи-осеменаторы — зарекомендовали себя такими немощными, что вашего рвения хватило лишь на 10

процентов поголовья?...» Неудержимый смех в зале. А Фрунзенский район в тот год выправил положение...

Второй раз заслушивали вопрос о состоянии откорма бычков в совхозе «Куршаб». Отчитывался директор — Икрам Жоробаев. Темирбек Худайбергенович коротко сказал: «Я видел, как вы хорошо подготовились для телевидения: белые занавески и перегородки в коровнике. А чем вы их так усердно напоили, что у них ребра торчат, а пуза надутые?! Вы же основательный, серьезный хозяйственник с большой школой и опытом. Что можно простить другим, вам — нет. Вместо того, чтобы устраивать такие представления, лучше ежедневно кормите их так, как положено...»

А директору Кара-Суйского хлопководческого хозяйства Черткову он нетерпеливо сказал: «Не надо оправданий, не надо обоснований, я, хотя и не ученый, но тоже агроном и знаю, что спрашиваю. Мы требуем от вас полива хлопчатника методом «шербет-суу» не потому, что как-то выделяем вас в отрицательном смысле, а потому что вы — единственный и области нужен тот хлопок, о котором мы и сегодня с вас спрашиваем, а осенью спросим еще строже».

Обсуждая состояние шоссейных, автомобильных дорог юга, Темирбек Худайбергенович задал управляющему вопрос: «Вы вообще-то — патриот Ошской области или временно здесь пребываете? Когда едешь, и углубишься в свои думы, не замечаешь расстояния. И вдруг — ударишься головой о дверцу машины, очнешься и поймешь: пошли дороги Ошской области. Вас гордость не заедает от сравнения с соседями?!»

А что бы сказал сейчас Темирбек Худайбергенович, которого я усердно приглашаю в город погостить?! Ведь в таких людях живет неистребимая потребность к порядку и всеобщей гармонии.

Да, они очень хорошо сочетались с Султаном Ибраимовичем. Через много лет я пришла в Дом природы, чтобы поговорить с Темирбеком Худайбергеновичем. Тот же ясный, пронизательный взгляд, тот же убеждающий четкий разговор. Мы довольно долго говорили о возможных последствиях иностранных «инъекций», о том, как трудно внедряются сомы, их быстрой девальвации, но пришли к выводу, что без всего этого сегодня не обойтись.

Темирбек Худайбергенович 20 лет проработал в Советах, работал и в партии. Работал с секретарями обкома Капустяном, Абдыгуловым, Балтагуловым и 10 лет — с Султаном

Ибраимовым. Считает, что сработались, если были рядом столько лет.

— Конечно, в то время во взаимоотношениях обкома и облисполкома бывали неожиданные трения. Облисполком собирал народные деньги в общую котилку и пытался распределять самым строгим образом.

Находились такие, которые от имени народа пытались убедить Султана Ибраимовича в оправданности каких-то дорогостоящих затей или показных праздников, против которых я буквально восставал, ибо знал, что это нужно не людям, которые в тяжелейших условиях создавали материальные блага, а этим дармоедам, чтобы пустить их по ветру. Им любить меня было не за что. А Султан Ибраимович, также зная истинные условия жизни и быта трудящихся, — от всей души хотел сделать их счастливыми, благоденствующими. Мягкость и уступчивость его были беспредельны, когда речь шла о празднике для людей.

Были случаи, когда каждый из нас был прав по-своему. На то она и жизнь...

Больше Темирбек Хубайбергенович о том периоде не говорил, а о времени работы Т.Х.Кошоева в столице на посту Председателя Президиума Верховного Совета Киргизской ССР нужно вести другой — долгий и обстоятельный разговор. Его пошатнувшееся здоровье, операция, отказ от чрезмерно ответственной работы, уход на пенсию, а потом и начавшиеся нападки — это тоже тема для другого разговора...

**ВИКТОР КОНДРАТЬЕВИЧ
КАНДАКОВ —**

советник акима Чуйской области

Если бы не было таких, как Виктор Кондратьевич, тогда можно было бы еще сомневаться в необходимости единственного государственного кыргызского языка. В то время, когда он с семьей в течение семи лет проживал в Баткенском районе, его сын Сергей учился в кыргызской школе и учился прекрасно. Тогда не было и намека о какой-то уступке или одолжении со стороны русской семьи — семьи первого секретаря райкома партии — по отношению к кыргызам. Сам Виктор Кондратьевич совещания проводил на кыргызском языке. Всегда исполнял честно и достойно свой партийный и гражданский долг. В Баткене его иногда называют Женишбек ага. Есть в моей памяти и прокурор Белоусов, которого называли Абдрахман ага.

А мне, когда я вспоминаю о них сейчас, хочется создать клуб «Друзья русского языка».

— Я один из тех его соратников по Ошской области, кто очень близко знал Султана Ибраимовича и его семью. Работал с ним более 10 лет.

О его моральных, нравственных качествах сказано много, но постоянную заботу его о людях труда надо подчеркивать еще и еще.

О периоде работы Султана Ибраимовича никак нельзя сказать как о застойном. Это был достойный период развития и процветания всех районов Ошской области, время активного созидательного труда всего народа. Я не хочу повторять то, что сказано моими товарищами, но крупные

водохранилища, новые хозяйства, сады, дороги — это немеркнувший памятник его труду.

Счастлив, что судьба свела меня с таким земляком.

**ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВИЧ
ТРУНОВ —**

почетный гражданин
города Жалал-Абада,
ветеран просвещения

С Василием Филипповичем познакомилась в 1975 году, когда в составе комиссии облисполкома мы проверяли работу среди молодежи Жалал-Абада: он тогда работал заведующим горно. Тогда я, конечно, и не подозревала, что судьба нас сведет в самой неординарной ситуации, испытывая меня на излом ...

На этом критическом повороте жизни Василий Филиппович стал моим общественным защитником, сердцем понимал и делил со мной мое горе. Он был не просто заместителем председателя партийной комиссии горкома партии, а неким алхимиком, пропускающим через свою душу лаву грязных выпадов и безнравственной клеветы, чтобы из этой немислимой жижи выловить истину для восстановления моего достоинства. В 1988 году это ему удалось. А в 90-м он был моим доверенным лицом, когда женсовет города мою кандидатуру выдвинул кандидатом в депутаты горсовета. Я прошла (63,4 процента голосов), но в пять часов утра все бумаги были переделаны, и преданный мне человек ничего не мог сделать — в комиссии было много продажных, а

обрушить гнев власть имущих на хорошее меньшинство я не могла — и так близким мне людям доставалось из-за меня.

Впоследствии Василий Филиппович Трунов сделал в музее уголок, посвященный мне и моей работе. Не знаю, чем я это заслужила...

— Я ярко помню один случай. Это было после завершения сессии Ошского облсовета, состоявшейся в феврале 1976 года. Все депутаты и приглашенные остались в зале по просьбе президиума. Перед присутствующими с получасовой речью выступил Султан Ибраимович. Он говорил о подготовке к севу, увеличении производства зерна, хлопка, завершении зимнего содержания скота и о других вопросах экономического характера.

Говорил Султан Ибраимович свободно, без шпаргалки, пользовался лишь сводными данными. Его понимали все: и крестьяне, и рабочие, и интеллигенция. Мне особенно запомнилась логика убеждения, система анализа. Выводы подкреплял предложениями. От него исходило такое ощущение целеустремленности, что поневоле хотелось жить чем-то высоким и масштабным. И озабоченность в людях труда была неподдельной. Вот в этом-то — в высоте устремлений и в реальных социальных гарантиях — был престиж того времени, того периода. Ибраимов способствовал истинному осуществлению тех задач. К сожалению, ему нет аналогов. Непоправимая беда постигла нашу республику с потерей главы исполнительной власти Председателя Совета Министров Киргизской ССР. Мы потеряли Руководителя и Человека!

ЭРГЕШ ЧЫКЫЕВ —

председатель правления хозяйства
«Кара-Суу»

Он не из той категории людей, которых внезапно подхватывало колесо Фортуны. Их привораживало росное утро. Болезни — кашель, простуды — они не признавали. Удобнее сапог и галифе одежды не было. И вдруг...

— В декабре 1969 года по предложению Султана Ибраимова была поддержана моя кандидатура на председателя правления колхоза имени Фрунзе Карасуйского района. Это было остальное по всем показателям хозяйства. При беседе со мной (тогда мне был 31 год) он сделал упор на следующие основные моменты:

- 1 — быть среди людей;
- 2 — узнавать от них проблемы, решать их и доводить до них принятые решения;
- 3 — никогда не забывать обещаний;
- 4 — не игнорировать аксакалов и опытных специалистов;
- 5 — составлять резерв кадров только по деловым качествам.

Я не нарушил ни одного его совета-требования. И уверен, лишь поэтому мы первыми в районе выполнили план по сдаче хлопка государству (3500 тонн), а в 71 году, 2 октября, уже были первыми по области. Притисками не занимались, а сверх плана дали 1200 тонн; план девятой пятилетки выполнили за четыре года.

Султан Ибраимович очень сильно чувствовал неподдельное уважение к труду другого человека; так мог проверять доверием, что люди навсегда разучивались обманывать.

Случай моего выдвижения на пост председателя Ленин-

ского райисполкома стал одним из уникальных — до этого руководителей советской работы сразу из хозяйства не назначали. И вот я стал председателем райисполкома. Приезжает Темирбек Худайбергенович Кошоев и передает еще один совет Султана Ибраимовича — о соблюдении этикета одежды, соответствующей новой должности, — я спрятал сапоги и галифе в комнате отдыха. И вправду, приходилось больше встречаться с интеллигентными людьми, работниками науки и культуры.

Султан Ибраимович был человеком большой объективности. Дело требовал строго, никогда не выделял любимчиков. Потому мы одновременно и боялись и уважали.

А как я благодарен ему за дорогу из Кожокелена, Чогома в Ош через Папан. В 1953 году я и мои сверстники в Ош ездили верхом на лошадях, ослах, а то и пешком ходили — почти сто километров! Что это такое — наше поколение знает хорошо. С какой радостью я участвовал в открытии дороги. Под аркой на папанском участке мы — участники торжества — запрятали капсулу, которую намечено вскрыть в 2000 году. Этот человек был полон веры, мечты, трудолюбия и жизнеутверждения...

В 1978 году я стал первым секретарем Базар-Курганского райкома партии. Все вроде бы складывалось неплохо. к сожалению, жизнь человеческая без бед не бывает. Случилось непоправимое. Раскапывать это сейчас — нет резона. Но взгляд, слова Султана Ибраимова — уже Председателя Совмина — забыть не могу. Не ругал, не корил, а просто смотрел и сказал всего пять слов, но забыть их я не смогу никогда.

Дальше жизнь пошла совсем иная.

Вот так, сестренка...

КАБУЛЖАН КОЧКОРОВИЧ
НАРЫНБАЕВ —

директор Ошской
внешне-экономической
научно-производственной
ассоциации «Узгеп»,
вице-президент совместного
китайско-кыргызского предприятия
«Шипьяп-Ош».

Преуспевающий предприниматель. Мы оказались рядом в самолете — я летела на учредительную конференцию Конгресса женщин Республики.

Я удивилась, когда мой молодой сосед — осетин или дагестанец — заговорил на чистом кыргызском языке с другой соседкой. Но выяснилось, что Кабулжан — узбек.

Увидев, как я правлю рукопись на коленях, он сказал, что Ибраимов был удивительным человеком. Оказывается, некоторое время Кабулжан, работал в отделе обкома комсомола по руководству строительными студенческими отрядами (ССО).

— Эже, я не поверил своим глазам, когда среди пассажиров автобуса увидел первого секретаря обкома партии Султана Ибраимова. Так и вышли мы с ним у базара. О том, что я из любопытства шел следом, — он не знал. Султан Ибраимович шел по рядом, спрашивал о ценах и что-то покупал. Об этом я рассказал в отделе.

Вообще-то я категорически отрицаю мнение о том времени как о сплошном застое. Мы научились много работать и не уставать. Именно в то время. А сейчас явно не хватает той организаторской жилки, контроля исполнения, твердой дисциплины. Мы были ближе к джентльменскому слову чести, но опошлял его чрезмерный диктат, кстати взвинчиваемый второстепенными лицами в шиелоне власти. Они нередко срывали карьеру ярких одаренных

людей. А Султан Ибраимович считался со своими подчиненными, лично общался и с дворником и с техничкой.

Что ни говорите, а недалекий человек, если он к тому же и карьерист, всегда компенсирует свою незначительность жесткостью, бестактностью, доносами. Исполнительных же, трудолюбивых людей отличает робость порядочного человека перед хамством и грубостью, и они оберегают свою чистую оболочку от откровенного столкновения с этими пороками. Но изворотливые люди всегда отличаются огромным инстинктом самосохранения и могут найти выгодные варианты самопроявления. И такие паутинообразные сообщества даже Султану Ибраимову не под силу было разорвать за 10 лет правления. Не изжитые, оставшиеся элементы после его гибели спаялись уже в конгломераты, сегодня это уже айсберги с небольшим наружным верхом и пучинными подводными размерами, подтачивающие наше бытие... Однако рано или поздно все государства проходят через такое перераспределение сил. Не удивлюсь, если в Сусамыре или Нарыне появится устрашающая военная база, но думаю, что женщины Кыргызстана этого не допустят, если решили выйти на международную арену с новой женской организацией — Конгрессом женщин. За вашу честь, образование и карьеру боролся Султан Ибраимов. Так что дерзайте!

Я бываю во многих странах — ближних и дальних, — но горжусь интеллектом и образованием наших женщин. Удачи Вам! А Кыргызстан — уверен — выйдет из прорыва с уважением к закону и к своей истории.

ОКТОМ МАМАЕВА —

поэтесса

У ней нет врагов и нет завистников. Она лишена комплексов и лицемерия. Ее «сольный» вклад — борьба за мужество мужчин. Мужская низость низвергает ее до горечи, когда она в сердцах может сказать, что в такой момент горько называться кыргызкой.

— Молодым инженером-технологом я пришла на Ошский насосный завод. Учиться надо было многому, а тут дети малые, мне тогда помогала простая русская женщина Нина. Вечером, когда я забирала сына, она шла убирать кабинет Султана Ибраимова. Она говорила, что с ней он ведет очень человечные диалоги, а однажды, заметив грусть и узнав причину, даже соединил по правительственной линии с войсковой частью на севере России и позволил напрямую поговорить с сыном. Интерес к этому человеку у меня рос с каждым днем, и вот в 75 году состоялся молодежный фестиваль «Весна Ала-Тоо», в котором я даже принимала участие от насосного завода. Когда я стояла рядом с первым секретарем горкома партии Ильясом Касендеевым, Ибраимов, спросив, какова готовность выступающих, лично просмотрел мои бумаги — я поразилась. Это была не цензура, а забота о моем выступлении, об авторитете Оша и области.

«Не надо так волноваться, дочка. Ты же знаешь, кто тебя сейчас поддерживает — Кыз Сайкал, Жаныл мырза... Выкажи спокойно, хорошие мысли изложены».

РАХМАН ТОЙЧУЕВ —

заведующий хирургическим отделением Ошской областной детской больницы

Оперировали моего внука. Я, в роли сведущей бабушки, зашла посоветоваться и проконсультироваться с сильнейшим специалистом и увидела на стене портрет хирурга Шайназарова, который оперировал моего сына — отца моего теперешнего внука — и небольшую фотокарточку Султана Ибраимова... Я спросила о причине каждодневного общения врача с партийным лидером...

— Вы правы, что клан медиков, истинных врачей не творит себе кумиров, идолов просто так, воздавая дань моде. Шайназаров — это образец служения людям. Ибраимов — образец возвышения личности человека. С Шайназаровым я работал вместе, видел его затяжную борьбу во имя спасения больных детей. А перед Ибраимовым стал преклоняться с первой встречи. К тому же потом мне пришлось встречаться с людьми совершенно иного склада. Понимаете, у первого секретаря всю ночь болел впуск, и они с женой не спали, принимая доступные им меры, чтобы не беспокоить уставших врачей ночью; а заболел кто-либо из его коллег — первым бы просил о помощи, да еще бы приговаривал о ценности и незаменимости, неповторимости и смелости этих людей — для каждого он находил редкие и возвышенные эпитеты. Лет семь я был знаком с ним и его семьей и говорю: Султан Ибраимов был неповторимым Человеком!

ШАРАП ЭГЕМБЕРДИЕВ —

директор Чон-Алайского госплемзавода «Кашка-Суу», народный депутат Кыргызской Республики

Начиналась его карьера с рекомендации Султана Ибраимова на должность директора МЖС.

— Султан Ибраимович говорил нам, что никогда нельзя умалять значение местечка Шор-Талаа — Солёные поля, предсказывая, что со временем они станут Май-Талаа — Масляными или сливочными полями. И вправду, самые отменные сочные корма, картофель и зерно и выращивают там.

И перевал Жиптик он планировал освоить, оттуда через Кожокелен до Оша открыть трассу — это до областного центра составило бы всего 130 километров, а то по самым высоким перевалам и головокружительным трассам едем целый день.

Примечательно, что в такое тяжёлое время на том перевале открыли залежи угля. А ведь Султан Ибраимович мечтал после освоения Бургандинского массива переключиться на золото, уголь, соль, мрамор и нефть Чон-Алайской долины. Союзные изыскатели четверть века тому назад нам сказали, что там — на том берегу реки (при этом он показывал рукой за окно) огромные реки по подземным руслам текут в другую сторону. Султан Ибраимович очень торопился, но не успел.

В последний раз он был у нас в сентябре 80 года. Да, равный ему по мудрости, человеколюбию и умению предвидеть появится не скоро.

Вы заинтересовались о моих нынешних делах. Так вот, я

столько раз в жизни убеждался, что пусть даже поздно, но жизнь всегда расставляла все по местам. Если бы не было такой справедливой раскладки вещей, то не было бы жизни вообще. Просто до смехотворного неприлично смотреть, как примитивны довольно солидные люди, ввязавшись в эту заведомо нечистоплотную игру. Но точку поставим только после них...

Выйдя из конторы, я увидела радугу: слева она упиралась в дальние холмы, а справа — в подножье великого альпинистского пика. Я впервые была там, где рождается радуга, а, по поверью, это — к свету, она оттесняет засилье темных красок. Мир так ярок сам по себе, и только мы привносим в него темные цвета...

ЖУМГАЛБЕК БЕКСУЛТАНОВИЧ АМАНБАЕВ —
бывший вице-премьер-министр,
до путча — первый секретарь ЦК

Я упоминала эту фамилию в эпизоде на субботнике в совхозе «Кенеш» в апреле 75 года. Он — кандидат сельскохозяйственных наук — тогда был заведующим сельхозотделом обкома партии. Человек огромной эрудиции, буквально «напичканный» неисчислимым запасом неординарных знаний на все случаи жизни.

На «ковёр» к нему не очень-то хотелось попасть, особенно после его избрания секретарем обкома по сельскому хозяйству. Его искрящийся юмор становился убийственным, поскольку он заставлял провинившихся безудержно смеяться над своей профессиональной нелепостью и несостоятельностью своих аргументов.

Он мощно восседал в высоком кресле, справа стоял чайник огромных размеров; разливая чай, он не спеша поворачивал крутую шею к провинившемуся бедолаге:

— Пей-пей, и особо-то не ерпенься. Комету с Омегой стыкуют, а уж директора совхоза найдем. Вот и подход у тебя научный и практик ты умный, но дело-то не идет. А середняк план выполняет, не кичится числом дипломов. И придираюсь к тебе не потому, что у тебя очень фотогеничное лицо, а потому, что людям нужна продукция.

И тут же, показывая на меня:

— Тоже сложная личность. Девичью фамилию не меняет уже сколько лет, ладно бы ограничилась такой своеправностью, ан нет, защищая своих, выцарапает глаза и датчику молока и работникам магазинов... Вы это прекращайте, спуститесь с московских небес. И заготовку будете выполнять и торговые точки обслуживать по договорам... А муж ведь любит...

Жумгалбек Бексултанович никогда не выходил из себя.

Гипнотизирующий авторитет обкома, разница лет, да и незлобивость его слов не переубедили меня. Будучи заместителем директора молочного комбината, я всегда почему-то оказывалась на самых ответственных заседаниях и при горячих, спорных разбирательствах. Сейчас об этом не жалею.

На совещаниях он не восседал, напыжившись от важности; когда что-то говорил — выходил на середину сцены и без трибуны и микрофона делал сообщение или объявление. По залу проходило оживление, потом наступала тишина...

После путча я совершенно случайно встретила его на улице. Шло следствие. Я молилась, чтобы все достойно вышло из этой нелепой ситуации. И то, что он потом стал вице-премьером — это уже рыцарский поступок Президента. Решение использовать на пользу дела опыт, знания, рейтинг в стране А. Масалиева, У. Сыдыкова было вызывающим уважение поступком Президента.

— *Смотри, какое интересное время, сколько ярких людей оно дало... Да, у тебя очень естественные вопросы... Нас, входящих в состав огромной страны, к московским подробностям, однако, почти не допускали. После II, III, IV съездов народных депутатов, после того, как была убрана шестая статья Конституции СССР, — лично я ожидал резких перемен, но что это закончится путчем — не предполагал.*

Столкновение мощных группировок руководителей СССР эхом отозвалось на руководителях союзных республик. А ведь мы с Президентом готовились лететь на подписание союзного договора.

Ты права в том, что отмечаешь ровный и последовательный рост в моей карьере, но то, что я — «тупирист», — это непонятость, временная моя растерянность. Как физиолог, я допускаю всякое состояние души, даже у самого волевого человека.

Конечно, в такие минуты я вспоминал Султана Ибраи-

мовича. Несмотря на свой непререкаемый авторитет, он был очень ранимым человеком, а потому очень щадил других. Он фанатично верил в дух, энергию, нравственные качества, искренность и трудолюбие того, кому поверил однажды. Этим, оказывается, он подтягивал и обязывал их соответствовать планке его критериев. А меня тщательно знакомил с людьми, состоянием дел. Мою идею поддержит, одобрит и очень своеобразно мне же и поручит исполнение, изучая и наблюдая со стороны, заведомо упреждая и устраняя возможные казусы. В нем было редкое сочетание всех качеств лидера, руководителя, наставника и товарища.

Расспросами о путче я не стала беречь его раны...

АБДИШУКУР ИСАБАЕВ —

председатель Ошского облсовета
народных депутатов

События 90 года вывели на политическую арену основательных, мужественных, мудрых людей, хотя их итогами и по сей день пользуются еще некоторые популисты и карьеристы.

Абдишукур Исабаевич — большой хозяйственник, следивший свою карьеру с помощью завидной деловитости, компетентности, большой коммуникабельности и совершенного знания нашего языка. Не случайно 90 год обязал всех остановить выбор на нем.

Агроном по образованию, Абдишукур Исабаев возглавил, с благословения Султана Ибраимова, в 75 году

совхоз «Узген». За заслуги был избран членом обкома партии. Совхоз специализировался на табаке, зерновых, а по семенам люцерны в тогдашнем Союзе занимал первое место по валовому производству и урожайности (3,5 центнера с гектара).

В 83 году директор оставил совхоз с чистой прибылью 4,5 миллиона рублей. Сегодня эту сумму грубо можно приравнять к такой же сумме в долларах. Был переведен председателем Араванского райисполкома; в мае 85 года избран первым секретарем, в 90-м секретарем по сельскому хозяйству, в июне — председателем облисполкома, в 91-м — первым заместителем председателя облсовета, а с 92 года — председатель облкенеша, народный депутат. Заговорив о газетной заметке по моей книге о Султানে Ибраимове, Абдишукур Исабаевич еще раз вернул меня к той постоянной мысли, что Султан Ибраимович остался в памяти самых разных людей настолько доброй и сильной личностью, что его образ так и подталкивает обязательно сказать хоть несколько теплых слов...

— Султан Ибраимович очень часто бывал в совхозе «Узген» — он будто чувствовал момент, когда наступала пора решения назревших вопросов. А таких хозяйств — сотни. Тем не менее, когда подводили итоги хозяйственной деятельности или вручали областные, республиканские, союзные награды, он старался непременно присутствовать и участвовать лично. Не потому, что не доверял другим, просто считал необходимостью неустанно отслеживать пути к успеху и достижениям тех, к кому был чрезмерно взыскателен. Из воспоминаний о нем каждого из его современников можно написать отдельную книгу, но это невозможно осуществить...

МАМАТКАЗЫ ЭРГАШЕВ —

ветеран труда

В партийной истории найдутся единицы тех, которых бы так беспощадно, во всеулышание «прокатили». А ведь он был одним из любимых «ibraimovских кадров».

За 21 год в должности первого секретаря ряда райкомов не было ни одного наказания и вдруг... обвинили в подтасовке документов о высшем образовании, воинском звании, паспортных данных о возрасте, приписали операцию «Чинара», вызвавшую в свое время большой шум. И не только в Ленинском районе и Ошской области. Все это уточнялось, шла постепенная реабилитация.

Кстати, в пору бытности его первым секретарем в Ленинском районе случился скандал в Кочкор-Атинском интернате. И получилось так, что главным обвиняемым стал мой двоюродный брат. Ему было 24 года — пора горячая, к тому же его «подсиживал» тогдашний зав. районо, неприянь которого усугублялась старой его враждой с отцом молодого педагога, то есть с моим дядей-бунтовщиком. Непорядочные люди всегда могут найти нужные им аргументы, и в то благодатное время прекрасный физик и математик в течение года оставался без работы, под угрозой тюрьмы (за что?!). Шел 75 год, у него была жена и двое маленьких детей. О нем были проинформированы должным образом все образовательные структуры тогдашней огромной Ошской области. Благо нашелся решительный северянин, который не внял этим предупреждениям и взял его на работу в Оше.

Да, были такие первые секретари, которые не любили,

когда им пытались разъяснить подлость преданных людей. Забыв о своем величии, они порой воевали с обычными, ни в чем не повинными людьми. Этого отрицать нельзя. Сколько такого ненаказуемого хамства пережила я сама...

Но сын Маматказы Эргашевича Вахиджан (он того и не ведает!) своей воспитанностью, человечностью, работоспособностью и неподдельной порядочностью заставил меня по-новому разглядеть истинный характер и критерий нравственных ценностей Маматказы Эргашева. Я попросила Вахиджана — заместителя губернатора Жалал-Абадской области — помочь мне встретиться с его отцом; до этого он мне помогал в решении всех женских вопросов, но об отце речи никогда не было.

И вот я говорю с Маматказы Эргашевым, иногда пристально вглядываюсь в его ухоженное, по-мужски красивое лицо. Он мне симпатичен и по мере диалога нравится все больше и больше. А еще я подумала о том, что в этой книге ведь есть и те, которые причинили существенное зло моему отцу. И, видимо, нужно, закономерно, чтобы эпохи сменялись хотя бы для того, чтобы нам хоть иногда посмотреть друг на друга, «незашоренными» глазами...

— В 67 году оказалось так, что мы с Султаном Ибраимовичем участвовали в работе февральского Пленума ЦК КПСС и жили вместе в московской гостинице. Запомнился он мне огромной деловитостью. Был он тогда министром водного хозяйства.

Приехал в нашу область в 68 году, я все еще работал первым секретарем Сузакского райкома партии. Сработались мы сразу. В нем редкое сочетание понимания, сострадания с жесткостью, требовательностью, в то же время глубокие знания во всех областях народного хозяйства, науки, культуры — многие выдавшие виды руководители внутренне пасовали перед ним.

Очень уважал мнения и предложения, идущие снизу, изучал их на местах, а потом делал выводы. Как водник-гидрометеоролог точно рассчитал целесообразность освоения земель массива Кызыл-Жар, где долгие годы директорствовал Николай Осипович Мешков. В результате (это уже годы моей работы в Ленинском районе) мы получили 14 тонн хлопка и впоследствии отделили совхоз «Таш-Кульмр».

За 10 лет работы Султана Ибраимова в области были обновлены 100 процентов кошар. Никак не могу принять мотивов их теперешнего разбазаривания.

Была у Ибраимова мечта — построить дорогу Фрунзе — Ош через Кызыл-Унгур — Кара-Коль — Токтогул. Веками люди так общались друг с другом, и дорога бы сократилась почти на две сотни километров. Даже были предприняты практические меры. Мы, проектировщики, дорожники, строители — всего 12 человек — на лошадях проехали до Токтогула, где нас встретил тамошний первый секретарь Эргеш Ормонов. Да, дорога, была бы короче и безопасней, чем идущая по-над водохранилищами.

В таких поездках — своеобразном совмещении безотлагательной работы и размышлений — он, видимо, черпал запас энергии и оптимизма. А уж общение было для него этаким дыханием. Думаю, в этом секрет того, что он подолгу мог не спать. Семинары, организуемые по любым новинкам Союза, завершались культурной программой. Так, в Кочкорском районе мы изучали, как сохранять молодняк при зимнем окоте, а в Таласе, в хозяйстве Героя Социалистического Труда Камалова, ставшего потом первым секретарем Калининского райкома партии, нас учили методу полива «шербет-суу» с использованием навоза.

Перед уборкой хлопка руководителей хлопкосеющих районов он отправлял дней на десять отдыхать на озеро, а потом уж мы «вкалывали».

Очень не любил необоснованных обещаний; не переносил равнодушия.

Он неподдельно горевал, когда ушли от нас председатели колхозов «Ленин-Жол», имени Дзержинского, и, когда было надо, лично участвовал в решении проблем семьи.

Почти никогда не ошибался. Предрек большое будущее Апасу Жумагулову, который работал главным инженером в Кочкор-Атинской «Кыргызнефти» — все инженерное, техническое, информационное оснащение большого сложного производства держалось на нем. И неспроста он ушел отсюда сразу заведующим отделом ЦК. Разглядел и Бегимкула Тороголдиева, Эркина Алиева, Жолболду Текенова...

Помню, как в 76 году на 25 съезде КПСС в Москве я хотел в знак благодарности сделать скромный мужской подарок и обжегся так, что запомнил на всю жизнь. Честнейший человек.

Другом он был и в Андижане, и в Фергане, и в Москве. Дружил семьями.

В этот момент меня кольнуло неудержимое желание спросить Маматказы Эргашевича: не было ли в 77 году,

когда он работал первым секретарем Кара-Суйского райкома партии, такого случая, когда ходоки из Жалал-Абадского молочного комбината просили его заступиться за них: я там смертельно схватилась с людьми, которых он знал еще в свою бытность первым в Сузакском райкоме (это я описала при беседе с Темирбеком Худайбергеновичем Кошоевым). Ведь меня тогда публично пугали фамилиями Эргашева и Арятикова — заместителя заведующего сельхозотделом обкома.

Мне было 27 лет, и менять окраску, как мимикрия, я не умела. Вызвала комиссию из Москвы, прослыла бог весть кем. Меня осуждал даже муж и его родня. К созданию мнения — так назывался подлый донос — были подключены многие бывшие работники, старухи в подъездах, любовники и любовницы, взяточники и взяточдатели — немыслимое множество людей. Встревоженные отец и мать и рассерженный муж укрощали меня. Никто не хотел понять, что пять тонн молочного жира (если подсчитать грубо, то сейчас это составит сумму в 15 тысяч долларов) съели толстые дяди и тети и, выждав удобный момент, обвинили меня и мастера, даже не директора, который пришел на месяц раньше. И меня уволили за бесконтрольность и некомпетентность, которые я успела проявить за месяц работы — с 1 по 30 октября 1977 года. Так было. Но я не ушла, а проработала еще 13 лет по специальности. Спасла мастера и себя. Но, видно, Эргашев об этом не знал, иначе бы он не пришел...

— Однажды Султан Ибраимович к юбилею московского друга попросил заказать портрет из орехового дерева, и каково же было мое удивление, когда он назвал адрес мастера резьбы по дереву — русского учителя из села Советское, что неподалеку от Базар-Кургана. Значит, и в такие тонкости он входил сам, но в данном случае, видимо, хотел немного разрядить обстановку после моей нелепой попытки поднести подарок... Я это понял — натянутость в душе растворилась без осадка, осталось удивление: я жил рядом с мастером и ничего не слышал о нем...

На похоронах его был, но ощущение невысказанности этого горя так и осталось в моей душе до сих пор.

МЕНДИ МАМАЗАЙРОВА —

драматург, прозаик, заслуженный
деятель искусств, вдова великого
Жолона Мамытова

По ее приглашению оказалась в поздний осенний вечер в ее новой квартире, где встретила с хорошими людьми. После многих теплых слов приветствий, зашел разговор о цели моего приезда. И здесь каждый высказался о Султане Ибраимове.

— С 68 года, с момента открытия Ошского отделения телерадио, Жолон работал старшим редактором, оставив свою профессию ветеринарного врача. К этому времени он уже был известен как поэт.

Роль и участие Султана Ибраимовича в судьбе Жолона и вообще в становлении нашей семьи трудно переоценить. И по истечении лет, прошедших без него, я образно представляю его как беркута, замершего в выси и своим зорким взглядом, чутьем познающего и отбирающего каждого для великого акта созидания...

В 71 году Жолон возвращался со всесоюзного фестиваля молодых поэтов, проходившего в Ереване. Так получилось, что в Ош они летели в одном самолете с Султаном Ибраимовым. Жолон скромно читал газету в салоне, каково же было его удивление, когда, спустившись с трапа, он узнал, что Султан Ибраимович с помощником ждут именно его. А ведь просто поздоровались у входа в самолет. Спросил, куда подвезти, и был огорчен, что Жолон с четырьмя детьми живет в пригороде — Толойконе.

«Большой семье, тем более творческой, нужно создавать условия. После ноябрьских праздников приходи ко мне,

поговорим. Я весьма доволен твоей работой и буду рад способствовать твоему росту. Постарайся застать меня прямо у входа — прихожу я около восьми». (Тогда не было разделения летнего и зимнего времени и рабочий день начинался в девять утра. — С.Ш.)

И нам, действительно, дали трехкомнатную квартиру в престижном «Доме счастья» на Араванской... Мы не были его родственниками, земляками, да и в услугах наших он не нуждался.

Когда встал вопрос о переводе Жолона на работу в Союз кинематографистов, в столицу, некоторые всячески пытались удержать его в Оше, даже упрекали квартирой, к которой они не имели никакого отношения. К тому же, их выводило из себя, что на авторитетный пост Жолона пригласил сам Чингиз Айтматов. И Султан Ибраимов способствовал обмену квартиры на фрунзенскую, не только благословил, но и решил вопрос о партийности Жолона, рискованно взяв на себя всю ответственность. Работая на посту Председателя Совета Министров, Султан Ибраимович никогда не упускал случая представить (и очень высоко) Жолона своему окружению. При каждой встрече сначала расспрашивал о нас — жене и детях, — а потом уже о творчестве.

Он был неизменен от начала до конца. При его великой простоте в его присутствии моментально слетало чванство, высокомерие с некоторых деятелей.

... Это была всенародная трагедия, когда Султан Ибраимов так неожиданно погиб. На его похоронах поток людей был нескончаем. Прилетевшие или приехавшие с юга сокрушались, что не надо ему было оттуда уезжать. Слез был много, но до сих пор перед могилой глазами стоит сухонькая, пожилая русская женщина, вся в слезах, говорящая тем, кто стоял рядом: «Вы еще не понимаете, кого потеряли. Ибраимов — не киргиз, не русский, а великий Человек!..»

Это была поистине всенародная трагедия.

Хорошие люди не только при жизни сплывают около себя других, но даже из другого мира их дух способствует единению добра. И время тому — не помеха!

ДУЙШЕН БАЙБОБЕТОВ —

народный артист
Кыргызской Республики

Впервые с Дуйшеном я познакомилась в Москве в 1970 году на встрече земляков-студентов. Потом увидела его героев — айтматовского Ильяса в фильме Ирины Поплавской «Я — Тянь-Шань». В 74 году, зимой, состоялась премьера «Курманбека» в новом здании Ошского кыргызского драматического театра, и я по приезде из Москвы — новый комсомольский работник — оценила Дуйшена в главной роли.

Спустя двадцать лет, я нашла Дуйшена очень сдержанным мужчиной с легкой сединой и умным, пронизательным взглядом. Конечно, все эти годы я издали наблюдала за его работой над Токтогулом, Аширбаем, Акылбеком, поддерживала его славу, отмечая устойчивость, последовательность и взыскательность. В тот вечер мне показалось, что Дуйшен сам из некогда самоуверенного, беспечного, романтического Ильяса, обреченного желанию упрямо, вопреки здравому смыслу, самоутвердиться, отдавшего в жертву свою любовь, переплавился в мудрого, рассудительного, чистого душой Акылбека.

А в тот вечер Дуйшен взволнованно говорил о заслугах первого секретаря Ошского обкома партии в становлении театра, сильнейшего в то время не только в республике, но и в Союзе.

В начале книги уже говорилось о том, что именно Султан Ибраимов пригласил на юг группу выпускников Московского Государственного института театрального искусства (ГИТИСа) с обещанием нового театра и квартир.

Два года артисты работали в Жалал-Абаде, а в 74-м переехали в Ош. Я, начав работать в Ошском горкоме комсомола, сразу получила «боевое крещение» — написала сценарий встречи монгольской и эстонской молодежной делегаций и участвовала в специально организованном субботнике по уборке из театра строительного мусора. Зимой состоялась премьера «Курманбека». Официальное открытие театра было 15 марта 1975 года. На это огромное торжество культуры в нашей области я была приглашена начальником областного управления культуры Сыдыком Мадумаровым уже в качестве работника облисполкома. Был дан концерт ансамбля «Мин кыял» (о нем — ниже). Прекрасно пел Дуйшен в тот день — двадцать лет назад. А сейчас он вспоминал...

— Была весенняя оттепель 76 года. Черно-серые проталины, десятки ручейков звенели на обочинах. Мы на своем автобусе ехали в Жалал-Абад, и у выезда из Кара-Суу наши женщины по обыкновению решили остановиться у магазина. Мы ждали. Вдруг остановилась правительственная «Волга», сопровождаемая ГАИ, и вышел Султан Ибраимов, аккуратно перешагнув через ручейки и направился напрямик к нашему театральному автобусу. Мы удивленно привстали с мест, каждому он пожал руку, а потом у меня спросил: «Как твой рыжий Данияр, растет?» — на что я попытался что-то ответить.

Работа, наши квартиры, решение каких-то проблем — все наше решил Он.

САЙРАГУЛЬ ТЕМИРАЛИЕВА —

эколог, почвовед

Ее доброжелательная внешность, манера сочно выражаться об известных, талантливых людях — все это я восприняла благожелательно и поняла, что в культуре — она человек не посторонний.

— В составе сотрудников нашего института Киргизгипрозем в начале декабря 80 года я участвовала в республиканском совещании картофелеводов. Слушая доклад Председателя Совмина — Султана Ибраимова, я поразила профессионально-тонкой увязке теории и практики. Ведь многие практики несколько насмешливо относятся к научной достоверности отдельных предложений. И поразило то, что все слушали его на одном дыхании, — значит, он смог нащупать общую для всех наболевшую струнку... Как жаль, что кроме официальных данных ничего о нем не знала, но почему-то и мною тогда овладела боль невосполнимой утраты...

ГУЛЬСАЙРА МОМУНОВА —

поэтесса, заслуженный работник культуры

Прочитала свое посвящение Султану Ибраимову, строки которого я слышала на презентации его фонда 15 мая 1993

года. Я тут же их перевела на русский язык и в том искреннем, вечернем варианте привожу здесь

— В черной ауре разбойничья ночь,
И посреди ночи обреченный глас:
«О люди, иноходец унесся прочь,
О люди, сына, лишили вас...»

Жил орел по законам орлиным,
С высшим миром шаги сверяя,
Но зависть оказалась всецельной,
Губительно все заземляя...

Торжествуя ложь возносилась,
В злорадстве она прослезилась...
И зависть своего добила, —
Лишив жизни его, — не винилась...

Мудрого Бакая потомок,
Последователь Манаса-батыра,
Опорой каждого дома
Неподдельно прослыл неспроста ты!

Плакали в горькой утрате,
Плакали звезды в вышине:
Вестью народ был подавлен
И поныне помнит о тебе!

Дуйшен негромко запел, поминая Султана Ибраимова песней Жолона Мамытова и Рысбая Абдыкадырова, и будто гениальный дух троих ушедших от нас витал над нами, осветляя нас для новых дум, новых стремлений, новых надежд. В эту позднюю ночь рождения новой луны мы будто причадили к берегу истинной ценности человеческой жизни, устав от непреходящего поиска наших следов на земле и среди звезд.

Редко, но случается так, что один начатый разговор потом продолжается.

Менди эже, Сайрагуль эже, Гульсайра эже были неразлучны несколько дней подряд, и начатый разговор как будто и не прерывался.

... Направляясь в филармонию на юбилей, посвященный 100-летию Алымкула Усенбаева, мы заговорили о том, как всенародно строились эта мощная филармония, ресторан

«Нарын», центральные беломраморные апартаменты. Даже сравнительно небольшая наша организация — Жалал-Абадский молочный комбинат — ежемесячно выплачивала командировочные и отправляла одного-двух человек на эти стройки, во главе которых стоял Султан Ибраимов...

...После торжественного концерта, посвященного 20-летию ансамбля девушек «Кыз Бурак», я вспомнила, как в 74 году мы говорили с тогдашним секретарем обкома комсомола Розой Музурбековной Алымбековой о создании девичьего ансамбля и мечтали назвать его «Кыз Бурак». С этой идеей пришли ко второму секретарю обкома комсомола Николаю Петровичу Давыдову, а потом уже и к первому — Насирдину Исанову.

Николай Петрович шуточно подзадорил, особенно, меня: «Наберете привлеченных средств сверх плана — пожалуйте. Возражать не станем».

А Насирдин Исанович восхитился идеей: «Это было бы большим подспорьем в воспитании девушек!»

В 74 году «Кыз Бурак» нам создать не удалось, в начале 75 года при театре артисты создали ансамбль «Мин кыял»; к этому времени при женском педагогическом институте уже работал ансамбль «Шоола». В конце 75-го или в начале 76-го Султан Ибраимович побывал в Одессе, где услышал концерт ансамбля «Морячка», и по приезде в Ош немедленно поставил перед культурным активом области цель — создать девичий ансамбль. Так «Мин кыял» — «Тысяча грез» под руководством Рахмана Салмаматова и «Шоола» — «Луч» под руководством Гулшайыр Садыбакасовой переросли в девичий ансамбль «Кыз Бурак» при Ошском шелковом комбинате. Под руководством Рахмана Салмаматова ансамбль удивлял слушателей союзных городов, Польши и Венгрии. Потом Салмаматов оказался в тюрьме, а Гулшайыр Садыбакасова стала прекрасным руководителем ансамбля, из года в год возвышающим его имидж... Сколько талантливых, красивых, озорных девушек воспитал «Кыз Бурак»!

Видно, Султан Ибраимович сердцем чувствовал, что нашим девушкам, женщинам нужен девичий ансамбль, возвышающий их дух и талант.

Ну а если вдуматься глубже? Веками доказано, что чистоту помыслов, высокую нравственность, неустанную заботу, самоотверженный труд и удивительные формы самореализации привносит в этот мир женщина. Неспроста Султан Ибраимович не снимал с повестки дня создание

девичьего ансамбля. Недаром он тщательно готовился к каждому выступлению перед женщинами — хлопкоробами, доярками. В выступлениях он особо подчеркивал такой критерий, как материнство, — от него любовь к человечеству, а уж от последней — ее производные: долг, совесть, честь, ответственность.

Вот так постоянно — чего ни коснись — развивались наши женские представления о великом государственном деятеле Султানে Ибраимове.

АЗИМ КАРАШЕВ —

глава Кадамжайской районной
государственной администрации

За неполный год моего редкого общения с Азимом Карашевичем я попыталась понять мотивы неприятия его довольно большим числом моих знакомых. Но когда его начала хвалить Марапат Досова — эта бесстрашная женщина, которая шла на все, чтобы прийти к перемирию сквозь узгенскую трагедию, — я ей поверила. Хотя я пыталась понять, откуда в нем такая шепегильность — требование к чистоте служебных помещений, этот белый чехол на служебном кресле, нетерпимость к опаздывающим, слабость к цветам. Он один из облгосадминистрации пришел со своим помощником на мой авторский вечер. Я восхитилась, когда огромная коробка пятиэтажного агропрома в свисающих гирляндах паутины и пылевых завесах

задышала известью и красками, — тогда Карашев совмещал должности заместителя акима и руководителя департамента по сельскому хозяйству. Удивлялась его решительности и негромкому голосу.

Я искренне страдала, когда после его прихода в Узген горы сурово расправились в Тосое и Комсомоле с людьми за их приверженность к ним. Нашлись даже такие, которые пытались кармически объяснить, что карашевская аура тяжела и неприемлема, что его энергетика — носитель горя, и я не смогла противостоять этим суждениям. Хотя в душе я так не считала. Он же слушает всех, но пространных речей не принимает. Деловит, по-своему ведет реформы.

— В 29 лет мне предложили должность директора совхоза имени 50-летия Кыргызстана Узгенского района. Тогда на все номенклатурные должности кандидаты утверждались после беседы с первым секретарем обкома партии. Помню, как встретил меня Султан Ибраимов, встав из-за стола, подал мне руку. И незаменно для меня прошли полчаса доверительной беседы. Я очень хорошо запомнил ее: он советовал мне уметь выслушать каждого, даже того, кто провоцирует на грубость или резкость. И с такими больше встречаться один на один, приводить убедительные доводы об их ошибочном поведении. Эти слова Султан Ибраимович говорил с такой логической силой и убеждением, что они не забылись до сих пор.

В то же лето 72 года в нашем хозяйстве внепланово построили методом «аишар» 29 кошар. И это стало известно Совету Министров, который намеревался заслушать мой отчет на своем заседании. Я примчался прямо к Султану Ибраимову. Он очень внимательно и доброжелательно выслушал меня и, к моему удивлению, вместо выговора и нотаций позвонил в «Колхозпроект», кратко изложив суть дела и подчеркнув свое восхищение нашей работой. В результате через четыре дня у меня на руках оказались все 29 проектно-сметных документов на строительство кошар. Так я был спасен — тогда за внеплановое строительство карали сурово.

Еще одно неординарное качество я хотел бы отметить в Султানে Ибраимове. Приехал он к нам с депутатом Верховного Совета Киргизской ССР. Людей на встрече было очень много. Честно говоря, их интерес был не столько к депутату, сколько к нашему первому. И вопросы больше задавали Ибраимову, а он пытался тактично их переадресовывать депутату.

В конце собрания встал старик лет 80 и, подняв руки

(тогда это возбранялось), раскрыв ладони, публично попросил у Аллаха счастья и здоровья для Султана Ибраимова, а потом и для депутата. Все встали. Наверное, многим стало не по себе. Но Султан Ибраимов тоже встал, поднял руки и провел ладонями по лицу. Люди захлопали. Этот факт долго вспоминали. Случай единичный, но сколько других напряженных крайностей он умел снимать.

Султан Ибраимов очень высоко ценил писателей, артистов. Служебное наше общение — семинар, обмен опытом — всегда завершалось встречей с поэзией, музыкой. А как естественно он восхищался природой, звездным небом, лунной ночью. Великий, простой человек, который просиделся раз в сто лет!

КАХРАМОН САТЫВАЛДИЕВ —

директор Ошского
хлопчатобумажного
объединения

В 69 году закончил Ташкентский текстильный институт. В 85-м Кахрамон Сатывалдиевич работал в облисполкоме, потом пять лет — до 90 года — возглавлял отдел легкой промышленности обкома партии.

В те годы я слышала о нем как об одном из грамотнейших инженеров нашей республики. Человек мысли, постоянного поиска — Кахрамон Сатывалдиев будто весь соткан из долга и чести.

По итогам 92 года объединение получило междуна-

родный приз за качество продукции в Мехико, а по итогам 93 года, — в Мадриде. Заключен престижный контракт с английской фирмой на миллион триста тысяч долларов за отгрузку продукции.

Японская фирма «Вакаяма» дает пять миллионов долларов на реконструкцию отделочного производства.

Швейной фабрике, шелковому комбинату продают ткань без предоплаты.

Все подчинено тому, чтобы без чрезмерных издержек сохранить максимально возможное число работающих.

— В 78 году я только начал работать главным инженером на комбинате. Султан Ибраимович, я и наш министр легкой промышленности вылетели в Москву по приглашению заместителя Председателя Совета Министров СССР Тихона Яковлевича Киселева (впоследствии он стал первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии).

Нас вызвали в Кремль по вопросу оказания практической помощи текстильному комбинату — на нем работало свыше 12000 посланцев из всех республик.

Само посещение Кремля для меня — еще молодого человека — было впечатляюще.

С нами был и начальник главков Лахтин. За столом расселись так, что Султан Ибраимович, вопреки принятой субординации, посадил меня рядом с собой, отодвинув нашего министра.

Киселев (с позиции сегодняшнего дня думаю, что он был тонким психологом, с мудрым юмором по отношению к молодым) спросил: «С кого начнем? Наверное, с инженера. Ведь ему еще поработать и поработать».

И стал спрашивать о мощностях, специфике производства, качестве сырья, об общежитиях и тут же — о дворце культуры.

Я пыжусь, заикаюсь, но держусь, а Султан Ибраимович участливо подсказывает, рискуя наткнуться на скрытое недовольство. А в конце разговора меня спросили о вузе, который я закончил.

Наконец, вышли из-под давящего груза стен; я готов был на все. И каково же было мое удивление, когда Султан Ибраимович, поглаживая по плечу, сказал: «Молодец, сынок! Так начинается твоя закалка»...

Даже я сам себе в тот момент всыпал бы: «Слушай ты, безголовый, куда ты ехал — на сабантуй или смотрины?! Где твоя четкая деловая подготовка? Позорник»...

Удивительный был человек — Султан Ибраимов. Да и время то было очень интересное и созидательное. Одними вопросами можно было направить начинающего специалиста, руководителя в нужное деловое русло. Собrania, заседания бюро, исполкома — все было источником познания.

ПОПО КАРИМОВА —

ветеран труда, автор ряда книг

Приз Курманжан датки от имени Конгресса женщин республики вручили ей за стабильность жизненной позиции...

— Я встречала много хороших людей, один из них — Султан Ибраимов. Познакомилась с ним, будучи председателем Сузакского райисполкома. Тогда он еще был министром водного хозяйства республики, потом стал секретарем ЦК. Ближе познакомились в Киеве, на всемирном симпозиуме птицеводов. Как работник ЦК Султан Ибраимович возглавлял нашу делегацию.

На сельхозвыставке мы пытались увидеть и усвоить многое. Территория ее — около 25 гектаров — и повсюду птицы разных пород и направлений.

После долгих часов хождения, в обеденное время я разуваюсь и ходила по траве. Вот в таком виде меня однажды и увидел наш первый. Не успела я обуться.

Он настоял, чтобы я в его машине посетила с ним другие

птицефабрики. От Киева они располагались на расстоянии от 60 до 90 километров. Другие поехали в автобусах. Потом делились впечатлениями, отбирали то, что приемлемо в наших условиях.

А на обратном пути в Москву я оказалась в одном купе с Султаном Ибраимовичем и еще с двумя мужчинами. Выехали то вечером. Мучаюсь — как быть?

Султан Ибраимович вышел, за ним — и те двое, я разулась и нырнула под одеяло в чем была. Долго не спали все — разговаривали. Ибраимов больше молчал, слушая других. Об одном случае, оставившем сильное впечатление, мы говорили в купе несколько раз. Кондитерскую фабрику имени Карла Маркса, куда в конце симпозиума привезли его участников, незадолго до нас посетил генерал де Голль — президент Франции. Его родная сестра была замужем за киевлянином и жила по улице Розы Люксембург.

На фабрике нас встречал главный инженер Панура и к киргизской делегации обратился так: «С приездом, дорогие земляки!»

Оказывается, во время войны он был эвакуирован в Киргизию и школу закончил во Фрунзе.

Мы внимательно слушали его рассказ о коллективе, о производстве. А когда нам в подарок сделали несколько коробочек конфет, мы хотели скромно отказаться, но они сказали, что от их «Червичек» не отказался даже де Голль, известный всему миру своей чрезмерной скромностью.

В Москву приехали ближе к обеду, а завтракали в купе. Мой муж в это время был в Москве, на обследовании, я должна была с ним дождаться результатов анализов. Султан Ибраимович обещал предупредить о моем отсутствии на сессии Верховного Совета республики.

В 68 году умер мой муж. Султан Ибраимович вместе с Суумбаевым приехал выразить мне соболезнование.

Зима 68-69 годов выдалась суровой, очень тяжелой, будто испытывала нового первого секретаря вместе со всем народом на стойкость. Вся армия вместе со своей техникой была на расчистке горных дорог, а весной пошли ливни, сели... Чангет, Кугарт, Кара-Дарья — бушевали все реки, сносило мосты.

Однажды стою на берегу Кугарта, из-за шума реки и бульдозеров не расслышала шум подъехавшей машины. И фар не заметила. Оказывается, было около четырех утра. В кирзовых сапогах подходит Султан Ибраимович, и я стою в кирзовых сапогах.

«Что, мужчин нет?» — спрашивает он меня.

«Так прорывает же во многих местах, они, видно, там», — говорю я.

Эргашев был первым в районе, Ибраимов поехал к нему, а я — домой привести себя в порядок, переодеться, переобуться.

Ибраимов очень уважал работников литературы, искусства, тогда проводили различные дни и декады. Он сам сопровождал участников, а меня обязательно включал в их состав. Иногда за такое внимание ко мне становилось даже неловко — как могли расценить это другие председатели исполкомов?! А он: «Очень прошу, Полина Каримовна!»

Так я встречала литераторов Узбекистана, ученых Казахстана — их сопровождал покойный Муса Адышев.

А когда проводили семинары, Султан Ибраимович информации нам давал в полную нагрузку, но потом заставлял отдыхать. Петь он много не мог, а вот слушать и смотреть, как поют и танцуют, очень любил. Песни «18 жаш — 18 лет» и «Чагылган — Молния» он ревностно не позволял никому исполнять, говоря, что они из репертуара Полины Каримовны.

Работа нас всех вела по одной стезе. Эргашева перевели. Пришел Кондратенко, с которым мы с ходу не сработались и крепко сцепились. Разбирали нас на бюро обкома партии, и заседание вел почему-то Петр Михайлович Ходос. Короче, нас разъединили, меня направили во Фрунзенский район, где первым был Мухтар Нургазиев. И ему я почему-то не понравилась. Придирки не по существу и вообще что-то непонятное началось.

В один из дней приехал Барпы Рыспаев и сказал: жители сузакских горных ашлов вами недовольны — в долинах каждая улочка заасфальтирована, а до горных селений у Каримовой руки не дошли. Но ведь горы есть горы. Шесть процентов валового дохода колхозов и совхозов, поступающего в бюджет исполкома, я направила на асфальтирование дорог. В то время мы все те дороги изъездили с Турдакуном Усубалиевым; километраж предполагаемого асфальтирования охватывал все населенные пункты.

С нами был С. Аблесов — начальник РДСУ (начинал там после института дорожным мастером, потом стал начальником ДЭУ).

Впоследствии наш опыт был удостоен заимствования, и на организованный у нас семинар приехали руководители многих районов, городов. И вдруг по истечении времени Б. Рыспаев стал меня этим упрекать. Я ему высказала все, что о нем думаю (Полина Каримовна повторила то, что она говорила Рыспаеву, но я эту часть упускаю. — С. Ш.)

Все дошло до Султана Ибраимова. Мне показалось, что

он начал отдаляться от меня. Неожиданно я сломала ногу и находилась на лечении. Приехал Т.Х.Кошоев и эдак вкрадчиво объяснил, что депутатом меня выдвигают избиратели не Фрунзенского района, а города Майли-Сая. Выходит, из района я уезжаю. Ох и прорвало меня.

Был поздний вечер, когда я на костылях заявила домой к Султану Ибраимовичу.

Его жена Рева — очень человечная, радушная женщина — после моего отказа войти в дом, вынесла стол, стулья.

Чувствовала, что нелегко Первому, но вытала ему все. Он сказал, что они не избавляются от меня, а Майли-Саю — городу со своей спецификой и важным значением — нужен сильный организатор.

Хотелось доработать до пенсии без скачков и переездов: «У меня нет нарушений?» — «Нет.» — «Я вас не подводила?» — «Нет.»

Выяснив это, я уехала на три месяца в Узген, а потом, приехав в Ош, попала на осеннюю ярмарку перед театром. Тут встретила со всеми членами бюро. Султан Ибраимович расспросил о здоровье — и только. Ни упрекающего взгляда, ни многозначительного тона слов.

12 сентября к 4 часам меня вызвали во Фрунзе, в ЦК, к Турдакуну Усубалиевичу. Это — решительный, тонко чувствующий человек. Говорили долго:

«Что будем теперь делать?» — спросил он, будто советуясь. — «Вынужденно поеду работать», — ответила я. — «Хорошо, утвердим», — сказал он, а потом поздравил с выходом моей книги.

Время шло. Султан Ибраимович стал Председателем Президиума, потом Председателем Совета Министров. Я упорно пыталась с ним не встречаться. В марте 80 года в зал зашел Пролеев — его помощник и попросил завтра в 10 часов зайти к Султану Ибраимовичу.

До этого, по записке, не пошла, но на этот раз какая-то интуиция заставила меня пойти. В приемной были пять министров и я. Он меня принял первой. В кабинете быстро пошел мне навстречу — и смягчилась моя душа, отошла моя обида. Заговорил о моей книге и предложил свою помощь в переводе на русский язык.

А потом — прямой твердый взгляд и слова: «Я допустил человеческую слабость».

«Конечно, если десять разных людей говорили про меня, а я оставалась сама по себе»...

В эту минуту я поняла всю гениальность и величие этого

человека, который в себе носил вину за мою обиду. Он признался, что был несправедлив, нашел в себе силы, чтобы высказать это откровенно; сказал, кого он послушал, чтобы я не грешила на невиновных. На такой поступок способен далеко не каждый власть имущий, потому он велик и сегодня.

АЙКОКУЛЬ МИРЗАКАРИМОВА —

начальник Ошского
облуправления культуры

Знаю ее с детства — жили по соседству.

— Первый раз я увидела Султана Ибраимова в 71 году, когда в Узгене был областной семинар женсоветов (я возглавляла Советский районный женсовет). Настолько запала в душу его речь — очень уважительная к женщинам.

А в 73 году, беседуя со мной о должности ответственного секретаря Советского райисполкома, он подчеркнул: «Конечно, это похвально — учиться заочно, растить четверых детей и работать. Но от вас еще требуется постоянная, неустанная учеба».

Я очень благодарна своему мужу, который принимал все меры, чтобы разгрузить меня в быту. Я заочно окончила пединститут, институт хлопководства, академию общественных наук. Муж понимал тяжесть и ответственность моей должности.

В начале 78 года у меня случилась неприятность — Султану Ибраимову из Советского района поступило письмо, обвиняющее меня во всех смертных грехах. Я знала истоки этого письма, ибо незадолго до того на районном уровне произошел инцидент, который не принято разглашать.

Никогда не забуду чувство благодарности к Первому, который, перешигнув все тогдашние нормы, пригласил меня для личной беседы. А я уже написала заявление об уходе из райисполкома. Это тоже было не принято — здесь или выдвигали или «задвигали»; к тому же по резерву я шла на третьего секретаря райкома партии.

Султана Ибраимова невозможно было обмануть, я все рассказала без утайки. Он тепло попрощался со мной, и я уехала. Через некоторое время я была переведена третьим секретарем вновь созданного Базар-Курганского райкома партии. Ну а дальше — ты знаешь. Кто знает, как бы сложилась моя жизнь, если бы не он?!

САНАБАР БАХАПОВА —

председатель Фонда госимущества
Ошской области

После окончания Ташкентского текстильного института Санабар Бахаповна работала помощником мастера на шелковом комбинате и была выдвинута на партийную работу.

— В октябре 74 года я только вышла из отпуска. И вдруг меня вызвал директор шелкового комбината Григорий Федорович Синяевский и сказал:

«Санабар, мы вас потеряли»...

«Как вы меня потеряли? Я вышла на работу в срок», — удивилась я.

А он, улыбаясь: «Вас ищет помощник Султана Ибраимовича Грошев. Вы ведь знаете, что на партийных должностях очень мало женщин, особенно южанок. Так что собирайтесь в большой путь».

Утром меня действительно вызвали в обком, и я терялась в догадках, о чем меня могут спросить.

Султан Ибраимович встретил меня очень тепло, и мне даже показалось, что я знаю этого человека всю жизнь.

Рассказала о своей семье, о работе, ответила на другие вопросы.

Год проработала инструктором, потом была выдвинута третьим секретарем Наукатского райкома партии. Проработала там год с лишним и в один из дней была приглашена на беседу к Султану Ибраимовичу. Первый был достаточно хорошо осведомлен о моей работе от первого секретаря Наукатского райкома А. Осорова, секретаря обкома Б. Рыспаева. Потом ознакомил с предложением членов бюро обкома о выдвижении меня заведующей отделом обкома партии. Я ответила, что только начала вникать в специфику района и новая должность страшит меня масштабами ответственности.

«Если страшно, значит сможете работать», — засмеялся он.

Под его непосредственным руководством я проработала пять лет, в моей памяти много эпизодов, раскрывающих черты его многостороннего характера.

Когда мой муж закончил Военную академию, я взяла отпуск и вылетела к нему. И вдруг в Кремлевском Дворце съездов мы встретились с Султаном Ибраимовичем на концерте молдавского танцевального ансамбля «Жок». Оказывается, он прилетел в Москву, в Совет Министров СССР, для решения отдельных проблем области. Он и Рева Касымовна поздравили моего мужа с успешным окончанием академии.

В 79 году моего мужа на полтора года отправили советником руководителя технического департамента Министерства обороны Афганистана. В то время Султан Ибраимович работал Председателем Совета Министров республики. Периодически звонил мне, не скрывая своей тревоги за моего мужа — в соседнем

государстве была очень сложная обстановка, часто менялось руководство, события были непредсказуемы.

По приезде мужа из Афганистана поздравил меня, спросив домашний номер телефона, поздравил моего мужа. Для него было важно все. Малосущественных вопросов в жизни и работе не было.

Работала я со многими руководителями, но в душах многих людей остается незабвенным только Султан Ибраимов.

ЖАНЫЛ ТУМЕНБАЕВА —
руководитель Чуй-Токмокской
райгосадминистрации

Знаю со студенческих лет, проведенных в Москве в семидесятые годы.

— Впервые с Султаном Ибраимовичем встретилась на Ошском областном слете женщин-хлопкоробов, будучи секретарем ЦК комсомола Киргизии. Султан Ибраимович был инициатором этого слета. Чуткость и большая внимательность к матерям и труженицам сквозила во всем его докладе. Еще он отводил огромную роль в стабильности семьи неподдельным нравственным нормам и моральной чистоте женщин, их самоотверженному трудолюбию.

Штурвалы «голубых кораблей» повиновались женским рукам и их воле. Благодаря этому труду, девушки не только получали материальные блага, но и реализовали свои стремления к самоутверждению.

Я благодарю свою судьбу за то, что с 78 года начала работать в Президиуме Верховного Совета с Султаном Ибраимовичем. Я училась у него доброте, чуткости, мудрости. Он был прекрасным семьянином. Я близко узнала его семью — Реву эже, детей. Именно это обстоятельство научило меня с большей любовью и ответственностью относиться к своим детям.

Султан Ибраимович был искренен и на работе и в семье. Он безошибочно находил хороших людей и опирался на них. Не переносил ложь, лицемерие.

Вообще-то редкое явление, когда руководителя не только уважают, но и любят коллеги. Это было дано Султану Ибраимову.

БАКИ ЭШМАМБЕТОВ —
ветеран войны и труда

Баки абу помню с детства. Бывая в командировках, он останавливался только у нас...

— Наше тесное общение с Султаном Ибраимовичем началось с того момента, когда стали решать вопрос: быть или не быть общетехническому факультету Фрунзенского политехнического института. Инженерно-технические квалифицированные кадры были бесспорно нужны. В нашем разговоре участвовали тогдашний проректор Фрунзенского

политехнического А.С. Джаманбаев, ученый Ж.Т. Текенов. Говорили о плачевном состоянии факультета.

Султан Ибраимович встал, подошел к окну, постоял, потом снова сел в кресло и спросил секретаря обкома Б. Рыспаева и заведующую отделом науки и учебных заведений Н. Г. Базарбаеву — почему он об этом слышит впервые. Может, потому, что их не заботит состояние квалифицированного инженерного обеспечения народного хозяйства юга?! Вот так он ставил вопрос...

За два года было принято много организационных мер, и весной 75 года факультету выделено отдельное двухэтажное здание, были открыты кабинеты и учебные лаборатории. И потом расширение факультета продолжалось. За счет отчислений средств строительными и транспортными организациями на базе бывшего консервного завода был построен лабораторный корпус, где разместили восемь лабораторий.

Об этом мне говорил и Акматбек Сагинович Джаманбаев. Слушая Баки Эшмамбетовича, я подумала, о том, какими разными были Ибраимов и Джаманбаев, но обоим мало занимало обсуждение мелочей, они видели фундаментальное, то, что концентрировалось из борьбы противоречивых мнений, необоснованной суеты.

Как-то два маститых человека сказали, что у Джаманбаева гениальный, еврейский склад ума. Он редко с кем дружил, а фавориты его — Султан Ибраимов да Аскар Акаев...

Поэтому когда меня попытались оскорбить, назвав «кыргызской еврейкой», добавив «южную выскочку», — я даже загордилась таким неординарным вниманием к себе словоохотливых сплетников. Сами того не подозревая, они сказали мне незаурядные слова похвалы!

С 76 года обучение с первого по пятый курсы и защита дипломов были разрешены в Оше (строителям и автомобилистам).

В 77 году Султан Ибраимович поставил вопрос о том, что факультет должен стать самостоятельным техническим вузом, и подключил к его решению председателя облплана У. С. Кийизбаева и первого секретаря Ошского горкома партии Р. С. Кульматова.

Место расположения нынешнего технического колледжа выбрал он сам, пригласив меня, Т.Х. Кошоева, У.С. Кийизбаева и городское руководство, — на границе города и совхоза, в

юго-восточном районе. И убедительно доказал, что в перспективе будут Ошский государственный университет и технический тоже, поэтому надо уже сейчас готовить материальную базу, а на первых порах построить хотя бы два корпуса и общежитие на 500 мест. Он подчеркнул, что здесь чистый воздух, полезный для организма молодых. И эти простые доводы сделали мечту почти осязаемой...

После отъезда Султана Ибраимовича этот вопрос в Госплане не прошел, он решился позже, и намеченные корпуса были построены.

Его дальновидность поражала точностью исполнения всех его прогнозов. Есть у нас теперь университеты — и Ошский государственный и технический тоже — он глядел на двадцать лет вперед.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ИОРДАН —

министр промышленности и торговли
Кыргызской Республики

Один из самых стабильных членов правительства за последние 12 лет; на юге прожил более 30 лет. Я не знаю более ровного человека, которого не испортили ни довольно раннее выдвижение на министерскую должность, ни «злачное» кресло председателя комитета по нефтепродуктам.

Андрей Андреевич со своей семьей и близкими родственниками продолжают жить и трудиться во имя Кыргызской Республики. Таковы кадры Султана Ибраимова.

— Встретились мы с Султаном Ибраимовичем в 69 году на активе в Кара-Суйском районе. Я тогда был там директором авторемонтного завода.

В 72 году стал главным инженером, потом управляющим автотрестом. Здесь мы встречались через день или даже ежедневно.

Я всегда удивлялся, как ему удастся совершенно спокойно, без надрыва, собрать и сплотить целую плеяду толковых специалистов. Он сам был всесторонне компетентен и перед областным активом ставил то же требование.

Ему до всего было дело. Возникнет крупная проблема — всем миром едем туда. И еще мы знали одно: после завершения нашего напряженного многомесячного труда нас обязательно ждет сюрприз, который тщательно готовил Султан Ибраимов, — необычный отдых с концертом или с выездом кого-либо по союзной или заграничной путевке.

К нему было приятно ходить — вокруг него была устойчивая атмосфера легкого общения. Говорил он вдумчиво, рассуждая или советуясь, высказывал большую эрудицию и знания; будучи партийным лидером, он был сильным хозяйственником, как гидротехник был вне конкуренции. Ошибался в людях в единичных случаях, да и то, если ненароком подводили люди, бывшие у него в доверии.

И наказания с его стороны воспринимались как импульс к мышлению, анализу, самокритичности.

А как ненавязчиво он мог организовать разрядку — будто незначай!

Как-то в пятницу во время разгара уборки хлопка собрал нас всех и спрашивает о книге, прочитанной нами в последнее время. Стыдно было признаться, и мы опешили. Такой грех за ними водился. Ссылаясь на текучку, мы уже давно отонгли от книг и кино.

В тот вечер Султан Ибраимович пригласил на следующее — субботнее — утро, в 11 часов, с женами в театр драмы, где мы два часа ностальгически слушали голос Болота Минжылкыева. Самой природой нам велено жить в мире музыки и книг. И такое переключение снимает любое переутомление, что очень хорошо понимал Султан Ибраимов — добрый и великий человек!

ЗИЕЙДИН АБДУЛЛА-ОГЛЫ
БАДАЛОВ —

ветеран труда

О моей книге узнал случайно и долго разыскивал меня. Пришел в мой кабинет несмотря на болезнь. В руках — конверт с фотографиями, точно знал, что они нужны мне.

Наша семья приехала сюда из Грузии в 44 году. Мы — турки. Но еще по названию грузинского местечка Месхети, к которому был присоединен небольшой приграничный район Турции, нас называют турками-месхетинцами. Но я пришел говорить не об исторических границах — услышал через одного своего партнера, что вы пишете книгу о дорогом для меня человеке... Я уже далеко не молод, недавно потерял жену, пережил беду с сыном и прошу мне верить... Думаю, не будете перепроверять то, что я скажу попутно с рассказом о Султане Ибраимове...

Когда в 68 году Султан Ибраимович приехал в Ошскую область, я заведовал складом Кара-Суйской райзаготконторы. По разнарядке Госплана Ошская область через нас отправляла в столицу овощи, фрукты, бахчевые. Он был настолько обязательным человеком, что лично приезжал к директору Рашиду Дадажанову, но количество и ассортимент почему-то спрашивал у меня. Кому он доверял, а кого проверял — не знаю. Я вел свою работу уже девять лет и точные цифры помнил наизусть. После чего он позволил мне звонить напрямую, докладывать об отгрузке продукции.

За его простоту я готов был раскланяться перед ним, поэтому с гордой ответственностью звонил, приходил, докладывал. Иногда торопил. Увеличив на 2-3 копейки закупочные

цены, по сравнению с соседними поставщиками, мы выиграли и без прибыли не остались. Хотя противники всегда находились. А вот когда надо было отвечать, он всегда выходил вперед, не подставляя никого.

Мы — простые люди разных национальностей — говорили с ним на доступном нам языке. Это был свой, понимающий человек.

Бывали у нас и мужские разговоры на равных. Он был честным, работающим, одевался просто и любил таких же.

По итогам 75 года поздравил меня лично и подарил «Жигули-ВАЗ-2106». Его пожелание помню по сей день: чтобы эта машина служила мне и семье и чтобы вторую заработал. ЗАРАБОТАЛ, а не украл. Он никогда не выражался презрительно «торгаши», никого не оскорблял недоверием и был дорог нам.

Чистота его души была видна и на его лице. Он был умен и никогда не отождествлял разных людей и разные события. Нехороших людей он избегал — была у него какая-то огораживающая защитная пленка.

Такой великий человек сначала спрашивал о здоровье, о жене, детях, а уж потом о работе, а какой-то грязный вор, глядя мне в лицо, бросает:

«Зачем тебе моя помощь, ты же торгоши, можешь украсть, да и мне не забудь дать. У тебя денег — куры не клюют...»

Султан Ибраимович говорил, что каждый должен быть богатым, чтобы страна была богатой. Он в то время поддерживал людей, которые старались кормить себя и область, а сегодня только и слышишь: «Дай мне». Наш Первый берег душу каждого из нас. Он говорил, что в Оше есть некий рог изобилия, и если вкладывать туда чистый труд и честные деньги, потом нам всем оплатится сторицей...

А еще Султан Ибраимович, очень незаметно, пытался поддержать людей некоренной национальности: машины дал турку, грузину, уйгуру. В этом — истинное величие сына кыргызского народа!

С женщинами он был бережным и высоконравственным; отношение к ним было или братское, или отцовское.

Внутренняя порядочность и человечность отвергали малейшие попытки неприличного или даже хорошо завуалированного кокетства. Мне приходилось с ним очень много ездить. Так и не пойму, почему он мне так поверил.

Ох, как мне не хватало его, когда случилась беда с сыном — офицером милиции, которому приписали вымогательство взятки. Пусть это будет на совести тех жестоких людей. Все обошлось. Мы использовали их же метод.

Сейчас я как-то особенно понял величие Султана Ибраимова, поэтому искал вас, чтобы поделиться своими воспоминаниями.

АМАНБАЙ ЖУНУСОВ —

бывший заместитель главы
Ошской облгосадминистрации

Осенью 77 года, когда Аманбай Жунусов был вторым секретарем Сузакского райкома партии, мы с мужем и сыном совершенно случайно оказались у него дома. В нем не было узаконенной спеси, и жена была великодушна.

Для меня исключительная феноменальность Аманбая Жунусова — первого секретаря Советского и Баткенского райкомов — заключалась в его беспощадности к мужскому разврату и мужской жестокости в семье. Я знаю много примеров, когда вопросы истинного женского равноправия, защиты чести и достоинства женщины от антиморальных посягательств он ставил выше амбициозных мотивов некоторых избалованных чиновников. Таких джентльменов у нас мало.

В 92 году от оргкомитета по созданию Крестьянской партии я довольно часто была в Баткенском районе. Отраднo слышать от жителей района, что во время работы Аманбая Жунусова природа была настолько благосклонна к нему, что даже сквозь камни проросла трава, и заготовили такое невиданное количество кормов, что и поныне скармливают их. А ведь независимым

фермерам ни к чему льстить человеку, который пять лет назад покинул их район и в данный момент ему изменила Фортуна. В некоторой мере и по независящим от него причинам...

— С Султаном Ибраимовичем, дочка, я познакомился в 71 году, когда работал заместителем начальника Кара-Суйского райсельхозуправления.

В Алае был наш штаб по стрижке овец. И Султан Ибраимович прибыл туда в сопровождении тогдашнего первого секретаря Алайского райкома партии Ибраимова и председателя облпотребсоюза Молдашева. Немного переговорив со мной, неожиданно Первый проэкзаменовал меня по многим вопросам — около сорока минут. Животноводство я знал неплохо. Но все-таки сомневался в исчерпанности своих ответов. Позднее я узнал, что он спрашивал обо мне Кадыркула Абдразаковича — первого секретаря нашего Кара-Суйского райкома, а потом и второго секретаря обкома П. М. Ходоса, попросил включить меня в резерв.

Пора в то время была горячая, я не придавал особого значения этому разговору, хотя и гордился вниманием большого человека ко мне. Я приезжал домой раз в неделю, а то и в десять дней и через три месяца был переведен вторым секретарем Сузакского райкома. И до 80 года я работал под его началом.

«Счастье круглое — удержать нелегко, а несчастье и беды плоские — скинуть с себя трудно», — говорил он мне. И, сказав еще много хороших напутственных слов, направил в Москву, в Академию общественных наук.

В 77 году он у нас в Сузаке принимал участие в работе партийной конференции и, спросив у меня, где можно найти председателя колхоза имени Фрунзе Аскарбека Сатарова, попросил организовать краткую встречу с ним.

Так вот, дочка, ты уже наверняка знаешь, что Султан Ибраимович повсюду появлялся без предупреждения. И на этот раз он заехал в район со стороны Узбекистана и по дороге в машину посадил «голосующего» аксакала. По обыкновению расспросил о жизни-бытье, а тот и сказал, что сын из армии не вернулся, других детей нет, должок разрушается, кое-как ютятся они со своей старухой, кого просить о помощи — не знают. В тот же день он потребовал у Сатарова добротное жилье для стариков.

Нас — слушателей академии — никогда не забывал поздравить с праздниками.

Как-то летел я на каникулы, и Султан Ибраимович возвра-

щался с сессии Верховного Совета СССР. Мы сидели в салоне, в хвостовой части самолета. Он сидел, прикрыв глаза и закинув ногу на ногу. Я был искренне удивлен тем, что подошва его обуви была аккуратно склеена.

Встретил его помощник Захарченко, и несмотря на мои отговорки, он вызвал дежурную машину, чтобы я мог поскорее увидеться со своей пожилой матерью. Видно, он знал, что я — единственный у нее и прошли мы через большие тернии.

Конечно, я — только один из многих, но для него дорог был каждый в отдельности...

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ
ХОМЕНКО —

председатель колхоза «Коммунизм»
Араванского района

В это хозяйство пришел 45 лет назад и 34 года — его бессменный руководитель.

За 45 лет я перевидал многих руководителей, но он — ОДИН!

В 69 или 70 году ждали визита в область первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Полянского. В такие минуты привычны суета, ажиотаж. Не на шутку расстревожились дорожники — они не успевали поправить асфальт на дороге от аэропорта до хлопчатобумажного объединения.

«Только спокойно. Пообедайте и в полную нагрузку

работайте целый день. Сколько успеете.» — И дорога была обновлена.

В другой раз вышла незадача. По вопросу дефолиации хлопчатника в нашем районе, а потом и в нашем хозяйстве, в частности, на бюро обкома партии докладывал заведующий сельхозотделом Исаев.

Было время, когда на бюро мы все должны были кивать головами, а справки и информация обкомовских сотрудников сомнению и обжалованию не подлежали. Но при Султане Ибраимовиче стало по-другому. На замечание о том, что у меня залита вертолетная площадка, я ответил опровержением слов Исаева, который попытался меня осадить, но его остановил Султан Ибраимович.

В 76 году здесь, неподалеку, случился сель. Я с людьми — в бегах. Прихожу в кабинет, а на моем месте — Султан Ибраимович — советуется с дорожниками, рабочими ПМК. Когда и как успел, не пойму до сих пор. Меня успокаивает, что есть поверье: где сель пройдет, там будет урожай хороший. Оказывается — видел, что урожай там был бы неважным, а после пересева, действительно, на участке Карла Маркса взяли отменный урожай хлопка.

В 79 или 80 году во Фрунзе прилетел Черненко — секретарь ЦК КПСС, ставший потом Генеральным. Встреча была в спорткомплексе. Когда торжество закончилось, первыми мимо наших рядов прошли жены Усубалиева и Черненко, вслед за ними — государственные мужи и мужья, потом — Султан Ибраимович. Увидев меня, он сердечно пожал мне руку, хлопнул по плечу. Он уже был Председателем Совета Министров, а даже просто ответработники ЦК и Совмина превращались в эдаких мумий.

Надо было бы его уберечь, но на все воля Божья. Не хотелось бы только, чтобы сверху потакали низменным, земным страстям...

БЕКМАМАТ ОСМОНОВ —

бывший заместитель главы
Ошской областной
государственной администрации
(после Аманбая Жунусова)

Как-то я писала, что никогда не была от него в восторге — диктатор и поэт. Но простые люди Чон-Алая, Токтогула, юга и севера высоко ценят его отвагу, верят ему.

— В 71 году, будучи главным зоотехником совхоза «Катта Талдык» и депутатом Кара-Суйского райсовета, я был приглашен на совещание животноводов. Там я выступил с предложениями, которые, по словам тогдашнего второго секретаря Кара-Суйского райкома партии М. Ахунова, понравились Султану Ибраимовичу.

Вскоре Мухамеджана Ахунова перевели первым секретарем Араванского райкома, а меня — заместителем начальника райсельхозуправления в этот же район. Оттуда — директором совхоза «Чон-Алай», который сейчас имеет статус целого района.

Султан Ибраимович, видимо, умышленно мог создать мнение, которому потом мы пытались соответствовать. Затем я, по его предложению, был выдвинут председателем Алайского райисполкома, где проработал семь лет. И еще три года — заведующим сельхозотделом обкома партии, потом около трех лет — первым секретарем Токтогульского райкома партии.

Время рождает лидеров, а генетические данные, талант и способности способствуют тому, чтобы перерасти свое время.

Султан Ибраимов значительно опережал свое время и по

предвидению, и по демократичности, и по цивилизованным нормам общечеловеческих отношений, и по зрелому использованию силы государственной власти.

МУРАШКИН ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ —

командир Ошского авиаотряда

— Султан Ибраимов высоко поднял роль авиации в народном хозяйстве. Как только оттаивал снег, мы начинали подкормку удобрениями раскисшей почвы. «Воевали» с вредителями растений, проводили дефолиацию. Сорок самолетов разделяли крестьянские заботы в горячую пору. Каждого летчика Султан Ибраимович знал пофамильно, заслушивал их доклады о состоянии 30 аэродромов в хозяйствах, складов с химикатами.

В его бытность значительно возросла аэрофикация городов, районов. Были открыты аэропорты в Жалал-Абаде, Кызыл-Кие, Баткене, Исфане, Караване. В торжествах по случаю их открытия он участвовал лично.

Запомнился мне боковой праздник при открытии аэропорта в центре Ляйлякского района Исфана. Кстати, наигранных, фальшивых праздников раньше не было. Народу съехало много, выстроились нарядные юрты. Стоит группа аксакалов, самому младшему, видно, лет 60. Султан Ибраимович попросил покатавать их на лайнере. Человек двадцать поднялись в воздух. Сегодня я невольно ловлю себя на сравнении — встреча посетивших Мекку, совершивших хадж, проходит намного скромнее. А в тот день каждый пытался внести свою лепту в очарование праздника, в его торжественность. И он, уверен, запомнился всем участникам.

Приехал я в Жалал-Абад 11 августа 59 года — центр отряда был здесь. И было всего три самолета: ЯК-12, АН-2 и МИ-2; потом добавился ЯК-40.

В 73 году я приехал в Ош, и вот уже 23 года прошло. Но самые яркие годы — те пять лет, когда я встречался с Султаном Ибраимовичем. Мы встречались еженедельно; благодаря ему я познакомился с массой народа. Помню многих бескорыстных людей, приезжавших сюда с миссией доброй воли. Среди них запомнился мне правнук Карла Маркса — Лонг. Он приезжал с женой, обоим за восемьдесят было, а такие бодрые, одухотворенные...

Помню один грустный и смешной случай, когда мы решили удлинить летную полосу на 600 метров, чтобы вместо ИЛ-18 посадить ТУ-154. 10 мая 74 года сдали новый вокзал. Но уже хотелось простора и нового самолета.

Как быть? На три гектара пахотной земли для использования в несельскохозяйственных целях требовалось разрешение Совета Министров, а мне нужно 10. И мы пошли на «преступление». Подсчитали и рассчитали точно. Изыскательские, проектные работы и всяческие хождения за разрешениями — это более миллиона рублей расходов, и моральных издержек было бы не перечислить. А потому...

Феноменальная память Султана Ибраимовича способствовала тому, что мы смогли своевременно начать и обеспечить необходимым количеством гравия и битума.

В одно прекрасное утро видит председатель колхоза имени Ленина Шермамат Абдуллаев — человек весьма уважаемый и авторитетный, к тому же очень ценимый самим Султаном Ибраимовичем, — что за ночь десять гектаров его пахотных земель превратились в рвы и котлованы.

Что было! Кричит, ругается, грозит. Мне велено молчать — спокойно делаю свое дело. Шермамат Абдуллаевич жалуется по инстанции, а я тороплю дело — лишь бы не ошибиться, лишь бы не подкачать.

Предвижу все, что может нам быть с Султаном Ибраимовичем от ЦК и Совмина, и молю судьбу: лишь бы успеть закончить, пока до них дойдет.

Закончили к 31 декабря, и жалобы дошли, и под Новый год — выговор председателю облисполкома Темирбеку Худайбергеновичу Кошоеву. А все же дело было сделано и помогли, кроме всего прочего, решительные мужские качества. Мог бы тот же Кошоев «не закрыть глаза» и выговор признать не по адресу. А когда посчитали, оказалось, что казне это обошлось в триста тысяч рублей, вместо миллиона трехсот тысяч.

Бывало и так: перед подготовкой на бюро попросит «покружить» над областью, а на бюро крепко спрашивает и доказывает — там недополив, там недообработка или скрытые площади бахчевых и т.д. Ответчики в недоумении: откуда узнал? А предупредить я не мог — Султан Ибраимович приезжал в самое неожиданное время. Любил людей и любил работать. Но не переносил ложь! Вот так мы и работали.

Желающих рассказать о Султани Ибраимове встречалось много, но я уже физически не могла их всех охватить. Усложнялось положение с изданием книги. Мои хождения

не прекращались три года — могла ли я в таких обстоятельствах брать на себя ответственность перед новыми участниками этого диалога времен?..

Диалог времен... Связь времен...

А что за время — сегодня?

Оно есть потому, что есть я, моя семья, дети, мои родные, друзья, моя любовь, боль и мое счастье...

Что же такое время, если я в нем ничто?..

Я требую, чтобы оно считалось со мной, потому что я люблю его и знаю тех, кто украшает его и превращает в вечность. Оно состоит из дум и чаяний миллионов таких, как я, или тех, кому дано свыше вбирать в себя чаяния сотен тысяч других Я...

Не спится. Размышляю... Вспоминаю... Вновь размышляю.

Размышления после...

Дочитала — в который уже раз — книгу Абсамата Масалиева «Страницы жизни и наше бедное Отечество». Было далеко за полночь. Отложила. Вновь взяла в руки и сквозь темноту комнат прошла на лоджию.

Яркая полная луна висела над Сулейман-горой, отпечатываясь в моем доме и на мне ажурностью штор.

Это полнолуние пришло на границе лета и осени, когда, по обычаю бабушек, на полную луну молятся о счастье, о терпении и просят покарать плохих людей за зло.

Все, чем и прекрасна жизнь (на уровне человеческого понимания), добра — желают, правды — хотят, справедливости — требуют. А о счастье — молят. И о терпении. Ибо счастье и терпение выше человеческого понимания, они даются свыше. К сожалению, осознание этого приходит только со временем. К большому сожалению...

В свете луны я вглядываюсь и уже не вижу позолоченных контуров города. Я молю Бога и священную гору убить мою память, но...

Начало трагедии с отступлениями

Апрель 87 года... Казалось, все население Жалал-Абада заполнило курортную местность, чествуя весну.

Далеко-далеко простиралась Кугартская долина, упираясь в гору Аюб, целебные источники которой подтверждали версию о потухшем вулкане.

В тот день я смотрела на обновленный город, будто прощалась и говорила своим детям, каким архитектурно неправильным был этот город в 76 году, когда мы сюда приехали.

С приходом нового мэра — Мухтара Исакулова — город стал меняться на глазах. Иногда, проводя хронометраж работы экспедиции и водителей по вывозу молочной продукции, я видела, как в 6—7 часов утра Мухтар Исакулович объезжает не только главные части города, но и тупики, второстепенные улицы. Думала тогда — спит ли этот человек вообще...

Несомненно, что раскрытию его огромного таланта организатора, дизайнера крупномасштабного калибра (позволю себе так выразиться) способствовала первый секретарь горкома партии Зуура Нурматова. Все свое влияние в республике она использовала для того, чтобы выбить средства для социального и экономического роста города. (Несмотря на то, что я ее никогда не любила, я признаю это.)

Мухтар Исакулович со свойственной ему хозяйственной стрункой копил и распределял, думал и решал.

Торжественной стала площадь, вдоль Сель-Арыка появился у нас «Невский проспект» — набережная с фонарями и в бетоне, а улицу Ленина, расширенную и выпрямленную, стали называть БАМом — большой автомагистралью Мухтара.

Перспективный план переустройства города был им заготовлен, только не дали ему задуманное осуществить до конца; после него перекраивать и шивать, конечно, стало легче.

Ведь это бесспорно: чем больше сделают до нас, тем больше сделаем мы и тем больше успеют после нас. Но никогда никому не дано сделать того, что свыше дано сделать одному из нас. Исакулов останется Исакуловым во все времена.

...Праздник весны 87 года.

Рядом с минеральным источником пристроилась восточная кухня — аромат шурпы с зеленью и плова с горохом уносился сквозь разноязычное многоголосье, по ветвям благоухающих цветами миндалевых деревьев сбегал к низинам и растворялся в пестроте лугов. Люди и Природа жили Весной.

Изменение обстановки вокруг чувствовалось и по тому, как пытались выглядеть простыми смертными самые

оголтелые партийные функционеры. Рядом с ними я всегда чувствовала себя человеком из другого потока и другого времени и подальше прятала свой московский партбилет. Они меня задевали, но не очень, потому что я могла публично подорвать их авторитет.

Мне, видно, на роду написано наживать себе врагов или своей благотворительностью или своей непримиримостью. Мне кажется, что из-за нужды человек становится лжецом, подхалимом и в нем превалируют низменные страсти. И еще: только мужчина, достойный уважения жены и детей, имеет право быть на руководящей работе, тот, кто благороден с коллегами-мужчинами и рыцарски порядочен с коллегами-женщинами.

И по сей день, когда я вижу, что кто-то обманывает, стараюсь устранить причину его вынужденного или неосознанного унижения, но тогда я не понимала, как можно менять партбилет на японские часы или французские духи, по звонку любовника принимать в партию любовницу; брать взятки и показным возмущением состоянием дел выказывать себя эдаким устрашителем.

Мало-помалу в душе накапливался гнев. А тут еще в феврале 87 года прошел знаменитый актив по интернациональному вопросу — я была оскорблена за Чингиза Айтматова. Ни словом не обмолвившись о первопричинах, по последнему факту я написала большое письмо Михаилу Горбачеву. Знала, что будет беда, но в глубине души надеялась на новое время...

И почему-то именно в тот день, в обстановке всеобщего веселья, меня угнетало смутное предчувствие, а когда я увидела процветающую любовницу, вспомнила о письме.

Через два дня, 14 апреля 87 года, нас с партторгом Ларисой Ивановной Большаковой неожиданно вызвали к первому секретарю горкома партии Владимиру Павловичу Рыжкову. Меня пронзило — письмо.

Я щадила Ларису Ивановну, ей так много досталось из-за меня, но надо было ее подготовить.

С нами беседовали В.И.Иваненко — ответработник ЦК КПСС и А.М.Масалиев. По глазам Иваненко я видела, что ему что-то не нравится, в чем-то он разочарован. Полчаса этого дня стоили мне многого. В разыгравшейся драме вдруг с удовольствием стало участвовать столько людей, не имеющих на то никакого юридического, морального и просто человеческого права. Я никому из них не сделала зла, ни о чем порочащем меня они не могли свидетельствовать, многих из них я просто не знала. Я и моя семья были испол-

сованы ранами, мой коллектив и соседи были в изумлении, а Лариса Ивановна чудом осталось жива.

Но Абсамат Масалиевич ничего об этом не знал. Тем более — Виктор Иванович.

Наша семья, гонимая с 37 года, пережившая все перегибы строя, тем не менее время не судит. И лидеров тоже. Они — избранники Бога, несмотря на все свои минусы.

Я помню, как, отдыхая на жалал-абадском курорте, поэтесса и писательница Зуура Сооронбаева в начале 90 года сказала, что Абсамат Масалиевич силен и мужествен, но не всех можно воспитать терпимостью.

И его книга свидетельствует о мужественной позиции, она искренна и расходится с завидной быстротой. И вновь по ее прочтении кровоточит моя душа, будто опять на прочность проверяется...

Я всегда на своем уровне боролась и борюсь против циничного опошления того периода истории, который стал цементирующим условием формирования кыргызского народа и кыргызского государства, когда начали развиваться кыргызский язык, культура и появились первые кыргызские учебники и газеты.

Я принимаю высокий отзыв в книге о лучших коммунистах. Ибо и я с детства была свидетелем их отважных поступков. В унисон его строкам и я вспоминала тех, кто кормил народ, кто, не боясь смерти, в селевые потоки и снежные бураны спасал людей, отары и табуны вверенных хозяйств. Помню из Алайского района Сактана Досмурагова — председателя колхоза «Правда», ставшего миллионером в конце 50-х годов, и ныне уже покойных Сары Молдокулова — председателя колхоза имени Тельмана, Абдибаита Жаанбаева — председателя колхоза имени Ленина.

Из Узгенского района в 60-е годы — ныне покойного Сами Каримова — директора совхоза «Узген», Николая Ивановича Конькова — директора совхоза «Яссы», лишь год назад ушедшего на заслуженный отдых с должности начальника областного управления сельского хозяйства.

Из Ала-Букинского района в 70-е годы — ныне покойного Абдылду Акпаралиева — председателя колхоза «Первое Мая», много отдавшего сил становлению послевоенной Жалал-Абадской области (до ее воссоединения с Ошской в 59 году), и Аскарали Юсубалиева — директора совхоза «Октябрь».

Прекрасно знаю героическую Сабиру Эсенжанову, ко-

горая «лезла на ножи» разъяренных родителей во Фрунзенском районе и отправляла на поезде во Фрунзе девочек разных национальностей учиться.

Кыргызы, узбеки, русские, таджики — хорошо или слепо, мудро или глупо, вдохновенно или обреченно, но писали страницы истории. И верили в ее честность.

Многих из них сейчас уже нет. Многие подорвали здоровье. Многие стали жертвами несправедливых гонений.

Не из архивов и публикаций, а из самой жизни знаю я негативы и позитивы моего времени.

Свобода вседозволенности

«Счастье пережить труднее, чем горе», — говорят люди.

Наверное, ни один человек не может сказать, когда и в чем он был счастлив. Зато горе — это всегда конкретное, осязаемое состояние души, мысли и сердца, которое никогда не забывается, только чуть притупляется.

Люди пресытились дешевой труднопредпроизводимых продуктов питания (15 рублей мешок муки, 78 копеек — килограмм сахару, 3,6 рубля — килограмм сливочного масла, 38 копеек — пачка чая). И как результат — дома, заваленные хлебом, булочками, печеньем и конфетами на ашах и тоях. И все больше выдумывали обрядов, не вяжущихся ни с советскими канонами ни с требованиями Мухаммеда. Боюсь, что даже предпринимательство и расцвет бизнеса бессильны что-либо сделать для обогащения моей нации, расточительство — бич и сегодня. Если, конечно, предпринимательство будет способно низвергнуть диктат и монополизм банков.

Я не знаю, за что нас захваливают там, вдалеке, по-моему, особо хвалиться нам нечем. Мы предаем то, чем дорожили Тыныстанов, Токтогул, Барпы. Им в свое время лицемерить было незачем. А если бы они слищмерили, то, может, и не перенесли бы того, что с ними случилось.

Социальная защита, ликвидация безграмотности, дошкольное воспитание, охрана материнства и детства, получение образования в Москве, Киеве, Ленинграде, Риге — это из арсенала актива нашей истории. И большое богатство — русский язык, который невинно оскорблен на нашей территории.

Что бы там ни говорили в защиту принятого решения, я думаю тому способствовали с определенной целью. Пока приживутся предполагаемые языки, информационный

вакуум и обособленность сделают свое дело — люди станут неприязнательнее, и от имени народа, да еще и во имя его нынешним правителям или их детям, которые никогда и не подумают отойти от России, лгать станет легче.

Разговорами о наших вековых отношениях уже набили оскомину, и прав Кубан Мамбеталиев, когда говорит, что раны прошлых лет зажили, не кровоточат и постыдно ими спекулировать.

Мне становится горько, когда я в наших городах вижу все меньше потомков людей с солнечными волосами и небесными глазами. Потомков не завоевателей, а тех, кто приехали сюда лечить, учить читать, рисовать, лепить, писать книги, картины и музыку.

Они оставляют здесь свои лучшие созидательные годы, мечты и могилы близких людей. Это — трагедия. И всякие заумные объяснения, что миграция — неизбежна, закономерна, сердце мое не приемлет.

Славянская диаспора разбудила в нас жажду не только познания, но и стремления жить ради жизни и работать, испытывая судьбу.

Реки всегда находят свои изначальные русла. Наш единый пояс крепко связан и наиболее близок к совершенству, ибо он спроецирован в наши души нашей единой землей — Родиной, политой единой кровью. Души 30 миллионов вернут нас к истокам.

Реки всегда находят свои изначальные русла.

По предсказаниям Сидика Афгани, Центральная Азия вернет себе славу той былой цивилизации, коей она прослыла в средневековье. Это предсказывают.

А пока мы — жертвы вседозволенности.

Организатор зверского убийства однокурсника и коллеги, отца пятерых детей сорокалетнего Аширбека Эгембердиева — Канат Беккулиев, приговоренный после повторного заседания суда по требованию Верховного Суда к высшей мере наказания, помилован — как областной суд это объяснит вдове и матери того, кто погиб, защищая государственное имущество?

Группу женщин, оказавшихся в бедственном положении (двое из них — потерявшие детей из-за проживания в антисанитарных условиях с 90 года), самовольно заселившихся в новый дом, не для вызова, а чтобы напомнить кое-кому о его обещании и отринуть обреченность быть второсортными людьми, буквально выволокли омовцы. Это созерцали прокурор, милиция, тут же — вежливая «Скорая» — на всякий

случай. И все это — в поддержку народного депутата Кыргызстана. Устав от хождений и мольбы, женщины написали заявление на имя акима области Абдыганы Эркебаева и копию — Конгрессу женщин Кыргызстана.

Милиционер в опорном пункте бьет подростка, но без видеомагнитофона это не докажешь.

Требуя деньги и бензин у водителя, старшина ГАИ забирает документы, срывает номера, на требование пассажиров представиться отвечает оскорблением и остается ненаказанным.

В парке имени Токтогула рано утром на пробежке несколько солдат национальной гвардии. Один отстал и лейтенант из всей силы штыком толкает солдата — он падает, а этот горе-начальник грозит убить, если не встанет. По его жестокой физиономии видно — может и убить. А ведь совсем молод.

В это же самое время публично дается восхитительно престижная характеристика «сексуальная женщина» той, которая в лицо смеется изможденным труженицам, не имеющим угла и достаточно хлеба. А что — надо уметь так, как она, отбить богатого чужого мужа и отца с домом и остаться такой незапятнанной, что с ней за честь считают здороваться развесившие уши простаки. Гнусные, пещерные нормы с претензией на цивилизованную раскованность убедительнее детских слез и материнских унижений... Это — правда наших дней...

Захватывает дух, когда нашего Президента где-то чинно встречают, играют наш гимн, вывешивают наш флаг. Будто по неведомой дотоле земле вместе с ним шагает Кыргызстан...

Отрадно, когда молодежь едет на мир посмотреть и себя показать или невиданные гости бывают у нас с непривычными миссиями. Только вот дома-то не все ладится. Значит, женщины недоработали, недоглядели. Побольше их надо в Правительство, в депутатский и дипломатический корпусы. Отдать им институты Человека и человеческих отношений, конфликтологии и социологии.

Только женщине дано сформировать человеческую суть: от земли ценности сконцентрировать в личности и вместе с генетическими и социальными мировоззрениями ювелирно отработать в пояс духа, нравов и поступков Мужчины, Женщины — Личности!

...Так что игнорировать роль личности Абсамата Масалиева в нашей истории вряд ли будет справедливо. К тому же он — соратник Султана Ибраимова.

...Вообще-то компартия, сросшись с государственной структурой с десятками специализированных отделов, в уникальной форме растила универсальные кадры. И она же учила изощренной маневренности ума и приемов в самых неограниченных диапазонах.

И не удивительно, что последние четыре года доказывают, насколько неопровержима версия, что любой прогресс зреет в умах гениев, любой переворот совершают фанатики, а плодами большей частью пользуются те, кто терпеливо стоял за спинами и тех и других, подхваливая первых и провоцируя вторых...

В результате, кто не по наивности, а по внутренней порядочности полагался на совесть или чисто человеческую поддержку, того «клевали» на внутрикыргызском и международном уровне, а кто-то очень отточенно и расчетливо шел к титулу национального героя...

Сентябрь 1994 года — пора долгой осенней жатвы, затянувшегося сезона прозрения. Одно за другим — сногшибательные явления... Идея двухпалатного парламента в наших условиях или провокационное предостережение ближних предпринять все, дабы не стать рабами южан... Депутаты Жогорку Кенеша большинством подписей отказываются работать в парламенте. Этот шаг можно было бы объяснить сразу после принятия Конституции Республики. Можно было бы понять, если бы это случилось, когда начались открытие распри, взаимные обвинения и взаимные подозрения. Хотя я и уважительно отношусь к отдельным депутатам, подписавшимся, — так и веет артистической позой — в услугу безоглядному режиссеру. И нагнетаются страсти о влиянии таджикских событий, о зависимости перед узбекской империей, личная неприязнь переносится с отдельной личности на регионы — и все кругом провидцы и предсказатели...

Вновь в молитвах я обращаюсь к духу Султана Ибраимова, прошу образумить тех, кто живет на его земле, и тех, на чьей земле оборвалась его жизнь.

Впереди — новые выборы. Они пройдут достойно только тогда, когда средний эшелон сможет быть достойным связующим звеном между нижним и высшим, а в высшем будут превалировать мудрые советники и реальные знатоки истинной жизни. Пока что серость и некомпетентность не может довести до всех слоев населения значения происходящего.

Бывшее внеформационное общество навсегда вычер-

кнуло из памяти поколений голод, нищету, заплаты, холуйскую готовность прислуживать ради живота... Не прошло и трех лет — и все это из пучин прошлого выплеснулось наружу. Но жизнь — есть жизнь, со ступенями из настоящего в будущее. И с НАДЕЖДОЙ. В то же самое время, когда мы доказываем, что довольно живуча проблема севера и юга, уже подписаны Заявление Президентов трех государств и Обращение их, начинающееся словами: «Дорогие соотечественники». Подписаны ряд соглашений, меморандум и решения.

И невольно вспоминается мой долгий путь прошлой осенью из Оша в Ашгабат на «Жигулях». Мое журналистское удостоверение что-то значило на всех постах и таможах, но моральных издержек не сосчитать. Будто все переродилось в чудовищном экстазе суверенностей и независимостей. Как вытряхивал молодой сержант милиции из моей сумочки все содержимое при въезде в Бухару, точно так же надменно вел себя паренек у въезда в Чарджоу... Было безмолвие со стороны руководителей, и оно провоцировало хаос и возврат в средневековье. Внутренние клановые или трайболистские трения наружу изливались в самой уродливой форме. И, конечно, трудно переоценить сей факт реального воссоединения родственных народов.

Я готова каждому из наших Президентов произнести цивилизованное: «МОЙ ПРЕЗИДЕНТ».

Нашему Президенту сегодня труднее всех. При всей открытости и общительности кыргызов наша этническая закрытость мешает объективности.

Наш трайболизм превосходит жузовский трайболизм казахов мелочностью. Наша беспечность и необязательность неприемлемы для узбеков.

И в такой ситуации я от нашего Президента — несравненного интеллектуала, любимца мирового сообщества Аскара Акаева — жду порядка, стабилизации, оазиса действительно свершившегося гражданского общества с усилившимися демократическими структурами, жду справедливости без ссылок на забывчивость гениев.

Я умышленно до сих пор не высказывалась о нашем Президенте, поскольку одни чересчур сластили, а другие безмерно хамили.

Я же от имени многих людей хочу пожелать нашему первому Президенту последовательности и целеустремленности.

С любовью-молитвой я хочу сказать «мой Президент» и Нурсултану Назарбаеву. Она пришла ко мне, когда после

алматинских событий его фамилия впервые для меня прозвучала в декабре 1986 года на курсах ЦК Компартии Кыргызстана для секретарей первичных партийных организаций. По тогдашнему унифицированному представлению о большом партийном лидере это была слишком непривычная героическая фигура.

Потом, совсем рядом, я слушала интервью Назарбаева во время знаменитого лигачевского семинара.

С 90 года по сей день усилия казахского Президента направлены на мудрое воссоединение стран и народов, что велено самим Богом! Его евразийские устремления приписывают желанию стать наследниками Золотой Орды, его помыслы называют политической игрой. Но как бы ни менялся рейтинг Назарбаева, с ним считается мир. Даже его оппозиция уважительно признает его величие, откровенно разделяя его особенности прагматика, модернизатора, рационализатора, государственника и рыночника.

Я не скрываю своего счастья, что мне дали возможность поздравить Нурсултана Абишевича 3 декабря 1993 года с присвоением ему звания «Человек года» международной ассоциацией «Руханият».

Не могу не добавить своих штрихов к портрету Назарбаева. Там — и мое мнение и мои молитвы-пожелания.

Уважаемые современники!

Конец двадцатого столетия настолько богат колебаниями чаши добра и зла, нравственности и безнравственности, что порой кажется: мир совсем запакощен мусором порока, конфликтов, ханжества и лицемерия. Но именно в конце двадцатого столетия появляются такие личности, в которых ярко сконцентрирован своеобразный солнечный остров надежды, опоры, очищения, мужества, убеждающий народы в обособленности непреходящих критериев человеческих ценностей.

Я хочу выразить признательность своей эпохе, давшей мне возможность быть современницей гениальной личности, великого сына не только казахского, но и всех тюркских народов Нурсултана Абишевича Назарбаева.

Говорят, что между твердой поверхностью земли и ее ядром есть оливинный пояс, где расплавлены золото, серебро и другие ценные металлы, и где-то этот пояс очень близко подступает к поверхности. Переиначив эту притчу, я хотела бы сказать: в нашей бывшей общей стране настолько явно проступал этот оливинный пояс неподдельного взаимобогащения, взаимоподдержки, дружбы и сотрудничества, чего веками не могли добиться нигде.

Несмотря ни на что, этот оливковый пояс и сегодня твердо и уверенно держит в своих руках Нурсултан Абишевич, не давая потонуть в крови необъяснимых побоищ или вывалить в грязи непристойных для цивилизации настроений. Пусть эта позиция не ко двору многим неудачникам-политикам, но весомым критерием и убедительным аргументом многомиллионной поддержки (и не только Центрально-Азиатского региона) является то обстоятельство, что повсюду растут десятки тысяч кареглазых, голубоглазых маленьких Нурсултанов.

По образному выражению нашего Аскара Акаева, кыргызы и казахи — это два листочка на одной ветке общественно-политического дерева. Потому мы знаем, что во всех наших экономических, политических делах при возникновении трудностей с нами рядом — наш родной Казахстан. И закономерно, что международная ассоциация «Руханият», возглавляемая кыргызским сыном Акуном Токтосартовым, присвоила звание «Человек года» Вам, дорогой Нурсултан Абишевич!

От имени женщин Кыргызстана разрешите поздравить Вас, пожелать здоровья, семейного счастья Вашим дочерям и неустанного труда во имя мира и истинной цивилизации!

САЛИМА ШАРИПОВА

Как-то мудрец изрек: «Ум женщины может ошибаться, но сердце ее — никогда».

И мое сердце подсказывает, что с Любовью — Благодарностью за мир и покой я могу сказать «мой Президент» Исламу Абдуганиевичу Каримову, роль которого в устранении криминогенной обстановки после июньских событий 90 года трудно переоценить.

Сердцем чувствую, чего стоило ему тогда сказать, что свои внутренние дела Кыргызстан будет решать сам. Чего стоило каждому руководящему лицу, представителю правоохранительных органов сказать о своей персональной ответственности за каждый факт беспорядков.

Глубоко зная психологию всех слоев своего народа, узбекский Президент очень своевременно и неожиданно опережает возможные негативы. Даже негласная и невидимая оппозиция не может не считаться с неумолимой энергией, наитончайшей прозорливостью и волей самого Президента и его команды.

Не знаю — насколько правдиво, но бытует мнение, что с конца 90 года Президент как минимум трижды предотвращал «азиатский Нагорный Карабах». Такая братоубийственная война была бы иным на руку. Но только не народам.

Мудрость и разум должны возобладать над наносными настроениями. За чегыре года с трудом, но все же раны стали затягиваться. Встречались и объединяли усилия правоохранительные органы, прокуратуры. Ветераны советовались, как лучше встретить полувековой юбилей Победы в Великой Отечественной войне.

Часто в дороге, глядя на раскинувшуюся Ферганскую долину, мчась навстречу встающему солнцу, в лучах которого переливаются островерхие пики гор, так и хочется пройтись теплым ветром, чтобы высушить слезы на глазах одиноких, обездоленных людей и на их языке подарить им веру и надежду. Разлиться теплым дождем, чтобы подарить радость изобилия хлебоборбу и хлопкоробу. Стать чистой горной рекой, напоить всех и подарить силу, устойчивость и высокий дух. А Президент, говорят, из этих мест.

И еще хотелось бы стать волшебницей, чтобы узнать, как это удастся Исламу Каримову так гордо и достойно работать на свой народ, не расшаркиваясь перед иностранцами, дать им почувствовать, что они находятся в Узбекистане, знающем себе цену.

Ислам Абдуганиевич не мешает стабилизации экономики политическими распрями.

Его жесткость, «недемократичность» оправдываются тем,

что производство не снизило темпов, что полученными инвестициями он укрепил машиностроение, самолетостроение, легкую промышленность. Напитками «завалил» всю Азию. Многодетные узбекские семьи едят хлеб досыта. Жесткость и требовательность первого лица прощается, если это — в интересах народа.

И народы других государств не могут не оценивать его широкую душу и искренность, когда Каримов говорит о братстве и согласии.

После выступления Ислама Абдуганиевича в Бишкеке в январе 1994 года к известным пяти «козырям» Каримова я добавила шестой — **РЫЦАРСТВО**.

Правитель, который так высоко и неподдельно говорит о возможном святом чувстве к женщине другого народа, отмечая ее неповторимую красоту, не может не уважать самого неприкосновенного чувства женщины — материнства.

Матери всех народов против раздоров и человеческих потерь. И они всегда молятся за тех правителей, во времена которых царствует мир.

В Ташкенте много друзей моего отца. От их доверительных бесед возрастает моя благодарность к еще одному великому сыну тюркских народов — Исламу Абдуганиевичу Каримову.

Переливчатый узбекский язык — язык Улугбека, Навои — привлекал меня всегда. В 89 году, когда Чингиз Айтматов сравнил Узбекистан с Византией в статье в «Правде», первым подняв свой бесстрашный голос против шумихи по «узбекскому вопросу», я начала писать стихи на узбекском языке.

И так получается, что болью и сомнениями я делюсь на русском, о нежности говорю на узбекском, а надеюсь и молюсь на языке матери — кыргызском.

И сейчас я молюсь за неизменность Фортуны и неистощимое предвидение Аскара Акаева, Нурсултана Назарбаева, Ислама Каримова.

Пусть Дух великого человеколюба — Султана Ибраимова, окруженного Любовью-Благоговением многих поколений привносит в мир **СОГЛАСИЕ, СОВЕСТЬ И ПРАВДУ!**

МНЕНИЯ И ОТЗЫВЫ О СУЛТАНЕ ИБРАИМОВЕ

Записи скупых отзывов простых людей я вела в командировках, на маршрутных автобусах или при встречах. Названия привожу — на время встречи.

Абдибаит Алимов — колхозник колхоза имени Тельмана Наукатского района:

— Такие люди, как Ибраимов, встречаются редко, потому что они рождаются раз в сто лет.

Абдишукур Калысов — рабочий совхоза «Первомайский» Баткенского района:

— Я полностью начертил карту освоения нашего массива, знаю, откуда и как поднять воду, чтобы камни Кара-Токая превратились в сады. И где только мы ни были, в каких только инстанциях... Безрезультатно. Был бы Ибраимов — была бы здесь вода. Здесь много наших жителей, которые осваивали Отуз-Адыр, строили Чуйский канал. Ибраимов попросил бы всех вернуть те долги, сделал бы ударную стройку даже сегодня. Знаете, эже, я даже готов умереть у истока, откуда бы вода пошла к нам...

Ирсали Эргешев — рабочий совхоза «Бурганды» Кадамжайского района:

— Э, дочка, здесь до тех самых гор был пустырь, а сейчас... Ибраимов оказался человеком хватким. Приезжают с севера — даже наш говор еле понимают, а он как свой... Будто Бог его создал специально для нас... До пенсии надо было ему поработать здесь... Уезжать не надо было...

Акматалы Бегматов — пенсионер, Авгандала, Базар-Курганский район:

— В моей памяти — все секретари обкома Ошской и Жалал-Абадской областей до 1959 года, а потом Ошской области. Много было толковых, знающих, хороших, но с притягивающим магнетизмом был один Ибраимов. Он один нравился одинаково и чабану Аптокуру, и лесничему Байди, и молдо Ботобаю, и садовнику Осмону, и учителю Темиру...

Сапарбай Суранчиев — шофер совхоза «Сары-Монол» Алайского района:

— Султан Ибраимов так мог заговорить и расспрашивать,

будто всю жизнь рядом жил... Сейчас особенно некоторые хотят показаться простыми, но все выходит не так, как надо. Внимательным, сердечным надо родиться...

Иминжан Муминов — кооператор, Жанги-Жольский район:

— Он ко всем был одинаков. Ибраимов не различал, не выделял, не отталкивал никого. Труженики же все одинаковы. Он это понимал.

Николай Федорович Казанцев — директор Ошского молочного комбината:

— Все, что знаю о Султане Ибраимовиче, — пусть останется со мной. Не хочу зла его памяти...

Улукбек Максъталиев — кооператор совхоза «Кенеш», Ош:

— Когда Султан Ибраимович работал в нашей области, мой отец был шахтером в разрезе «Алмалык». Я часто слышал, когда рос, какое внимание он уделял этой шахте — жизни шахтеров и технике. Самая мощная и современная техника прибыла, когда он работал здесь секретарем. А сейчас, когда мы создали свой кооператив, отец часто говорит, что землю у нас нельзя продавать никаким образом и часто печалится: «Эх, был бы Ибраимов, он всем этим крикунам доказал и поставил бы их на место...» Не знаю — было бы так или нет...

Набижан Зайнабидинов — прораб СМУ-4, Ош:

— Когда я демобилизовался из армии в 1969 году, приехал, смотрю: столько новых строений в городе. А потом — улица Кыргызстана, район ХБК, троллейбусная линия, — у нашего города стали появляться черты большого шумного города. Сейчас часто грустят наши, что мало веселых лиц на улицах, русских остается все меньше и меньше — их же никто не гонит. Что стоит язык поучить. Наверно, Султан Ибраимович смог бы найти нужные слова. Столько его заслуг здесь. Столько домов, дорог и садов — он оставил вечные следы...

Карачач эже — продавщица молока, Телейкен:

— У меня снаха работала дояркой и как-то сказала, что к ним на ферму приехал Султан Ибраимов — первый секретарь обкома. За руку с ними поздоровался, расспросил о семье, детях,

спросил, есть ли мука, сахар. В это время забежал мальчик, чей-то сын, чинно поздоровался с чужим человеком и отозвал мать в сторонку... Уходя, Султан Ибраимов сказал руководителям, чтобы берегли здоровье этих женщин, чтобы медпункт здесь был, чтобы детсад при ферме хорошо работал, чтобы росли тут дети, которые бы не только в Москве и Киеве учились, но и в Америке тоже. Все, оказывается, тогда рассмеялись. Будто знал, что Америка своей станет, только не предугадал родной человек, что наши дети из-за денег даже в Оше скоро не смогут получить образования, а Москва и Киев станут такими далекими.

Нинель Валерьяновна Лузина — режиссер республиканского радио, заслуженный работник связи:

— Я, возможно, одной из последних говорила с Султаном Ибраимовым 3 декабря 1980 года в 12 часов дня.

В этот день был специальный выпуск радиопередач Киргизской ССР на Всесоюзном радио. Выступить пришел в положенное время, за наши объяснения благодарил, был очень прост и открыт. Даже через это наше стекло исходило тепло.

При прощании еще раз поблагодарил за объяснения, непривычно пожал нам руки. Отсюда поехал в аэропорт (видимо, кого-то встречал), вечером уехал в Чолпон-Ату, а на другой день вечером в программе «Время» было сделано страшное сообщение о гибели Султана Ибраимова.

Санталатхан Файзулаева — журналист ошской областной узбекской газеты «Уш садоси»:

— В 74 году меня неожиданно командировали в Токтогул. Ехала целый день. Утром перед совещанием стою, не зная, где лучше сесть. Вдруг подходит Султан Ибраимович: «Дочка, это вы приехали?»

Я опешила. Никак не ожидала такого внимания от первого секретаря обкома.

Онемевшая от неожиданности, я была не в состоянии понять того, что весь день я двадцатичетырехлетняя «дочка» — «совсем маленькая девочка» была окружена заботой и вниманием взрослых людей. И увез меня с собой в Ош. А ведь в то время мы совершенно спокойно ездили на различные расстояния, транспорт был надежным, деньги были всегда и мы были защищены от дорожных происшествий. До сих пор говорю об этой встрече как о великом подарке судьбы.

Ташбай Ураимов — ветеран комсомольской, партийной работы:

— Знаешь, землячка, я доволен, что ты смело взяла на себя миссию создания книги о Султане Ибраимове. И как полиграфист знаю, что тебе предстоит в нынешних тяжелых условиях. Ты уже встречалась с десятками людей, поведавших тебе много хорошего и теплого. Много эпизодов и у меня на памяти. Но все время я руководствовался его словами: «Чем копать в десятках темных душ, найди один светлый луч и погрейся в его добре и тепле».

Он твердо верил, что зло и ложь всегда наказуемы...

Высказываний рядовых людей о его человечности, доброте, милосердии много — их невозможно поместить в одну книгу. Семья простых колхозников рассказала мне, как Султан Ибраимович заглянул в их обветшалый дом, где уже два года без движения лежала их пятнадцатилетняя дочь. Он никогда не проходил мимо таких фактов и сделал все, чтобы вылечить эту девочку. Она была в доме Ибраимова подготовлена к учебе и закончила вуз. По простоте душевной девочка это рассказала двум-трем подругам. Она не подозревала, во что может обернуться ее благодарности. Черная зависть чуть не свела девочку в могилу. Из страха обновления той моральной травмы меня просили не называть ни имя, ни профессию, ни место жительства этой уже семейной женщины.

А вот слова Телена Дыйканбаева, три года назад возглавившего демократическое движение в Оше, знакомством с которым я гордилась, меня надолго лишили сна. Когда перед тобой недалекий человек — тогда и обижаться не на кого. А здесь эрудированный, интеллектуальный человек, который все свои познания в последнее время переплавляет в зло и желчь.

В коридоре областной типографии я, как всегда, поздоровалась с ним, расспросила о работе, здоровье и высказала мнение, что улыбка его красит. Он стал намного лучше, чем два года назад.

— Времена уже другие, — улыбнулся он.

И, что самое жуткое, Телен с этой же улыбкой продолжал:

— А к чему нужен фонд Ибраимова? Что особенного он сделал для истории? Ленина свергли, теперь его что ли воздвигать? Надо памятник Мадаминбеку поставить. Ибраимов такой же партократ, как и все... Нечего маячить на моей родине...

Я опешила. Я никогда не вступала с ним в такие разговоры.

— Оказывается, в газете «Республика» вам поставили правильный диагноз, а я возмущалась, теперь извинюсь перед ними, — сказала я. — Вы-то что сделали за полвека своей жизни? Неужели не надоела голая политика? Хватит, наверное... А если головореза и насильника Мадаминбека возвеличить до народного героя, — кто мы тогда? И еще — «родина»... Никогда больше не здоровайтесь со мной, — сказала я и зашла в дверь, куда и собиралась зайти.

Мне надо было встретиться с Султаном Раевым — главным редактором «Кыргыз руху», который как раз был в области. Поделилась своей горечью разочарования с Алмазом Нурдиновым — писателем, журналистом.

Да, многих партийных деятелей я не жаловала, и они не питали любви ко мне.

К несчастью, по моему году рождения и знаку зодиака мне от Бога суждено разоблачать лжецов и хитрецов, которые чужим умом, чужой энергией, чужими руками двигают свои дела.

А ведь Телена я приняла и пыталась многим разъяснить мотивы его поступков.

Мой главный недостаток — он также от Бога — я защищаю свое мнение даже тогда, когда слишком много людей о ком-то говорят отрицательно. По истечении времени я сталкиваюсь с негативом, и дальше — уже некуда. Этот случай — третий в моей жизни...

Теперь я понимаю, от чего хочет защищать память Султана Ибраимовича мой коллега Николай Федорович Казанцев.

Да, у Султана Ибраимовича тоже были недостатки. Великий человек — тоже человек. Главное, что над этими недостатками он работал, они не переросли в пороки от великой власти и бескрайних соблазнов. Если бы он захотел. Он не был таким, как те, которые своей необузданностью, престижной сменой масок уничтожили все, что было ценного в партии, в том строе, и под удар ставили тысячи невинных людей, пришедших в партию с самыми возвышенными чувствами...

МЫСЛИ СУЛТАНА ИБРАИМОВА,
высказанные вслух,
впоследствии вошедшие в его
книгу «Ошская область
Киргизстана»

В системе территориального разделения труда Киргизстан выделяется как район производства цветных и редких металлов, особенно ртути и сурьмы, автоматических и полуавтоматических линий и физических приборов, гидроэнергетики, электротехнических изделий, сеноуборочных машин, автомобилей, хлопчатобумажных тканей, тонкорунной и полутонкорунной шерсти, мяса, молока, табака, хлопка, сахара и другой промышленной продукции...

...Ошскую область называют югом Киргизстана, имея в виду ее географическое расположение, щедрое солнце, чистый воздух, мягкий климат и богатство природы...

...Формирование современного размещения населения на территории юга Киргизстана имеет свои отличительные черты по сравнению с другими районами республики. Они связаны с историко-хозяйственными особенностями области, территория которой, будучи смежной с областями Ферганской долины, представляющей издавна район оседлой оазисной земледельческой культуры с развитой городской и ремесленной жизнью, в большей степени испытывала влияние

этого района и была с ним более тесно связана. Эта связь исторически выразилась в непосредственном общении населения юга Киргизстана с городскими рынками Ферганы, а также в определенной хозяйственной связи по линии использования обширных пастбищ и водных ресурсов горных районов Тянь-Шаня и Памиро-Алая...

...Население Ошской области, как и всего Киргизстана, отличается многонациональным составом. Здесь живут 70 наций и народностей...

...Образование Оша уходит далеко в глубь столетий. Однако точная дата его основания неизвестна, в документах он упоминается с IX века. Ош находился на торговом караванном пути из Индии, Китая и Афганистана в Ферганскую долину. Это способствовало тому, что город был в центре всех важнейших событий, которые потрясли Среднюю Азию...

...Киргизы передавали из уст в уста, из поколения в поколение великие творения устного народного творчества. Так, дошли до нашего времени широко известные народные эпосы «Манас», «Курманбек», «Эр Тоштук» и другие, в которых прославляются справедливость, любовь к Родине и стремление народа к свободе.

ИЗ БИОГРАФИИ СУЛТАНА ИБРАИМОВА

Родился 20 сентября 1927 года в селе Алчалуу Чуйского района Киргизской ССР в семье крестьянина-колхозника. Киргиз. В 16 лет — колхозник колхоза «Алчалуу». В 17—20 лет — тракторист Дон-Арыкской МТС Чуйского района. Затем — годы учебы и работы по избранной специальности — Фрунзенский гидромелиоративный техникум, гидротехник; Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства; младший научный сотрудник Института энергетики и водного хозяйства Академии наук республики. В 30 лет — инструктор ЦК Компартии республики, а в 32 — второй секретарь Аламединского райкома партии, в 34 года — министр мелиорации и водного хозяйства республики, а через два года — секретарь ЦК Компартии республики.

23 января 1968 года пленум Ошского обкома партии избрал его первым секретарем. Проработал до 1 сентября 1978 года.

Первой наградой Султана Ибраимова была медаль «За трудовую доблесть». Затем он был награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина».

Скромный по натуре человек, Султан Ибраимов никогда не выпячивал своих заслуг и наград, хотя и не отрицал большой значимости морального поощрения достойных работников.

Меньше полугода был Председателем Президиума Верховного Совета республики, два года работал на посту Председателя Совета Министров. Пока его не застрелили.

Остались его дети. Не называю их число по мусульманскому поверью. Да будут они живы-здоровы и достойны памяти своего великого ОТЦА!

И ЕЩЕ РАЗ ОТ АВТОРА

...Вот уже 16 лет этому предступлению, а мы так и не знаем, кто его совершил. Хотя, говорят, что тот, который прикрывал те два ночных выстрела, спустя годы выстрелил сам в себя.

И делали же из нас глупцов, читая часовые доклады о каком-то дебиле, который ночью беспрепятственно (!) проник в пансионат Совмина в Чолпон-Ате, убил шофера, выстрелил в спящего премьера и также беспрепятственно (!) ушел. Его винтовку, мол, нашли в канализационной трубе. А спустя некоторое время, труп „убийцы” нашли повешенным в поезде, после чего и сочли своевременным чтение этих самых лекций.

Примитивно, слишком оскорбляет наш разум, уровень сознания и мышления...

И почему так бывает! Только потеряв человека, задумываешься о нем в полную меру человеческой памяти?! Тем более о том, кого судьба поставила над многими!

За последние годы столько передумано, столько сожаления перелилось из разума в сердце в нашей обычной рядовой семье, которая в силу самых простых жизненных обстоятельств сталкивалась с первым секретарем обкома партии Султаном Ибраимовым.

И первое, что так и просится на язык: простите, Султан Ибраимович, наше непонимание и наши обиды; вы были правы всегда, вы были правы в безжалостных и откровенных предсказаниях по отношению ко мне и моему будущему. Я тогда в сердцах сказала, что Вы — не Бог и не предсказатель...

Что ни говорите, а конкретное отношение к кому-то складывается из наших решенных или нерешенных проблем, личных или служебных. Человек по своей природе — создание глубоко личностное...

Много горя произошло на ошской земле без Ибраимова. Хотя и говорили довольно часто, что всесторонняя дестабилизация в обществе объясняется крушением тоталитарного сознания и внеформационного общества, я уверена что был бы он — кровопролитие 1990 года на нашей земле не произошло бы.

Он безошибочно выбрал бы, кому можно верить — «паникующему» Раимберди Таджибаеву — начальнику УВД или аргументирующему Аскарбеку Мамееву — начальнику УКГБ. Оба документа я видела и читала в руках Усена Сыдыкова. Читала все его визы и объяснительную Стама-

куна Асаналиева. Видно, неспроста он принимал самые противоправные меры, явно шедшие в нарушение законов о выборах, когда Усен Сыдыков в октябре 1992 года наряду с тремя претендентами боролся за депутатское место. Лично я ничего не имею против победившего Эмильбека Касымалиева, но всеобщего уважения было бы больше, если бы не описанная ситуация...

Не хочется грязью пачкать эту книгу, пусть все это останется на совести нынешней власти имущих, но первый заместитель акима Ошской области С.Асаналиев не столько хотел завуалировать свою «роль» в ошской трагедии, сколько проявил полное непонимание «дворцовых» интриг...

Султан Ибраимов понял бы все, он просто пошел бы в народ и волшебным прищуром глаз вобрал бы в свою огромную душу шедшую от людей боль и темные дни в истории...

Но были бы и два существенных факта, которые могли решительно пресечь возможность трагедии. В его бытность не было бы тех первых секретарей, которые отсиживались в милиции, когда убивали целые семьи. Не было бы и тех, которые, в благодатные дни разделяя хлеб и воду, в тяжком испытании предательски прятали себя и семьи в «Белом доме», спешно формировали специальные авиарейсы во Фрунзе или Чолпон-Ату, вывозя своих домочадцев. Они и сегодня безо всякого стеснения продолжают есть хлеб, политый невинной кровью, улучшая и расширяя свои жилищные условия... Всего этого не было бы, если бы жив был Султан Ибраимов!

Кто-то из правительства должен же, наконец, сказать, причем тут Усен Сыдыков, проработавший всего месяц и целый год объяснявшийся с прокурорами...

Да, много горя произошло на ошской земле без Султана Ибраимова...

Приходит в упадок многое из того, что он создавал, рушатся дороги, в своеобразной резервации оказались многие его безошибочно выбранные кадры...

И как венец злодеяний — ошская трагедия.

Неспроста участились случаи неожиданной смертности пожилых женщин-матерей в Кара-Кульдже и Узгене, в Оше и Кара-Суу.

Два с половиной года их душа и воля были вытянуты в стальную струну в тревоге за своих детей и свой очаг.

А когда потихоньку стала возвращаться вера в Покой — душа, отвыкшая от прежнего состояния, уже не выдерживает. Не успеваю ходить и ездить на поминки...

И когда в такой ситуации нет-нет да и появятся публикации малообразованных горе-исследователей, лживых патриотов, убеждаюсь в том, что нужна срочная уголовная ответственность за оскорбление национального достоинства. Как они не могут осознать? Больно тебе — больно и другому, горит кровь твоя — горит и у другого. А сегодня на пороге — двадцать первый век...

Я видела горе моих дальних наукатских родственников, когда совершенно невинных двоюродных братьев, возвратившихся из армии, убили узбеки. Я видела сошедшую с ума мать, трех сыновей которой — 20, 22 и 24 лет — убили кыргызы. И я не видела ни одного узбека или кыргыза в здравом уме, которые хвалили бы своих сородичей за такое «геройство».

Все мы — потомки одного отца — Турк-ата; самые уважаемые наши писатели, авторы санжыра, которые не раз бесстрашно говорили об этом, обязаны поставить заслон болезненным сутяжным измышлениям... Измышлениям современных геростратов.

Время... Самая безграничная, всемогущая категория философии.

Ошибки или достоинства отдельных отрезков времени могут быть оценены только теми отрезками времени, которые более обогащены человеческим познанием и накопленным опытом.

Не надо судить время сплошную... Ибо даже в самые трудные времена останется образ благородного примиряющего Гения — между севером и югом, между узбеками, русскими и кыргызами, давшими

СУЛТАНА ИБРАИМОВА!

ЭПИЛОГ

Я рассказала то, что было; конечно, противоречивого много.

Так и не знаю, почему в одну из ночей 1937 года увели моего деда. Мне мерещатся фанаты, которые толкали в спину 65-летнего человека, искусству лечения которого не было равных и о котором по сей день помнят земляки. И это называлось защитой советской власти...

Я не знаю, как назвать одноклассника моего отца, который донес, что мой отец — сын врага народа и не имеет права быть коммунистом... Ведь слово «коммунист» — достойное слово с достойным смыслом, но почему столько зла творилось под его прикрытием?

Что значит это одобряющее «Сын за отца не отвечает», за подписью Сталина в ответ на письмо друга моего отца, опущенное осенним вечером в почту андижанского поезда, следующего до Москвы, когда фактически гонения продолжались еще двадцать лет — до 1973 года?! Отец боролся с косностями и не мог не столкнуться с вездесущим КГБ, который откапывал такой «страшный компрометирующий материал». Спасая свой партбилет, отец не сделал карьеры, он защищал свою честь и достоинство, свое желание быть причастным к созидательному труду.

Так было в обкоме партии, так было в Алайском, так было в Узгенском и Ала-Букинском районах. Трижды он оставался без работы, мама тогда не работала, нас трое — как жить?!

Как отец умудрялся нас кормить и одевать?! Гребнями и впадинами шедшая жизнь опять его выталкивала на поверхность...

И это издевательство, которое заставляло нас, детей, воспринимать мир недетскими глазами, тоже осуществлялось от имени партии! Но ведь был и Ибраимов — не фанат, а Личность.

Мы хотели быть людьми дома, на работе, но нам мешали подлецы и лицемеры и при всей нашей общительности, гостеприимстве — у нас мало друзей...

Я спешу за помощью к супермену нашего времени — доктору с мировым именем Женишбеку Назаралиеву. Когда смотрю рекламу о нем из Останкино или из Бишкека, мне чудится, что он возникает из снопа солнечных лучей и гигантом шествует прямо в наши души, растворяя экранную границу...

И вот он в Оше. Прорицатель и Волшебник. Прекрасный молодой человек, которому исполнилось 35 лет. Муж и отец. У него — частная клиника. Для него все пациенты одинаковы: политические лидеры, государственные мужи или просто алкоголики.

Обещал принять нас ровно в 17 часов. С ним — семь помощников. Самые общительные — Эшмурза Сатыбалдиев и Равшан Тойчиев — попросили нас не нарушать правила и ушли готовить сеанс.

Выслушав наши вопросы, он начал говорить.

— Среди нас очень много лживых, изворотливых людей, они неуловимы, как рыбы... Наше большое общество породило их. Великий психоаналитик Зигмунд Фрейд выразился так: русский эксперимент, то есть социализм, ущемил в нас свободу. Может, это и была самая большая беда; словами „нельзя“, „запрещено“ годами в душах накапливалась негативная энергия. Ладно, если она выходит с плевками или лужганием семечек, куда страшнее то, что доводит до кровопролития, драк, разбоя и склок.

Моя миссия — своим трудом очистить от внутренней грязи и бескультурья как можно больше душ. Исполняя свою миссию, я занимаюсь этой огромной работой ради подрастающего поколения своей республики. Где бы я ни был, везде стараюсь афишировать свой Кыргызстан. И клинику я открыл для всех пациентов, но чтобы звучала там республика.

На 25 миллионов рублей мы дали бесплатных билетов детям. Представьте: ваш ребенок приносит билет и приглашает вас на сеанс. Они самоутверждаются. Должны стать людьми чести и слова. Зависть и высокомерие, доносы и месть — все это от отсутствия свободы и раскованности.

Карьеризм и шкурничество сегодня процветают в более изощренных формах, потому что до сих пор во всем и всегда были строго приняты униформы общения, а тут открыли незнакомые двери — и шагай... Каждый вышагивает в меру своей закалки.

Я политику не приемлю, до нее мне нет дела, но должен сказать, что гениальные личности могут рождаться в самые разные времена, их ведут по жизни талант и труд.

Я категорически против норм родственных и дружеских отношений, когда во всем так и брызжет фальш и неискренность. У меня просто не хватает времени на общепринятые любезности.

Каждый день и каждый час человек должен делать то, что

ему нравится. Являются ли психическим отклонением чрезмерная моральная распушенность, требования закона о двоеженстве и нахлынувшая страсть к сексуальным экспериментам после сексуальных фильмов? Это бескультурье, которое толкает на перегибы и извращения. Все, что говорится втихомолку или шепотом, вызывает ассоциированный с потребностью интерес.

В семье должны быть любовь и доверие. Общество должно начинаться с семьи. Несбориентированные катаклизмы накапливаются от единичного к общему — значит для моей миссии дорог каждый человек в отдельности. Я иду на сеанс вместе со всеми, в очках и с билетом, уже заранее касаюсь своих пациентов и концентрируюсь для того, чтобы потом раствориться среди них. Вот это — состояние не заданного, а свободного счастья!

Это — слова ПСИХОТЕРАПЕВТА ВЫСШЕГО КЛАССА, перед которым преклоняются, перед которым пасуют и которому завидуют... Не без этого.

Да, Женишбек живет и работает для Кыргызстана, он хочет осчастливить каждого, и для него дорог каждый. Он признает, что гении бывают даже в самое «неподходящее» время.

Внимательно и чутко слушал мое мнение о Султане Ибраимове. Конечно, он очень молод, чтобы знать о нем. И вовсе не удивился, когда услышал, что я предприняла попытку найти что-то общее в представлениях двух — абсолютно разных — гениев о родине, труде, личности, человеке, морали — и, представьте, НАШЛА! Главное: они — люди чести и слова!

Он улыбается, а мы понимаем, что до сеанса остается двадцать минут, попрощавшись, уходим. Уходим в изумрудную зелень весны, расплескавшуюся после небольшого теплого дождя. И мои спутницы требуют «обмыть» комплимент Женишбека, отпущенный в мой адрес, что я довольно сильная и меня ничто не сломает. А я в ответ спросила, что нужно делать с психиатрами, которых подкупают и помещают к ним неугодного человека.

Если бы знал Женишбек, как я дорожу его оценкой моей природы и почему. Но вскоре я ему подарю эту книгу, и он поймет — почему.

Мы стояли на остановке, и с листьев чинар капли стекали на наши лица, а потом уходили в землю, как наше прошлое — прощенное и непростое, забытое и похороненное...

Дома я смотрю на две фотографии и два письма, которые

сохранились после грабежа и которые я хотела сжечь, но не поднялась рука. Ведь на них — совсем другой человек.

Я была убеждена, что он будет человеком чести и слова, но я не имею права давать сегодня оценку его работе и ему самому. Нечестно мне давать оценку ему. Тем не менее я хочу, чтобы многие знали, какой это был умный и сердечный человек. Он был намного старше и мудрее нас, с ним мы считались.

Отрывок из письма в Москву, нашей семье, датированного 14 января 1973 года.

«...Дорогие друзья! жизнь идет своим чередом. Моя работа над диссертацией продвигается. О своих потсрях мне не дают думать здешние прекрасные трудолюбивые люди. Для них интересно все. А как они верят в будущее! Эта киргизская простота, доброта и радушие настолько волнуют меня сейчас, что я готов поклясться: если я когда-нибудь смогу, то буду делать все, чтобы как можно больше людей были счастливы, чтобы не знали нужды, чтобы большее число их детей стало образованными. Их быт таков, что не передать словами. Мне хочется хоть как-то скрасить их отдых — у очага я играю им на мандолине и пою. У меня уже есть своя мелодия. Они удивительно красивы в свете костра, вокруг — величавые хребты, а над нами — огромное низкое небо и звезды будто слетают к нам. Вот я и описал свою нынешнюю холостяцкую жизнь. Да, скоро в Москву собирается приехать Куштак, я дал ему ваш адрес. Должен предупредить, что он очень обидчивый.

Ваш Батыр».

Конечно, можно выполнять госзаказ, можно многое говорить, но... Двадцать лет назад Бог услышал его клятву от тех гор, звезд, костра и нашу солидарность. А вот как он выполняет ее сегодня, став акимом Ошской области?!

Книга закончена, хотя многое недосказано теми, с кем мне не суждено было встретиться...

Сейчас Султан Ибраимов видится мне облокотившимся на барьер у одной из витрин Ошского базара. Он разговаривает с дехканином и смеется с добрым прищуром.

Да, он лично ходил на базар, узнавал цены, и в руках у него вполне прозаический бумажный пакет, заполненный покупками.

Люди за прилавками его не знали.

О чем же он сказал или спросил так, что этот загорелый, худощавый старик в тубетейке искренне и громко смеется во весь свой беззубый рот?!

Уже осень... Я с мужем и с нашими друзьями, Асаном

Сыдыковым — одним из сильнейших предпринимателей Балыкчи и его женой Розой эже, прогуливаемся по берегу Иссык-Куля.

Песок хрустит под ногами. Прозрачная синь озера безмятежна и всевластна. Чайки не боятся надвигающихся холодов. А лебеди? Эти загадочные и гордые птицы, которые так нежно любят друг друга...

Мои спутники громко обсуждают контуры будущей совместной работы, а я же, присев на небольшую скамеечку у берега, целый час смотрю на две пары лебедей. Сколько изящества, грации на синих волнах; ведь нигде этого не увидишь, разве что на Чистых Прудах в Москве. Но это было так давно. А на Иссык-Куле так естественна лебединая любовь.

Озеро. озеро... Священное, единственное для каждого кыргыза.

Плакало ли оно, бунтовало ли оно, предвещая страшное злодеяние этого века — расправу черных сил над одним из лучших сынов кыргызских — Султаном Ибраимовым?!

Исходило ли оно ревущими волнами вместе с вмиг овдовевшей дочерью Ревой, которая в такое неестественное время глубокой ночи стучала в двери, прося о помощи врача... Рядом, мало что понимая, плакал маленький сын... Белый лебединый плач над озером в черный день...

ОНИ ПОДДЕРЖИВАЛИ МОЙ ДУХ И НАСТОЙЧИВОСТЬ В ИЗДАНИИ КНИГИ

АБДЫКЕРИМ ГАПАРОВ —

бывший руководитель аппарата
Ошской облгосадминистрации

— Эже, я прочитал в «Азии» отрывок из вашей книги о Султани Ибраимове. Она нужна безотлагательно. Вы же понимаете, что без великих примеров история мало-значительна.

ДОСМАТ БЕКМАТОВ —

ветеран Министерства водного хозяйства

— Я взволнован твоей работой о Султани Ибраимове. Мы с ним были не просто коллеги — он был главным человеком в моей судьбе. Нынешним руководителям его бы умение видеть каждого, с кем сводит судьба. Я мог бы тебе много рассказать о нашей совместной работе, начиная с освоения баткенских земель, о том как Он поддержал меня в самое трудное время в моей жизни тогда. Но я уверен, что очень многие уже скажут это о себе, а я опоздал.

Прошу тебя, как бы ни было тяжело, не отступай, сделай все, чтобы настоящие, хорошие люди получили эту книгу... Не болей, не разочаровывайся. Пусть в это тяжелое время Его дух поддерживает тебя, дочь моя!

ЖОЛБОРС ОСМОНОВ —
президент АО «Алтын Суу»,
депутат Ошского областного кенеша

— Эже, в «Слове Кыргызстана» такой трогательный отрывок из вашей книги о Султане Ибраимове.

И пока был в Бишкеке, я слышал очень много уважительных и восхищенных отзывов. Несмотря на все трудности, эту книгу надо издать.

БЕКБОЛОТ ТАЛГАРБЕКОВ —

вице-премьер-министр
по аграрной политике

Не боялся давать обо мне откровенные высокие отзывы, поддерживал теплыми словами и поступками в трудные минуты.

А познакомились мы в самое непредсказуемое время... 1991 год... Августовский путч, крах Коммунистической партии... Засилье людской памяти только на пассив, актив зачеркивается, будто 73 года партийно-советской истории ничего Кыргызстану не дали.

11 октября в Доме правительства (накануне выборов Президента) членов нашей делегации с депешей принял Бекболот Талгарбеков. Молодой человек тактично слушал доводы южан, даже самые беспощадные, в том числе и нападки на приватизацию и беспардонный ход аграрной реформы. Каково же было мое удивление, когда он потом довольно часто звонил ко мне в Ош и будто советовался. Я пыталась быть объективной, и моя попутная информация была точной. Я предвидела, что этот парень пойдет далеко. Конечно, не случайно я — одна женщина из семнадцати — была включена в оргкомитет по подготовке учредительной конференции Крестьянской партии. Она состоялась 8 декабря. Из десяти ошан на эту конференцию прибыли только мы двое: самолеты не летали, пришлось вернуться из Токтогула, на рейсовых автобусах через Ташкент и Джамбул «пробились» с опозданием на полдня. Но даже страшная усталость не в силах была притупить моего восхищенного восприятия председателя конференции Жумакадыра Акенеева. Наряду с глубокой компетентностью, уместной полемикой он талантливо лавировал в явно агрессивных, амбициозных выпадах. И то, что в этот день конференция состоялась, — его прямая заслуга.

Потом уже я узнала его родословную...

СОПУБЕК БЕГАЛИЕВ —

бывший руководитель Госплана,
Председатель Ассамблеи
народа Кыргызстана

— Тема и цель вашей книги благородны. И это — не превеличение. Осознание прошлого, осмысление настоящего, ответственность перед будущим — долг каждого мыслящего человека.

Мне с Султаном Ибраимовым приходилось много дискутировать, обсуждать проблемы, разрабатывать эконо-

мические программы государственного масштаба. До сих пор не устаю удивляться силе его доводов при обосновании необходимых вложений.

Бывали моменты, когда я видел его в ином качестве. Какой это был ловкий наездник, спортивный охотник!

И еще одно: Султан Ибраимович краснел и как-то ежился, весь сжимался (представьте себе — такой Человечище!), когда кто-то допускал бестактность или неприличное слово. Ему было стыдно за невозможность прекратить разговор.

Вы правы, считая его южанином северного происхождения. Ваша настойчивость в издании книги вполне оправдана и заслуживает одобрения и уважения.

АПАС ЖУМАГУЛОВ —

Премьер-министр Кыргызской
Республики

Есть в истории всех народов лидеры, которые покоряют лихие времена фундаментальной мудростью. Как правило, у них не бывает оппозиции, перед ними пасуют заказные ораторы и безоглядные карьеристы. Пристальным взглядом они выхватывают из любой толпы поистине ценные кадры.

Они бережно относятся даже к тем, кто пытается с фарсом выказывать игнорирование или позу. У них настолько высокая и благородная планка стабильной позиции, что по отношению к ней невозможно вычурно менять свою. Кому бы то ни было! Потому только Апас Жумагулов и мог возглавить Республиканский национальный фонд Султана Ибраимова.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ВЫСКАЗЫВАНИЯ С.И.ИБРАИМОВА В 1975—1976 ГОДАХ	14
О СУЛТАНЕ ИБРАИМОВЕ ГОВОРЯТ ЕГО СОРАТНИКИ И СОВРЕМЕННОКИ	17
РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ... ..	172
НАЧАЛО ТРАГЕДИИ С ОТСТУПЛЕНИЯМИ	172
СВОБОДА ВСЕДОЗВОЛЕННОСТИ	176
МНЕНИЯ И ОТЗЫВЫ О СУЛТАНЕ ИБРАИМОВЕ	185
МЫСЛИ СУЛТАНА ИБРАИМОВА... ..	191
ИЗ БИОГРАФИИ СУЛТАНА ИБРАИМОВА	193
И ЕЩЕ РАЗ ОТ АВТОРА	194
ЭПИЛОГ	197
ОНИ ПОДДЕРЖИВАЛИ МОЙ ДУХ И НАСТОЙЧИВОСТЬ В ИЗДАНИИ КНИГИ	203

Научно-популярное издание

**Шарипова Салима
Канатбековна**

**БЕЛЫЕ
ЛЕБЕДИ В ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ**

Художественно-публицистическое эссе

Бишкек, Издательский Дом «Кыргызстан»

На русском языке

Редактор
Л. П. Бондирева

Художник
С. Жамгырчиев

Худ. редактор
Б. Жайчыбеков

Техн. редакторы
*В. Салихова
Ж. Сооронкулова*

Корректор
Беделбек кызы В.

ИБ № 5204

Издательский Дом «Кыргызстан»

Сдано в набор 05.09.1996. Подписано к печати 25.10.1996 г. Формат
бумаги 84x108 1/32. Бумага типографская № 1. «Типтаамс» гарнитура.
Печать офсетная. 6,5 физич. печатных листа. 10,92 условн. печатных
листа. 10,99 учетно-издательских листа. Тираж 10000. Заказ №1208.

Цена договорная.

720361, ГСП, Бишкек, ул. Советская, 170

Кыргызполиграфкомбинат

720461, ГСП, Бишкек, ул. Т. Суванбердиева, 102

